АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИМ. Д.И. ГУЛИА АКАДЕМИИ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Г. К. ШАМБА

ДРЕВНИЙ СУХУМ

(Поиски, находки, размышления).

Издательство «Алашара»
Сухум - 2005

Шамба Георгий Кучович - доктор исторических наук, профессор.

Главный редактор: Алексей Аргун- академик РНАН, профессор.

Рецензенты:к.и.н.И.И. Цвинария(отделархеологииАбхазского института).

к.и.н. доцент А.Н. Габелия (кафедра истории археологии и этнологии Абхазского государственного уневирситета).

к.и.н. доцент А.А. Хашба (кафедра истории археологии и этнологии Абхаского государственного уневирситета).

Шамба Г.К.
Древний Сухум. "Алашара"
Сухум 200.5 - 208 стр.

© Шамба Г.К., 2005

МОЙ СУХУМ!...

Ты грядущее наше и ты отраженье былого,
Ты ворота Кавказа, в которые море стучится.
И сквозь эти врата врагу никогда не пробиться!
Все здесь дышит озоном, смыкается море с газоном.
О Сухум, ты помнишь далекие встречи с Язоном?
Здесь ведь некогда «Арго» подолгу стоял на причале,
И страдала Медея, и чайки над нею кричали.
Не сюда ль аргонавтов манило руно золотое?
Светлый город не раз превращался в болото пустое,
И ложилась опять на заре, на волну позолота.

Баграт Шинкуба
народный поэт Абхазии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 5
Глава I. Следы каменного века в черте современного Сухума (палеолит-неолит) 6
Глава II. Бытовые и погребальные памятники эпохи меди, бронзы и раннего железа 12
Глава III. Земледелие у обитателей древнего Сухума 34
Глава IV. Вооружение 48
Глава V. Памятники искусства 53
Глава VI. Надписи на археологических предметах 68
Глава VII. Монеты 74
Глава VIII. Керамические мастерские древнего Сухума 78
Глава IX. Стратеграфия памятников древнего Сухума по данным археологических раскопок XIX-XX веков 82
Глава X. Статьи и рассказы автора о древнем Сухуме 87
Описание рисунков 193
Вместо заключения 197
Использованная литература 201
Список сокращений 207

ОТ АВТОРА

В книге речь идет о древнем Сухуме - городе с 25–вековой письменной историей. О нём писали выдающиеся писатели и историки древней Греции и Рима (Пс. Скилак Кариандский, Страбон, Плиний Старший, Помпоний Мела, Флавий Арриан, Стефан Византийский и мн. др.).

В те отдаленные времена город был известен как Диоскурия, где собирались десятки и сотни разноязычных племен и народов для ведения своих торговых операций. А между тем, абхазы, на земле которых находился этот город, всегда называли Аҟәа, этимология которого восходит в седую древность, когда на Западном Кавказе звучал праязык абхазов и адыгов.

Об одном из значений города как-будто говорит дошедшая до нас абхазская поговорка: «Аҟәагьы ахьы тоуп» (букв. «И в городе Аҟәа золото лежит»), т.е. «Златообильный».

По поводу древнего Сухума, известный археолог и искусствовед Дюбуа де Монпере, посетивший Кавказ в 1833 г., писал: «Диоскурия находилась в центре прекрасной Абхазии, обменивала свои продукты..., открыла себе путь через горный хребет Кавказа. Диоскурия была метрополией греческих колоний Абхазии».

На основании археологических и письменных источников, многие из которых выявлены нами, излагается далекое прошлое нашей столицы - Сухума, когда на этом месте и на близлежащих холмах существовало множество поселений и могильников, созданных земледельцами, скотоводоводами, мастерами-металлургами, гончарами, текстильщиками, солеварами. Есть археологические памятники связанные с языческими божествами аборигенов

Книга рассчитана на учащихся, студентов, преподавателей истории и культуры, а также многочисленных отдыхающих курортников - любителей путешествовать по Кавказу и Черноморскому побережью.

Глава I. СЛЕДЫ КАМЕННОГО ВЕКА В ЧЕРТЕ СОВРЕМЕННОГО СУХУМА (ПАЛЕОЛИТ, НЕОЛИТ).

1. Древнекаменная эпоха.

По сложившейся исторической географии наша столица со своим пригородом занимает пространство от Гумистинского плато на западе и до реки Келасур на востоке; с севера - гора Яштух (по абх. Яштхуа), высотой около 800 метров; с юга - морская бухта, являющаяся, по общему признанию лоцманов, самой крупной и защищенной корабельной стоянкой на Кавказском Причерноморье.

В то же время, когда идет речь о западной окраине города античной эпохи, следует сказать, что она включала в себя и прибрежные холмы села Эшера (по абх. Ешыра), где в античное время функционировали мастерские, особенно гончарные центры города Диоскурии, а к востоку, равнины Агудзера - Гульрипш.

Большое познавательное значение имеет вопрос образования самой Сухумской долины. Своим происхождением она (т.е. долина) обязана реке Гумста - Гумиста: (букв. «место рода Гумаа» или «Гумовых»). Как установили геологи и палеолитчики, в далекую, доисторическую эпоху, давности 600-800 тыс. лет, там, где ныне р. Басла впадает в море, протекала ее предшественница-Восточная Гумиста, прекратившая свое существование после того, как наносная масса реки (песок, гравий, галька и др. обломанные породы) значительно увеличилась. (Соловьев, 1971, с.20).

В итоге, устье другой ветви - Западной Гумисты - образовало обширную дельту, все больше и больше наращивая красномаякский выступ. Последний, как известно, напрямую защищает Сухумскую бухту от потоков северо-западных ветров. Что касается балласта остальных внутрисухумских речушек («Гнилушка» - по абх. Дзапш; «Сухумка» - Ҳакпса; «Беслетка» - Басла и др.), то их вынос вовсе недостаточен для компенсации имевшего здесь место опускания дна морской бухты, и поэтому последняя (т. е. бухта) имеет тенденцию к увеличению (Соловьев, 1947, с. 100; Куфтырева и др., 1961, с. 171).

Теперь о времени начала человеческой жизни в регионе. К северу от Сухума лежит Яштухская стоянка (рис. 1,1) - одна из древнейших и самых крупных обиталищ первобытного человека на Кавказе, если не сказать - самая крупная.

На основании термолюминесцентного метода, ее возраст относят к середине трехсотого тысячелетия, т.е. выражаясь в цифрах, около 358-330 тыс. лет назад (Любин, 1998, с. 156); или миндель- рисскому межледниковому периоду. Разумеется, есть и другие ученые, которые видят на Яштухской стоянке более ранние следы проживания человека (Соловьев, 1974). По ориентировочным данным площадь памятника колеблется от 70 до 100 гектаров. Она раскинулась и на соседние холмы: Ахбюк, Бырц, Цугуровка и др. (Замятнин, 1937, с. 19 и след. Соловьев, 1971, с.21-36.).

Наиболее ранние комплексы археологических находок Яштухской стоянки приурочены к отложениям пятой черноморской террасы. Здесь имеются выходы кремня (т. н. датского яруса). Долгое время изучавший Яштухскую стоянку И. Коробков, неоднократно отмечал специфику этого выдающегося памятника, в отличие от других стоянок древнекаменной эпохи Кавказа. Исходя из этого, Яштух он сопоставил с памятниками Восточного Средиземноморья, т. н. убейдинско-латамнской традиции Леванта. (Коробков, 1967, с. 194-206, Любин, с 155-156 там же).

К Яштухским режуще - рубящим орудиям относятся ручные рубила (бифасы). Специфика их состоит в том, что они сделаны на отщепах с 3-4 лезвиями. Есть множество зубчатых, клювовидных орудий и скребков. По И. Коробкову, Яштухские орудия полностью сходны с изделиями ливантийской стоянки - Джубб-Джаннин, **а** также с рубилами израильской стоянки Майян-Барух. Сказанное означает, что Кавказское Причерноморье еще в эпоху нижнего палеолита имело какие-то контакты с Восточным Средиземноморьем. Отмечалось также, что ашельские орудия, найденные в Восточной Турции, Южной Осетии, Абхазии и Адыгее, типологически настолько близки друг к другу, что их вводят в круг бифасов (ручных рубил)

африкано - ливантийского облика **(Любин,** 1998, с.172-173). Исходя из этих местонахождений, можно наметить наиболее вероятные маршруты изначальных продвижений, которые лежали в обход болотистой Колхиды с северо-востока, а затем в западном направлении, в сторону Абхазского Причерноморья, района Б. Сочи, Туапсе и Закубанья. Шли древние люди также, через горные долины Западного Закавказья длиной около 400 км., при ширине 4-5 км (Риони, Цхенисцкали, Ингур, Кодор, Бзыбь, Псоу, Сочи). Только в Абхазии обнаружено свыше 100 нижнепалеолитических стоянок – местонахождений, и среди них Яштух, что находится в полосе северной части современного Сухума (Любин, 1998, с. 156-175 и след.).

Учитывая полный процесс обработки камня в мастерских - камнеломнях, люди на Яштухе беспрерывно жили многие тысячелетия. При этом орудия изготовляли из кремня (по-абх. «ашьанца», букв. «выводящая кровь»; Соловьев, **1971,** с. **74). К** ним относятся ручные рубила (рис.1, 3) или универсальный топор, с помощью которого добывали себе пищу для пропитания; были еще т. н. грубые отщепы («аҟәрҷах»), получавшиеся при обработке рубил, а затем их применяли в качестве режущих орудий.

Древнейшие люди, создавшие подобные изделия, находились на уровне питекантропа и синантропа, именуемые сегодня в науке как «архантропы» («древнейшие люди»). К тому времени уже было известно применение огня. Абхазская поговорка «умцаху ыцээаит» («да погаснет твой огонь») или наоборот - «умцаху мыцээаит» («да не погаснет твой огонь»), очевидно, восходит к тем временам, когда далекие пращуры еще не знали способа получения огня, т. е. огонь передавали от одной стоянки к другой, тем самым не доводя до случая его погасания. Основой жизни было собирательство и охота на зверей, при этом охота осуществлялась как коллективная (облавная), реже и индивидуальная. Эти первобытные люди (или, как их называли, «первобытное стадо») жили небольшими коллективами, в количестве от 10 до 30 индивидуумов. Отношения между мужчинами и женщинами были пока еще неуравновешенными («смешанные» или «всеобщие»).

По мнению исследователей, Яштухская стоянка первобытного человека привлекала к себе, главным образом, благодаря наличию известнякового пласта с большим содержанием кремня, из которого делали орудия труда и оружие.

Эта стоянка примечательна не только тем, что на ее поверхности обильно встречались всевозможные поделки, что само по себе имеет жизненно важное значение; особенность Яштухской стоянки состоит еще и в том, что солидная территория ее являлась огромной мастерской, где делали орудия со всеми ступенями его изготовления - от первоначальной добычи поделочного материала до окончательного его завершения. К тому же здесь, на Яштухе, сухумчанам известны родниковые источники, откуда и сегодня берут питьевую воду типа минеральной, считающейся лечебной.

Человек древнекаменного века обитал и в других местах окружения древнего Сухума. Так, находки кремневых рубил правобережья р. Гумиста, т. е. западнее Сухума, и у реки Келасура, т. е. восточнее Сухума (рис.2), значительно расширяют наши представления о широкомасштабности и плотности населения и места находки орудий тех времен ашельской эпохи. Но главное место сосредоточения памятников раннекаменного периода оставалось все-таки на холмах и склонах Яштух. Л. Соловьев и некоторые другие авторы доказывают, что на горе Яштух существовали более ранние этапы культуры, нежели ашель (Соловьев, 1974, с. 11-17).

Жизнь здесь продолжалась и в последующую эпоху - мустье (120-40 тыс. лет назад). Как известно, главным новшеством этого времени являлось искусственное получение огня, а также изобретение новых орудий - остроконечника и скребла (соответственно - прототип копья и ножа).

Поиски ученых показали, каков был растительный мир того времени: так, в 1976 г. недалеко от Сухумского Главпочтамта, на трехметровой глубине обнаружили торфяник. Анализ содержимого в нем (пыльца) показал, что около 41.610 лет назад (верхний палеолит или эпоха т. н. средневюрмского потепления)

в черте Сухума был умеренно-теплый и влажный климат, где росли бук, пихта, эль. Чуть позже, примерно 38.590 лет назад эти растения почти полностью исчезли и вместо них появились сосновые леса, т. е. климат стал холоднее и более суше (Арсланов и др., 1976, с. 125-129).

В археологическом плане это есть верхний палеолит. Орудия того времени обнаружены на разных стоянках Яштуха (II, III, IV террасы) и на восточной окраине Сухума - в Келасуре. Недавно там были найдены дисковидные нуклеусы, отщепы, ретушированные пластины, остроконечники и ручное замечательное рубило миндалевидной формы расцвета ашельской эпохи (рис.2): (Амичба, Габелия, 2002, с. 6-7).

Вслед за Мустье, в окрестностях Сухума (Яштух, Лечкоп, Келасур) обнаружены орудия верхнего палеолита. Более **того,** коллективное жилище зафиксировано в Лечкопе (Воронов, 1969). Читателю напомним, что верхнепалеолитические стоянки и места находок орудий того времени (35-14 тыс. лет назад), как правило, не встречаются выше стометрового уровня моря (АГ, с. 143).

Как известно, история появления разумного человека ничинается с верхнего палеолита (40-35 тыс. лет назад).

В Европе он уже проживал около 38-35 тыс. лет назад, и считается, что тогда же начинают возникать первобытно-общинные ячейки.

О том, что формирование современного человека происходило на Кавказе, в том числе и на территории Абхазии и смежных районах, свидетельствуют палеоантропологические (останки костей человека) находки в Ахштырской пещере, которая расположена в ущелье р. Мзымта Адлерского района. Здесь, в слоях переходного периода, от мустье к верхнему палеолиту (ок. 37 тыс. лет назад) выявлен человеческий череп, отнесенный антропологами уже к разряду разумного человека (Векилова, Зубов 1981 с. 62).

Аналогичный костный материал обнаружен и в пещере Мачагуа Гудаутского района (Хварцкия, 1992, с. 109-118).

В эпоху среднекаменного века (мезолит-14-10 т. л.) в

окрестностях Сухума продолжают обитать люди. Сказанное подтверждается раскопами пещеры, расположенной на северо-западной **окраине Сухума,** опять-таки в **черте села Яштух. Речь идет о карстовой пещерной** стоянке, **выявленной в 1959 г. Вход** в нее ориентирован к юго-востоку, т. е. хорошо освещается солнцем. Ширина входа - 6-7 метров, высота потолка -6 м, само помещение овальной формы, длиной 35-40 метров; внутри имеется родниковый источник: пол почти горизонтальный. Накопление культурного слоя составляет почти два метра. Здесь встречаются поделки мезолитической эпохи: более 15 завершенных каменных орудий (прямоугольные микровкладыши, пластиночки с боковой ретушью, раздробленные кости пещерного медведя и т. д.). Этот памятник относится к группе сезонных стоянок - охотников. Данное укрытие имеет много общего с аналогичными пещерами Кодорского ущелья (Куабчара, Джампал, Апианча). Частые находки костей пещерного медведя говорят о том, что этот вид животного сохранился на территории Абхазии **дольше,** чем где-либо на Кавказе, Западной Европе и Крыму. Так говорим потому, что последний пещерный медведь вымер значительно раньше - до начала мезолита. Все эти особенности дали основание ученым выделить самобытную мезолитическую **культуру** Абхазского Причерноморья, т. е. в пределах междуречья рек Ингур - Мзымта (Соловьев, 1971, Церетели, 1973).

2. Следы новокаменного века (неолит).

Жизнь на территории Сухума и его окраинах продолжалась также в эпоху неолита (новокаменного века). **Несколько** поселений того времени разными экспедициями были **открыты** на вершине горы Яштух (Воронов, 1969, с. 32, № 189; **Коркия,** Церетели, 1982, с. 28). Следы того периода известны **также** из прибрежной части. Новейшие исследования неолитических памятников Абхазии ставят вопрос о возможности, т. е. более раннего появления неолитического общества на Черноморском побережье Кавказа по **сравнению с** сопредельными Северным Причерноморьем и Крымом. Дело в том, что характерные изменения, имевшие место в предшествующих, т.е.

мезолитических стоянках Кодорского ущелья: (Холодный грот, по–абх. «Хупынипшаҳәа», Куабчара, Апианча и т. д.), указывают на зарождение еще в недрах мезолита-неолитических форм хозяйства («палки-копалки», подшлифованные лезвия топоров и долот), попытки изготовления из камня светильников, выработка отверстий в гальках для дальнейшего ношения в качестве амулетов, появление терочника круглой формы для растирания (размалывания) растительных плодов, употребление сланцевых и костяных (мотыгообразных изделий) и т. д. и т. п. Это было около 8-9 тыс. лет назад (Соловьев, 1967, с.3-38).

ГЛАВА II. БЫТОВЫЕ И ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ МЕДИ, БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА.

1. Гумистинский курган и поселение.

С территорией Сухума связана целая серия памятников бытового и культового характера эпохи раннего металла. Речь идет о находках на западной окраине Сухума (Гумистинское плато), где выявлен сложный памятник- поселение с могильником, причем, поселение находилось на террасе в сочетании с могильником, известным в археологической литературе как Гумистинский комплекс, выявленный и исследованный Соловьевым Л.Н. и Бжания В.В. (Бжания, 1969, с.58-61). Расположение памятника таково: поселение занимало холмик, в середине которого находился родовой могильник. На этом месте покойников хоронили в скорченном положении с согнутыми коленями; головы ориентированы на юго-запад. В качестве сопровождающего материала в захоронениях встречались глиняные горшочки, у которых форма баночная, плоскодонная с петельчатыми ручками. Некоторые из них орнаментированы косыми нарезками в области предплечья, иногда в верхней части венчика налеплены выпуклые шишечки; с обеих сторон сохранились следы сглаживания гребенкой;

иногда с рельефным рантиком и нарезками. Цвет обжига - буровато-красный или черное лощение. Есть небольшие миски-ситечки для процеживания жидких продуктов. Дата Гумистинского поселения - ранняя бронза. Памятник имеет много общего с Нальчикским могильником эпохи начала бронзы, т.е. в то же время синхронен с Майкопской (Соловьев, 1958, с. 148-149, рис. 1 б; Бжания, 1969, с. 59 рис.24, Воронов, 1969,с. 31, №160-161).

Продолжая разговор О Гумистинском археологическом комплексе, необходимо отметить, что в одном погребении найден каменный топорик с неоконченным сверлением (Бжания, с. 60, рис. 23,9). Встречались также кремневые отщепы, обработанные гальки для их дальнейшего использования в качестве орудий. Некоторые из них имели заостренные края по периферии, и их считают орудиями типа мотыжек. Эти изделия довольно однотипны (Соловьев, 1958, с. 137, рис. 16; Бжания, 1966, рис. 1,1). Впервые они были найдены на западной окраине Сухума, а на сегодня карта их распространения охватывает всю Сухумскую долину и ее прибрежную часть: с запада - до Нового Афона (Цвинария, 1978, табл. XXIV, 2-3), а с востока - устье реки Мачара (Бжания, 1969, с. 58-66). Первооткрыватель этого орудия Л.Н. Соловьев называет их мотыжками «сухумского» типа (Соловьев, 1958, с. 148). Оттуда же происходят галечные орудия «сочи-адлерского» типа. Того же мнения придерживаются и все те, кто занимается изучением раннеземледельческой культуры Кавказского Причерноморья.

Недавно было опубликовано каменное изделие из Палестины, имеющее большое сходство **с** каменными орудиями «сухумского» типа. Интересно отметить, что палестинские находки обнаружены в слоях энеолитической эпохи второй половины IV тыс. до н.э. (Мерперт, 2000, с. 105; рис. 5. 8; 5). В этом нет ничего неожиданного, ибо на сходство наших орудий «сочи-адлерского» типа с археологическими предметами Ближнего Востока, эпохи неолита Хассунской культуры (Ирак) давно обратили внимание и отечественные ученые (Формозов, Мунчаев, Соловьев, Бжания, Цвинария и автор этих строк).

Круг названных памятников относят в целом к III тыс. до н.э. Конкретизируя значение каменных мотыжек, одни ученые считают их орудиями для обработки земли (Семенов 1974, с. 186, Недоля, 1957, с. 142; 5), а другие относят к изделиям разделки туши кожи животного. Но то, что эти мотыжки связаны с прибрежными бытовыми памятниками (Мачара, Гумиста, Гуандра и др.), говорит за то, что действительно их применяли для обработки земли в устьях рек и речушек, т. е. илистые места, где без особого труда обрабатывали землю для выращивания зерновых.

В любом случае, родовое общество, оставившее нам Гумистинское поселение (т. е. обитатели древнего Сухума), как видно из раскопок, занималось многоотраслевым хозяйством (земледелие, скотоводство, различные ремесла и т. д.). В то же время жители поддерживали прямые контакты с общинами Северного Кавказа (Кабарда). Вполне возможно, что к тому времени были налажены какие-то пути с раннеземледельческими культурами Передней Азии и Ближнего Востока (Палестина). Находки памятников раннего земледелия, не ограничиваются только Гумистинским поселением. Так, при строительстве Сухумской 4-й школы, недалеко от Сухумского рынка, на глубине около 5 метров, в слое синей глины найдены черепки сосуда, орудия из морской гальки, кремневые отщепы, зернотерка овальной формы и т.д. (Соловьев, 1939, с. 47). К материалам раннебронзовой эпохи следует отнести также кремневый наконечник стрелы из верхнего слоя Сухумской крепости (Апакидзе, Лордкипанидзе, 1963, с. 217). Для изучения той отдаленной эпохи, определенный интерес представлет каменный топор - молот из южного склона Сухумской горы, где в свое время был зафиксирован овальной формы курган, относившийся к интересующему нас периоду бронзы (Иващенко, 1935, с.6, рис.П; Воронов, 1969, с. 32, № 179).

2. Гуадиху (нижний горизонт).

Когда идет речь о материальной культуре древнего Сухума, следует упомянуть бытовой памятник Гуадиху, что расположен

к северу, рядом с Сухумской горой. С вершины этого археологического объекта (рис.28,1) открывается равнина, где расположены селения Бырцха и Абжаква. Здесь, на горе Гуадиху, в 1952-53 гг., была выявлена стоянка энеолитической эпохи, нарушенная впускными захоронениями более поздних времен (Трапш, 1969, с. 18). Этот самый ранний слой поселения Гуадиху содержал множество каменных орудий (полированные топоры, мотыжки, грузила, зернотерки, фрагменты глиняных сосудов, грубые плоскодонные с петельчатыми ручками, лепные от руки с примесью песка, дробленого кварца, или шамота, иногда содержащие органическую примесь). Большинство сосудов ангобировано с хорошо сглаженными стенками. Днища - с выступающим поддоном, массивные. Орнамент - резной, елочный, колосковидный, иногда рельефный, из овальных зигзагообразно расположенных валиков. На некоторых мисках по краю венчика налеплены шишечки, т. н. жемчужный орнамент. Подобными узорами украшали также сосуды Майкопской культуры второй половины III тыс. до н.э.

В слое попадались и кремневые орудия, наконечники стрел, ножевидные пластины, скребки, резцы и т. д. Как правило, все находки из Гуадиху имеют прямые черты энеолита и обнаруживают многочисленные параллели на селищах того же времени (Мачара, Псоу, Ахштыр, Нижняя Шиловка и соответствующий слой Кистрикского поселения).

Некоторые археологи считают, что на Гуадиху фиксируется прекращение микролитического орудия и в то же время появление кремневых наконечников стрел (Бжания. 1969, с. 58; Цвинария, 1977, с. 124-126).

3. Мачара.

К числу древних поселений окрестностей Сухума относится поселение Мачара, расположенное недалеко от устья одноименной реки, на восточной окраине города.

Поселение Мачара, длиной около 400 метров, было раскопано в 1964 г. археологом В.В. Бжания. Здесь прослежено наличие четырех культурных слоев, из коих, три последние, т. е.

второй, третий и четвертый, охватывают время от энеолита до средней бронзы.

Если первый слой - современный гумус, иногда содержащий несколько кремневых пластинок и галечных отщепов и обломков зернотерок, то второй слой (30-35 см) не нарушен. В нем представлены камни - валуны, плотно прилегая, друг к другу, образуя вымостку. Третий горизонт без стерильной прослойки, прямо соприкасался со вторым слоем, мощность -35-50 см. В нем встречались скопления углей и орудий; видимо, это были остатки жилых помещений типа легких хижин, сооруженных из прутьев. Четвертый слой начинался с глубины одного метра, и доходил до трех метров от современной поверхности, после чего стали просачиваться грунтовые воды. Археологический материал постоянно встречается. В другом раскопе глубина земляных работ доведена до 4 метров, а угольки все чаще и чаще продолжали встречаться. Надо отметить, что в четвертом слое обнаружены отдельные скопления керамики и галечных отщепов; в этих местах фиксируются зольные очертания и ряды плоских валунов в виде жерновов с красными обгорелыми пятнами. В этом слое обнаружен костровый очаг из выкладки вертикально стоящих валунов. Другими словами, на Мачарском поселении мы имеем огороженное жилище типа полуземлянки с поперечником около 3 метров. В четвертом слое встречаются также резаки, стамески, остроконечники, дискообразные мотыжки; долота, проколки, скребла, раскалыватели, зернотерки и т. д. Наличие зернотерок и мотыг говорит о земледелии древних мачарцев. Отсюда же происходят мотыжки «сочи-адлерского» типа (Бжания, 1966, с. 113-126; Цвинария, 1977, с. 123-124).

Посуда из Мачарского поселения груба и снабжена массивными поддонами; глина плохо промешена, содержит отощатель гранитной дресвы или морского гравия; черепок легко ломается и царапается ногтем. Наружные стороны имеют бороздки от заглаживания гребенкой или пучком травы. Боковые стены имеют вогнутые очертания; края чаще загнуты внутрь, без орнамента; некоторые снабжены полосками. На отдельных

сосудах имеются отпечатки листьев и плетенки (Бжания, 1966, рис. 2, 5-6). Такие же отпечатки растений встречаются в нижнем слое Очамчирского поселения ранней бронзы (Соловьев, 1939,с. 43) и на раскопах колхидских «жилых» холмов в нижних слоях (Куфтин, II, 1950, табл. 41, 65). Исследователь Мачарского поселения В.В. Бжания считает, что керамика Очамчирской культуры не столь груба, как Мачарская, и на основании этого он допускает, что последнее (т. е. Мачарское поселение) старше, чем Очамчирское. Керамика из Мачары (низкая техника изготовления, некачественное тесто, слабый обжиг, отсутствие орнамента и т. д.), сильно напоминает глиняные изделия из Агубекова в Кабарде. Отмечают также, что в Агубеково найдены обломки с отпечатками плетеной циновки типа Очамчирской культуры. Радиокарбонная дата позволяет говорить о том, что нижний слой Мачарского поселения или же время образования этого поселения имело место почти 6 тыс. лет назад, точнее 5810 + 90 лет от наших дней (Мунчаев, 1982, с. 128). В целом, значение Мачарского поселения состоит еще и в том, что оно, как окраина древнего Сухума, охватывает, во-первых, период от энеолита до средней бронзы; во-вторых, поселение содержит наиболее ранние следы появления текстильной, а стало быть, солеварного промысла на Кавказском Причерноморье. Как показывают исследования, самые древние находки («текстильной керамики») содержат слой - ранней бронзы Кистрика и Мачары (Бжания, 1966, с. 126). Поэтому обитатели древнего Сухума около 5-6 тыс. лет назад, видимо, умели получать соль из морской воды. Другими словами, жизнь здесь протекала одновременно с поселениями в Кистрике, Псоу, Ахштыр и т. д. Самыми ближайшими соседями мачарцев были жители Гуадиху.

4. Дольмены.

Среди населения Сухума в период начала бронзы, особенно в верхней ее части (Яштух, Цугуровка), Практиковалось строительство дольменов. В этих местах был обследован целый ряд т. н. дольменных полей, где сохранились остатки от них.

Дольмен №1, Сильно поврежден от соприкосновения с современной техникой (глубокая пахота, ковши и ножи от тракторов - бульдозеров и т. д.). Сохранилась восточная стенка от дольмена длиной 3,9 метра при высоте 1,4 метра, толщина 0,20 метра, крышка длиной 3 метра свалена; западная стенка имеет длину 4,1 метра при толщине 0,2 метра; пазы прямоугольные.

Дольмен №2. Находился в семи метрах от предыдущего. Стояла лишь восточная стенка, а передняя имела ширину 2,42 метра, толщину 0,2 метра. Этот дольмен в качестве пола имел **большую плиту, от** которой **сохранилась лишь** небольшая часть.

Дольмен **№3.** Стоял в 5,5 **метрах к западу** от дольмен №2. Длина **восточной стенки - 4,1 метра, толщина** - 0,45 метра; **южная стенка имеет ширину 2,85 см, длина крышки** - 3,2 метра, ширина - 3,4 метра. На стенке сохранились две «канавки», **видимо от жертвенника;** шириной 25 х 42 **см, при** глубине – 0,16 см.

Дольмен №4 находился в 15 метрах к юго-западу от дольмена №3. Сильно **фрагментирован; свалившаяся крышка** имеет желобчатые **пазы. Длина - 3,2 м, ширина - 2,7 м, толщина - 0,4 м. Недалеко от дольмена №4** лежит «жертвенный» **камень-плита** подтреугольной **формы** со следами обработки; на поверхности снова две **«канавки», соединяющиеся в середине, и** одна «канавка» **спускается до конца плиты. Восточная** «канавка» **имеет лунообразное расширение, размером 13 см. На расстоянии 40-50 метров радиусом лежали обломанные стенки известняковой плиты,** безусловно, **связанные с дольменами (Соловьев,** 1960, **с. 69-100).**

5. Пещерные захоронения.

Археологические раскопки и разведки показали, что во времена **строительства** дольменов, параллельно с ними **использовались также** пещеры, **в** которых хоронили покойников **с расчлененными человеческими костями** (т. н. вторичный обряд **захоронения), как и в** дольменах. О таком способе погребения **имеется много специальной литературы, и** нет необходимости

здесь их повторять (см. Соловьев, 1960; Инал-ипа, 1976; **Шамба, 1974).**

Здесь же пойдет речь **об этих** загадочных **пещерных погребениях. (Рис.4).**

Так, в 5 км к северу от центра города **находится пещера под названием «Михайловка». Ее входное** отверстие **1,4 м, высота 0,5 м. Пещера долгое время находилась в** поле **зрения** ученых **и краеведов. Вслед за местным** краеведом **В. Чернявским и П.** Проценко, в этой пещере произвел раскопки в 1886 году представитель Московского археологического **общества В. Сизов.** Здесь он выявил довольно толстые следы огня и множество костного материала. Последние были определены академиком Д. Анучиным, и в итоге выяснилось, что наряду с человеческими костями были обнаружены кости пещерного медведя (Сизов, 1889, с. 4-18). Значительно позже, в начале сороковых годов XX века Л. Соловьев вновь возвращается к раскопкам Михайловской пещеры. На этот раз у самого ее входа археолог обнаружил кремневые пластинки верхнего палеолита, а в слое «А» выявил семь вторичных погребений. Даем **некоторое их описание (рис.** 3, 2-3).

Погребение №1. На дне могилы **лежали** плоские камни, **яма заполнена хаотично** положенными человеческими костями; **они принадлежали** взрослому человеку и одному ребенку. Сверху **кости покрыты плитой около** одного метра и черепки от глиняного сосуда. К этой могиле относятся бронзовая спиральная пронизь **и отдельные угольки.**

Погребение №2. Здесь содержались кости трех взрослых **людей и вновь угольки, черепки посуды,** бронзовое колечко **с небольшим ушком, бусы** из того же металла треугольной формы **и еще бусина из сурьми.**

В погребении №4 найдены **одни** бедренные **кости,** положенные пучком. Они принадлежали шести индивидуумам, среди которых **подросток** и еще один пожилой **человек, безынвентарный.**

Погребение №5 содержало останки двух взрослых людей и одного ребенка. Они тоже **были безынвентарными.**

Пбгребение №6. С ним связаны конечности руки человека.

Погребение №7. Хранило кости трех людей и одну бронзовую серьгу в полутора оборота. Видно, что в могилу заносили кости после первичного захоронения. Л.Н. Соловьев обращает внимание на то, что беспорядочное, т. е. вторичное расположение костей в пещере нельзя объяснить сдвиганием старых (предшествующих) погребений в разные углы пещеры, а преднамеренно, как погребальный ритуал (Соловьев, 1960, с.81 и след). Исходя из описанных бронзовых вещей, в пещере Михайловка вторичный способ захоронения осуществляли в основном в позднебронзовую эпоху, т. е. между XII - VII вв. до н.э., хотя, как уже говорилось, человек жил в этом укрытии еще с конца верхнего палеолита.

В указанном районе, по соседству с пригородом современного Сухума, расположены и другие пещеры с захоронениями типа дольменной культуры (рис. 4). Это - Каманская пещера-грот. В христианском мире известна как одна из весьма почитаемых святынь, где стоит церковь мученика Василиска, епископа Каманского, который пострадал вместе с пресвитером антиохийским Лукианом (Пачулиа 1989, с. 170-171). В пещере найдены кремневые отщепы, черепки от посуды, расколотые кости животных. Есть посуда, сходная с дольменной керамикой; отсюда происходят остатки вторичных захоронений. Всего раскопано 7 погребений, в которых найдены: бронзовые плосковатые и бочонкообразные бусы, свинцовая бляха, медная и сердоликовая бусины, кремневый отщеп с белой патиной. Точно такие же находки имеются в Эшерских дольменах и кромлехах. (Соловьев, 1960, с. 80-85, Шамба, 1974). Так что пещера была освоена человеком еще с эпохи бронзы.

С Каманским гротом связаны и более поздние материалы: амфорные захоронения позднеантичного периода (слой «Г»), в котором найдено погребение ребенка. Другой слой (В) содержал керамические изделия уже феодальной эпохи. К пещерным памятникам относятся грот им. археолога Иващенко Михаила Михайловича, поселения Андреевское, Гумское. В последнем найдены обожженные кости (кремация), колотые гальки, мотыжки с острой спинкой и т. д. (Соловьев, 1960, с. 86).

При описании памятников эпохи бронзы северной окраины Сухума необходимо вспомнить погребение, комплекс которого состоял из бронзового наконечника копья, спиральной пряжки, круглопроволочной шейной гривны, относящийся к первым векам I тыс. до н.э. (Лукин, 1945, с. 40; Воронов, 1969, с.34, № 203).

Теперь вернемся ближе к черте города и рассмотрим имеющиеся у нас памятники эпохи бронзы. Мы уже говорили о Гумистинском, Мачарском и Гуадихунском поселениях эпохи меди и ранней бронзы, а также погребально-культовые сооружения времен мегалитической культуры, сосредоточенные на северной, западной и восточной окраинах Сухума. К числу их относятся также находки из т. н. замка Баграта. Археолог М.М Трапш во время своих раскопок 1954 года «замка Баграта» - крупного фортификационного сооружения зрелого средневековья, обнаружил культурный слой ранней бронзы, подтверждаемый такими находками, как толстостенные лепные сосуды баночной формы, изделия с петлевидными ручками, костные шильца, типичные для ранней бронзы.

В 5 км к востоку от этого места расположено Алексеевское ущелье, откуда происходит множество археологических предметов, среди них круглая бронзовая бляха с прорезными кружочками. К ним дополнительно подвешены серповидной и птицевидной формы фигурки. Вещи обнаружены еще в 1909 году, а сами материалы опубликованы в 1926 году В.И. Стражевым (Стражев, 1926). Оттуда же происходит бронзовая, полая литая нога крупнорогатого животного (бык?). Недалеко от этого места протекает речка Дзигута (по абх. «Срединная река») там найден бронзовый топор с симметричным лезвием и отломанным обухом. По его форме следует отнести к прототипам основного колхидского бронзового топора (Воронов. 1969, с. 33,27). Оттуда же происходит гранитный валун с просверленным отверстием. Еще в 1935 г. в поселке Агудзера обнаружили целый набор бронзовых вещей: пластинчатый кинжал с отдельно литой рукояткой, и кинжальный клинок. Все они относятся к началу I тыс. до н.э. (Лукин, 27, с. 168, табл. II).

Среди памятников материальной культуры местного населения эпохи развитой бронзы большое место занимает клад из села Пшап, что лежит у восточных границ Сухума.

6. Пшапский клад из 52 бронзовых предметов, содержащихся в одном глиняном сосуде. Поверхность ее хорошо сглажена; красная снаружи и темно-коричневая изнутри. В изломе - красная и темная. Диаметр дна - 8,6 см. Среди предметов: 9 сечек в хорошей сохранности, тыльная часть - плоская или выпуклая, сужается к концу, либо сохраняет ширину лезвия до **тыла:** 7 бронзовых сечек (фрагментированы). Есть вотивная сечка, длиной 1,8 см, шириной лезвия 3,8 см 10 обломков сечек.

I. Топор с клиновидным обухом, длина – 18см, ширина лезвия - 6,5 см.

2. Топор того же типа с обломанной обушной частью, обломок расщепленной втулки копья.

3. Пряжка округлая с прорезными отверстиями треугольной формы по кругу, с обломанным **крюком, размер 6 х 6.4 см.**

4. Пряжка в виде овального кольца, размером 3 **х** 5,2 см. На **одной** стороне гвоздеобразный (фаллич.?) выступ. С тыльной **стороны две петли и крюк.**

5. Пряжка в виде птицы с отбитой головкой. Снаружи инкрустирована белой **массой, а также имеет две петли и** обломанный крюк.

6. Пряжка треугольной формы, в задней части-три фигурки баранов. Фактура шерсти показана поперечными вырезами. Под баранчиками - 3 отверстия; спереди крюк. **Длина - 7,2 см,** ширина основания - 5,8 **см, толщина** пластины - **0,4** см. Высота фигурок - до 2,5 **см. Около 30 небольших слитков и их обломков. Находка сделана в 1963** году **дата - VIII-VII** вв. до н.э. **(Воронов, 1969, с. 36, №232)**

7. Кромлехи.

Когда говорим **о древнем Сухуме,** нельзя **не** упомянуть близлежащие мегалические сооружения по той стороне Гумисты, известные как кромлехи (Шамба, 1974). Место их

находки расположено **в 6 км от западной окраины Сухума, на самой юго - восточной стороне села Эшера, у высокого берега р. Гумиста; раскопаны в** 1969-70 **гг.** (рис.4[а]). **Оба кромлеха построены одновременно из больших булыжных камней. Размеры обоих сооружений почти одинаковы: каждый шириною по 11 метров. Наиболее крупный камень кромлеха имеет высоту около 1 метра,** остальные поменьше, но не менее 0,40 **м. (рис.4-**А, 1). Все камни врыты в землю вертикально. Каждый кромлех имеет **по четыре** круга. Вход сохранившегося кромлеха ориентирован к северу или северо-востоку. Оба сооружения служили местом захоронения людей и животных, способом вторичного обряда. В центре первого кромлеха была погребена собака (определение проф. Н.И. Бурчак-Абрамовича). Основное место захоронения - центральная площадь кромлеха, где были совершены погребения-части костяков. Вместе с ними в обоих кромлехах лежали целые или частично поломанные орнаментированные сосуды (горшочки, миниатюрные кружочки - **«кофейники» (Шамба,** 1974, с.65). Некоторые сосудики имеют прямую аналогию с керамикой верхних слоев дольменной культуры и, что не менее важно, с керамикой кобанской культуры Северного Кавказа. Исходя из этого, считаем, что кромлехи возникли не позднее середины **II** тыс. до н.э. Основанием для этого служит находка плоского кинжальчика (Шамба, 1974, с.682). Последний найден в переотложенном состоянии, имевшим место в период строительства кромлехов, т. е. к этому времени подобные кинжалы уже давно находились в обращении. Другими словами, эти плоские кинжалы к периоду постройки кромлехов являлись прототипами кинжалов с «пламевидными» стержнями (Шамба, **1974,** с.68,1). **Один из** таких кинжалов найден в центре кромлеха №1, который справедливо относят к изделиям местных кинжалов культового значения.

В то же время кромлехи являлись **земным** отражением самого большого небесного светила (Солнца). Предполагаем, **что** при захоронении в кромлехах совершались сложные погребальные ритуалы, связанные с захоронением **и, возможно, совершением** тризны. При этом, учитывая концентрический характер

кромлехов, допустимо, что в них служили жрецы. Последние могли выполнять обрядовые шествия или ритуальные танцы, связанные с заупокойным культом усопших. Считаю, что эти погребальные обычаи (момент занесения останков человеческих костей, многочисленного и разнообразного сопровождающего инвентаря и т.д. и т. п.) во многом напоминают погребальный танец «Айбаркыра» (круговой пляс) абхазов и адыгов, связанный с ударом молнии и считавшийся божьим посланием с небес. Эшерские кромлехи являются одним из уникальных памятников первобытного общества на Кавказе. Они созданы силой родового коллектива, при строительстве которого непременно была использована тягловая сила и, что не менее важно, строители умели пользоваться циркулем, без которого невозможно было соблюдать четкие круги кромлехов. Мы в свое время высказали мнение о том, что Эшерские кромлехи являются результатом продолжающейся традиции материальной и духовной культуры местного населения, ибо все вещевые находки, связанные с кромлехами, выполнены из местного поделочного материала (глина, камень, металл, кость, дерево). Содержимое кромлехов есть продолжение местной культуры ранней бронзы. Как показывают находки, основное назначение кромлехов было исчерпано к началу I тыс. до н.э., т. е. впереди ожидалось освоение железной индустрии. Так говорим потому, что среди множества материалов, найденных внутри кромлехов (закрытый комплекс), полностью отсутствуют изделия из железа. В то же время, кромлехи как культовый объект на глазах у местного населения долго еще оставались местом почитания, куда приносили различные вотивные предметы, относившиеся к началу нашей эры-наконечники стрел т. н. сарматского типа, железные копья времен апсило-абазгской культуры и т. д. (Шамба, 1974, с. 69,13.18).

Трудовая деятельность и, в целом, духовность носителей культуры кромлехов тесно были связаны с обитателями гумистинско - сухумской долины. Не будет ошибкой, если скажем, что эти каменные постройки, связанные с заупокойным культом людей и животных, напрямую являлись местом

языческого капища или храма для всей округи. Как будто сказанному не противоречат сообщения античных авторов о местонахождении в Колхиде храма Солнца и что имя отца Айэта - Гелиос «Богосолнечный», Этому храму в Колхиде поклонялись отовсюду и среди них, согласно мифу, зама дочь Айэта - Медея, о чем сообщает греческий автор I в. до н.э. Диодор Сицилийский (Гулиа, 1986, с. 250-251). Я далек от мысли отождествлять упомянутый храм «Солнца» с языческими капищами -храмами типа Эшерских кромлехов, но отмечу, что оба источника (письменный и археологический) во времени перекликаются(вторая половина II тыс. до н.э.). В любом случае, такие мегалитические сооружения, каковыми являются Эшерские кромлехи, в свое время для Кавказского Причерноморья являлись первыми. Позже этому последовали открытия мегалитов в с. Отхара Гудаутского р-на (Цвинария, 1990 г.) и Псыби в р-не Большого Сочи (Тешев, 1986, с. 51-58). В итоге, с высоты Гумистинского обрыва, где на протяжении 35 веков продолжают стоять кромлехи, хорошо смотрится современный Сухум вместе со своей долиной и одноименной горой.

8. Сухумская гора.

Как и многое ее окружение, она богата археологическими памятниками. Гора служит водоразделом двух речушек: Сухумка (Ҳаҟьԥса) и Басла. Площадь вершины Сухумской горы - I км ^{2}. Состоит из двух куполообразных вершин, образующих седловину, высотой - 170-190 метров над уровнем моря. Если восточная и северная стороны круто спускаются, то южная - более пологая. Сухумская гора, как и сам город, имеет несколько наименований: с конца XIX века ее называли «Чернявкой», в честь жителя этих мест, русского краеведа и зоолога Владимира Чернявского. С начала 50-х годов XX века официально называется Сухумской горой. А в народе традиционно она известна как Саматхэа. Это название связано со старинным абхазским родом Саматхэаа - в XIX столетии эмигрировавший в Турцию (махаджиры). Топоним Саматхэа состоит из двух

корней: «Самат» - родовая фамилия; «хэ» - гора, холм, возвышенность. Как установил поэт - академик Б. Шинкуба, у абхазов некогда бытовала песня, посвященная роду Саматхэаа (Соловьев, 1947, с. 102; Шинкуба Б.В., 1953, с. 107). Впоследствии знаток абхазской народной музыки Шамба И. в селах (Ачандара и Кутол) записал две народные песни, посвященные роду Саматхэаа (Шамба, с. 7, 26). Возможно, это само понятие восходит к историческим племенам - сарматам, по поводу которых еще Страбон писал, что многие племена, встречаются в Диоскурии среди них – сарматы (Страбон, XI, II,16). В связи с этим, небезынтересно отметить, что в ряде населенных пунктах Абхазии проживают люди с родовой фамилией Шармат (Сухум, Джгерда).

Теперь обратимся к памятникам материальной культуры Сухумской горы.

Еще в 1934 году С.Н. Замятнин собрал здесь несколько кремневых отщепов древнейшего Яштухского типа (Замятнин, 1937, с. 12). Стало быть, Сухумская гора была обитаема человеком со времен нижнего палеолита. Археологическими памятниками этого места интересовались многие краеведы (Чернявский, Введенский, Миллер и др.).

В 1935 году М. Иващенко дает описание археологических предметов из Сухумской горы, и среди них - весьма выразительный каменный молот ранней бронзы (Иващенко, с. 5-6, рис. 1).

Л. Соловьев в 1938 году на южном склоне Сухумской горы, на довольно большой площади установил наличие древнего поселения: здесь были найдены зернотерки ладьевидной формы (по–абх. «аҳакьа»), черепки от глиняных сосудов, кости диких и домашних животных, кремневые и галечные орудия, шлифованный топор и др. (Соловьев, 1947, с. 106).

Исходя из орнамента керамической посуды, а также параллели с другими находками близлежащих памятников поздней бронзы и раннего железа, Л. Соловьев датирует это поселение первой половиной I тыс. до н.э. (Соловьев, 1947, с.106), хотя наличие шлифованного топора говорит о

принадлежности последнего еще к эпохе раннеземледельческой культуры (энеолит- начало бронзы). впрочем, один вид памятника не исключает существование другого. Природные условия позволяли наличие непрерывной жизни человека в этих местах. В пользу этого говорят находки М. Иващенко на соседней горе (Гуадиху), состоящие из мелких шлаков, полученных при плавке медной руды, а также бронзового топора т. н. колхидского типа (Соловьев, 1947, с. 106).

С учетом этих двух памятников (Сухумская гора и находящийся к северу от нее – Гуадихv) и находок в них нетрудно догадаться, что по мере накопления богатства и увеличения числа неприятельских набегов в эпоху поздей бронзы и раннего железа ощущается стремление местного населения к постройкам укреплений на возвышенностях; на холмах, горках и т.д., где в свою очередь эти поселения укрепляли деревянными частоколами (Соловьев, 1947, с. 107).

Еще М. Трапш говорил, что на склоне Сухумской горы находился разрушенный курган овальной формы.

Пожалуй, самыми результативными работами по изучению археологических памятников Сухумской горы были полевые изыскания 1951 года.

Для удобства рассмотрение материалов из Сухумской горы делят на две большие группы.

I. Археологические материалы, найденные во в решая. благоустройства и разбивки парка, т. е. непредвиденные находки.

2. Материалы, найденные путемнаучных раскопок.

К первой группе относятся: клад бронзовых топоров, куда входят 13 экземпляров; два долотца; обломок лопатообразного инструмента или т. н. сегментовидные предметы; медные слитки (рис.4[6]). Для топоров характерны широкие проушины, овальные очертания и по два коротких желобка (Каландадзе, 1953, табл. I). Почти каждый экземпляр имеет своеобразие, что дает основание допустить существование различных формочек отливки. По разному оформлены надобушные части топоров: у одних в виде высокого двускатного молотка, а у других имеются

ровные формы, иногда косые. Рабочая часть молотка у одних топоров срезана прямо. Помимо размера и весовых соотношений, некоторая разница наблюдается в широте и толщине рабочей части, в остроте ребер', и соответственно, в глубине желобка.

Все топоры относятся к типу «в» Уваровской классификации, II - по Джапаридзе. Длина топоров колеблется между 17-21 см. Вес - 813-1044 грамм. Топоры хозяйственного значения со следами употребления, т. е. не парадные и не боевые. К ним относятся три весьма сходных топора из рядом лежащего погребения. Клад с такими топорами и в таком же количестве (13 экз.). Комплекс датируется X-IX вв. до н.э. Об этом говорят присутствующие в кладе сегментовидные орудия, характерные для поздней бронзы, а также наличие в них медно-бронзовых слитков.

Топоры Сухумского типа имеют широкое распространение. Да и количество самого клада – 13 экз. - является для подобных топоров довольно значительным. Здесь же, на глубине 80 см, вскрыто грунтовое захоронение. Покойник лежал в вытянутом положении на спине, головой к востоку (Каландадзе, 1953, с. 24, рис.8). В могиле находился кувшинчик одноручный, с четырьмя концентрическими кругами и один сосуд с отбитой шейкой; три бронзовых топора, более развитых и утонченных форм, чем топоры из клада; бронзовый браслет из толстой проволоки круглого сечения. Дата погребения - IX-VIII вв. до н.э. (Рис.5.1). Там же обнаружены 10 комплексов грунтовых и кремационных погребений V-III вв. до н.э., в которых присутствуют железное оружие (копье, кинжалы), бронзовые украшения, импортная керамика (обломки чернолаковых сосудов того же времени).

Материалы, связанные с научными раскопками. На Сухумской горе в 1951 году были заложены 16 раскопов, давшие разновременные материалы от эпохи поздней бронзы до средневековья. Среди них исключительное место занимают обнаруженные остатки медоплавильной печи (Рис. 4-В; Каландадзе, 1953, с. 62, рис.29). Это открытие было сделано

на глубине около одного метра от современной поверхности земли, где были представлены ошлакованные массы, каменный молот для дробления руды (последняя, т.е. руда доставлялась из горных выработок), ступки и терки, днища грубых сосудов со сквозными дырочками; похоже, что их употребляли для промывки и размельчения руды; крупные камни, куски глиняной обмазки, говорящие о существовании здесь плавильной печи. Находки обломков тигля с медной накипью и других медно-бронзовых отходов свидетельствуют о присутствии утильсырья. Наличие клада топоров непременно говорит о существовании мастерской (Каландадзе, 1953, с. 29). С момента открытия остатков сухумской медоплавильной печи прошло более полувека, но до сих пор на Кавказском Причерноморье не найдено равного очага металлургии бронзы (рис.4[в],2).

К периоду V-I вв. до н.э. относятся свыше десяти кремационных комплексов только верхней части горы, что свидетельствует о насыщенности и плотности населения. В этом нет ничего неожиданного, поскольку к тому времени почти все холмы, склоны, ущелья в окрестностях Сухума в той или иной степени содержат аналогичные или близкие к ним находки.

9. Гуадиху.

(Верхний горизонт, рис. 28) занимает холм с северной стороны Сухумской горы, между городской частью и селом Бырцха. Раскопки проводились в 1952-54 гг. Это большой могильник I тыс. до н.э. с остатками поселения эпохи энеолита–ранней бронзы (нижний слой). Что касается поселения более позднего времени, т. е. конца бронзы – раннего железа и античности, представлены в виде бытовых предметов (зернотерки, грузила, кухонная посуда, остатки шлаков и ошлакованных камней, мазанки от плетенных стен помещений), т. е. поселение синхронное с могильником.

Площадь раскопанного древнего кладбища –900 м^2. Всего выявлено 91 погребение, датированное суммарно VIII-II вв. до н.э. Первооткрыватель памятника М. Трапш делил могильник на старшую и младшую группы. К старшей группе погребений

археолог относил 32 могилы; остальные - к младшей группе (Трапш, 1969, с. 13). Впоследствии, к датировке этого выдающегося памятника Кавказского Причерноморья обращались многие археологи (Воронов, Квирквелия, Лордкипанидзе, Барамидзе, Скаков и автор этих строк). С учетом новейших открытий, считаем, что к старшей группе могильника относятся всего два погребения (№№5 и 20). В обеих могилах захоронения произведены через кремацию, в округлых ямах, шириной около 60 см, при глубине 40-60 см. Обычно на дне встречаются скопления мелких человеческих костей, перемешанных с древесными угольками и золой. В обеих могилах датирующими являются т. н. бронзовые сечки, т. е. орудия лопатообразной формы с округлой рабочей частью и выступающим черенком, а также бронзовые украшения типа булавки с «молоточковидными» навершениями. Подобные орудия являются атрибутом местной позднебронзовой культуры, а что касается находок «молоточковидных» булавок, то они характерны не только для культуры той же эпохи, но и обитателей центральной и северо-западной Абхазии (Сухум - Эшера и т. д.). Что касается остальных 89 погребений, то их в целом можно отнести к раннеантичной и эллинистической эпохе. С учетом новых датированных комплексов мы предлагаем следующую дробную хронологию погребений из числа старшей и младшей групп.

К VI-IV вв. до н.э. относим погребения №№14, 19, 23, 25. 27. Основанием служат: бронзовая литая булавка с лучеобразно расходящимися ответвлениями, снабженные колокольчиками; круглопроволочные браслеты с продольными насечками; бронзовые гривны с ромбовидными концами; бронзовые фибулы с пластичной дужкой овальной формы; бронзовая бусина биконической формы.

К V-IV вв. до н.э. относим погребения №№ 6-10-12, 13, 14а - 17, 21-22, 24, 26,29, 31-32; основанием для этого являются: чернолаковый килик, бронзовые фибулы с пластичной дужкой, кругло проволочные браслеты, булавки с бараньими головками, пластинчатая платформа типа «эгретки» и т. д.

К IV в. до н.э. относим погребения №№1-5, 7-8, 9, 38, 40-41, 48, 50, 58. Датирующими являются чернолаковые скифосы, бронзовые щитковидные перстни и т. д.

В 1973 году на южном склоне холма был доследован еще один новый тип погребения, сооруженный из 22 плоских черепиц, причем сверху погребальной камеры лежали 5 желобчатых черепиц, которые обеспечивали герметичность. Все черепицы синопского производства. К сожалению, гробница оказалась разграбленной еще в древности. Благодаря некоторым сохранившимся предметам (чернолаковые сосуды, железный нож, кувшинчик), погребение датируется IV-III вв. Д° н.э. (Воронов, 1980, с. 56, рис.16).

Как видно, могильники Гуадиху и его окрестности непрерывно были заселены с древнейших времен, а также согласно находкам, большая компактность населения прослеживается и во второй половине I тыс. до н.э. К тому времени богаче и разнообразнее становится погребальный обряд: если непосредственно в предантичную эпоху удалось зафиксировать только один тип захоронения, а именно кремационный обряд, то в последующую эпоху уже хоронили и другими обычаями: появилась частичная или неполная кремация, которая также осуществлялась в групповых ямах округлой формы, без всякой обкладки. В таких случаях прах покойника помещали в вытянутую четырехугольную яму, ориентированную с востока на запад, а иногда с некоторыми отклонениями в самой могильной яме или реже–на стороне, а затем останки переносили в погребальную яму (Трапш, 1969, с. 342). Различие в обряде захоронения (полная или частичная кремация), мы считаем следствием религиозных представлений людей, оставивших это древнее кладбище, но не этнического различия, и об этом говорят находки почти однообразного могильного инвентаря в обоих типах захоронений (кремационный и ингумационный).

10. Красный маяк.

Изучение памятников района Красного маяка, т.е. западной

и юго-западной части Сухума, начато более 70 лет назад. Так, в 1934 году Л. Соловьев открыл новый тип поселения с «текстильной» керамикой, куски шлаков, морские гальки со следами огня, костяное шило и др. Через год памятник был доследован известным кавказоведом - А. Иессеном (Иессен, 1937,с.251; Соловьев 1947, с.33). Ему удалось выявить большие линзообразные черные пятна, также древнюю канаву шириной 80-100 см, с ориентацией к морю. По наблюдениям раскопщиков, находки группировались вокруг небольших ям. Среди найденных вещей: каменное долото, глиняные колышки, края сосудов типа ванночек с отпечатками ткани. По этому поводу Л. Соловьев высказал мнение о том, что поселение такого типа оставлено жителями солеваров. Весь этот технологический процесс, по его мнению, выглядел так: на береговом валу (точнее, впереди вала или сзади него), там, где имеется понижение рельефа, выбиралась площадка, которая при помощи канавы соединялась с морем. Во время прибоя морская вода поступала в каналы и спустя некоторое время выпаривалась естественным путем. После этого рассол допаривался в специальных глиняных сосудах-ванночках, многочисленные обломки которых были найдены там же. По мнению Соловьева, эти сосуды ставились над огнем с помощью рогатых столбиков, выполнявших роль подставок. Процесс получения соли мог быть и другим: гальки, предварительно раскаленные на огне, спускались внутрь сосуда и быстро обращали в пар, заключенную в нем морскую воду-рассол. Частые находки гальки со следами пребывания на огне указывают на этот способ кипячения воды. Таким путем получали соль, предназначенную как для личного употребления, так и для обмена на другие продукты (Соловьев, 1947, с.43). Таким путем полученную соль могли вывозить за пределы территории рода и племени, как в глубинку страны, так и по морю вдоль берега. Солевары обмен своих продуктов могли осуществлять и с отдаленными обитателями. Во всяком случае, однотипные находки бронзовых кинжальчиков с собакообразными головками, найденные на могильнике Красного маяка, синхронном с поселением текстильной керамики и находки (Трапш, 1969, с.

175, табл. XX, 7) в верховье реки Галидзга, относящиеся к VIII-VII вв. до н.э., этому не противоречат (Шамба Г., Шамба С, 1990, с.62, 4).

В 1954 году под руководством Трапша на Красном маяке проведены масштабные археологические раскопки площадью 800 кв.м., где вскрыто 152 погребения. Из них 104 могилы он относил к эпохе поздней бронзы, а остальные 48 - к V-II вв. до н.э. протяженность площади вдоль, берега, т. е. с запада на восток, - 200 метров, а с севера на юг - 30 метров. Исследователь Красномаякского могильника на этой площади выделил три типа захоронения:

I тип - вытянутые захоронения костяками на спине (т. е. грунтовые погребения); таких 77 могил из общего числа захоронений (т. е. 70 %). Головой ориентированы на северо-запад и только в двух случаях (3,4) на юго-восток. Этот обряд известен в наших краях с эпохи бронзы;

II тип - скорченный, положение покойников на правом боку (7 могил или 6%), костяки ориентированы головой на северо-запад и по одному случаю - на юго-восток и на запад;

III тип - вторичный обряд захоронения. Всего 26 погребений; из них 18 (16%) грунтовые и 8 (7%) урновые; все они сосуществовали и, по мнению Трапша, принадлежали одной этнической группе. Этому не противоречит такой археологический факт, как подсыпка могил песком и гравием, уж не говоря об общности инвентаря на всех погребениях.

Исходя из этого, мы утверждаем, что те, кто оставили нам Красномаякский могильник, являлись создателями текстильной керамики, чье поселение (поселок) находилось рядом с могильниками в течение 200-300 лет (IX- нач. VI вв. до н.э.).

ГЛАВА III. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ У ОБИТАТЕЛЕЙ ДРЕВНЕГО СУХУМА.

1. Природные условия.

В литературе неоднократно отмечалось, что Абхазское Причерноморье располагает сочетанием благоприятных условий для земледелия, редко встречающееся где-либо в сопредельных районах.

К числу основных климатических признаков относят высокую годовую температуру воздуха (+ 14^0 + 15^0). Средняя температура холодного месяца в году +15° и отсутствие сильных морозов, способствуют непрерывному росту многих растений. Такой климат сложился здесь еще в далекие геологические времена (Куфтырева и др., 1961, с. 42-43). Многочисленные раскопки и среди них раскопки на территории Сухума и его окрестностях установили степень занятости населения обработкой земли. Так, археологические раскопки последних лет в Бзыпском ущелье, а именно в гроте Юпса, показали, что на глубине трех метров, в нетронутом культурном слое найдены зерна пшеницы. По радиокарбонному анализу установлено, что этому слою около 6 тыс. лет (Бжания и др., 2001, С.311).

При этом следует отметить, что в качестве орудий труда служили т. н. палки-капалки, одна из которых зафиксирована в верхнем слое мезолитической пещерной стоянки Куабчара (Кодорское ущелье). Правда, орудия названного типа не всегда и не всеми признаются земледельческими: например, их могли использовать и при выкапывании съедобных корней отдельных растений. Редкое нахождение орудий объясняется не тем, что их не изготовляли, а потому, что эти орудия просто не сохранились из-за сильной влажности почвы с содержанием в ней всевозможных солей. Поэтому приведу один из видов обработки земли, осуществлявшийся лишь с помощью деревянного орудия. Так, по описанию землемера чиновника И.В. Аверкиева, еще в середине XIX века абхазские крестьяне выбирали площадь под пашню, покрытую папоротником; сначала его выжигали, затем слой наносной земли с золой

образовывал естественное удобрение, а почва делалась рыхлой. После этого землепашец брал несколько сучьев с ветками до одного дюйма толщиной, заострял его концы, связывал их один с другим в ряд, бороздил землю и сеял хлеб («абыста»). Считается, что этот вид обработки почвы относится к древнейшему способу обращения человека с землей (Чанба Р., 1986, с.12). Похоже, что и палки-копалки в определенное время выполняли подобные функции.

2. Мотыжки.

Выше шла речь о галечных орудиях «Сухумского» и «Сочи-адлерского» типов, обнаруженных при раскопках й разведках памятников.

Так, на Гумистинском раскопе было обнаружено несколько обработанных галечных камней, являющихся орудиями (рис.$2^а$,2). Они имели дисковидную форму с обработанными краями; размеры около II х 12 см, при ширине 9-10 см. Как справедливо отмечал Соловьев, «... в их выделке выдержки определенный стандарт, что позволяет назвать этот вид орудия мотыжками «сухумского» типа (Соловьев, 1958, с. 137). Они предназначались для первичного рыхления почвы. Мотыжки «сухумского» типа зафиксированы на поселении Гуадиху, Мачара. Достаточно сказать, что только на Гумистинском поселении найдено свыше 300 экз. (Бжания, 1969, с. 58-60; рис. 18-19).

Среди мотыжек «сухумского» типа есть некоторые различия: так, мачарские мотыжки отличаются от гумистинских тем, что рабочие края сильно затуплены (Бжания, 1969, с. 115, рис. 1-1; Соловьев, 1972, с. 88-89, рис 1). О том, что данные орудия труда связаны с обработкой земли, косвенно подтверждаются совместными находками с зернотерками.

Из окрестностей Сухума происходит другая форма мотыжки (рис.2-А, 1) «сочи-адлерского» типа (Бжания, 1966, с. 115, рис. 1, 2-3). Она мотыгообразная с выделянным черенком, видимо, для закрепления к деревянной ручке. Интересно отметить, что среди сборов на территории высокогорного могильника Джантух

(эпоха раннего железа) найдено каменное орудие (рис.2-А, 3), напоминающее мотыжки «сочи-адлерского» типа (Шамба Г.К. Шамба С.М. 1984, с. 78, рис. 27, 2). Учитывая, что джантухское орудие сделано из известняка, то, в силу слабости поделочного материала, оно (джантухское орудие) не имело практического значения. Нужно полагать, что находка носила, скорее всего, вотивный характер, тем более, что на Джантухском могильнике попадались многочисленные приношения (вотивы) в виде целых и отдельных частей животных и птиц (Шамба Г.К., Шамба С.М. 1990, с.82).

Говоря об этих каменных орудиях, надо отметить, что они сосредоточены на поселениях Сочи и Адлера, откуда и происходит название самой мотыжки - «сочи-адлерский» тип.

Вместе с тем, специалисты уже давно обратили внимание на то, что каменные орудия «сочи-адлерского» типа мало чем отличаются от каменных мотыжек из Передней Азии - Хассуны, где их называют наконечниками мотыг, датируемых суммарно 5 тыс. до н.э. (Городн Чайлд, 1956, с.169, рис.56, 1-2).

3. Хозяйственные топоры.

Рассмотрение их мы начнем с миниатюрного топорика раннебронзовой эпохи Гумистинского могильника (погребение №4). Это орудие носило следы начатого сверления; длина 9 см, при ширине 3,5 см (Бжания, 1969, рис. 23, 9). Находку следует считать вотивным; стало быть, до этого существовали топоры, с которых можно было копировать.

Клад бронзовых топоров из Сухумской горы. (Рис. 4[б]). Был обнаружен в феврале 1951 года во время земляных работ на южной окраине горы, на глубине 0,5 -1 м. Туда входили: 13 крупных топора т. н. колхидского типа; два обломка от однотипных топоров; два долотообразных инструмента, обломок сегментовидного предмета; три бронзовых слитка.

Перечисленные топоры довольно массивные, вислообушные и шестигранные. У всех рабочие части широкие; почти каждый топор имеет небольшое своеобразие (размер, вес и т.д.), что говорит о существовании различных форм для отливки. Все 16

топоров (сюда относим 3 топора из погребения №1 (Каландадзе, 1954, с.24) относятся к типу «в» (классификация Уваровой) и типу II (классификация Джапаридзе). Размеры топора: длина - 17-21-30 см, вес - 813-1044 грамма. Все они хозяйственного значения. Клад датируется концом II тыс. - нач. I тыс. до н.э. Он относится к числу наиболее ранних форм колхидских топоров; во времени они появляются после выхода из употребления топоров типа кладов Пиленково (Цандрипш) и Лыхны. Известен также клад из 15 бронзовых топоров колхидского типа, найденный в 1930 году в Лечкопе крестьянином П. Мампория. Годом раньше в Сухумском ботаническом саду был обнаружен массивный, тяжеловесный бронзовый топор «колхидского типа». В черте города выявлен также клад в глиняном сосуде из 7 бронзовых сечек (Воронов, 1969, с. 31).

Еще позже, в 1961 году вновь в Лечкопе был найден клад из четырех топоров; хранится в Абгосмузее. Эти находки вместе с Урекским и Пиленковским кладами относятся к самым ранним прототипам колхидских топоров и датируются временем не позднее XVI века до н.э. (Коридзе, 1965, табл. VI). Здесь же следует отметить, что наряду с колхидскими топорами встречаются топоры кобанского типа, т. е. орудия, связанные с эпохой поздней бронзы-раннего железа центрального Кавказа. Есть отдельные случаи находки бронзовых топоров колхидской и кобанской культур, формы которых без каких-либо изменений переходят на железные топоры, как об этом мы уже писали на примере сегментовидных орудий из бронзы и железа (Шамба, 2000, с. 252, 2, а, б). Последние, т.е. сегментовидные изделия, большинством исследователей считаются орудиями, связанными с обработкой земли: например, для срезания коры с деревьев и последующей их сушки, а затем сжигания; другие полагают, что сегментовидные орудия использовались в кожевенном деле. Так, на одной древнегреческой посуде показана мастерская кожевенника, где среди прочих орудий находится образец интересующего нас сегментовидного предмета (Куфтин, 1949, с. 162). Вполне возможно, что эти изделия имели много назначений и среди них – рыхление почвы на небольших площадях.

Среди находок раннеземледельческих орудий в окрестностях Сухума имеются бронзовые мотыжки **с сегментовидными орудиями. Нетрудно заметить, что эти мотыжки происходят от** сегментовидных изделий, но они уже снабжены круглыми отверстиями (Инал-ипа - Хотелашвили, 1970, с.117). Аналогичные бронзовые мотыжки известны из Маркула и Тагелона.

Как нам любезно сообщил руководитель Абгархукской археологической экспедиции 2003 года, ведущий научный сотр. Института археологии России (Москва) Скаков Александр Юрьевич, во время своих раскопок поселения бронзовой эпохи в нетронутом слое обнаружил более 6 каменных орудий «сочи-адлерского» типа. Это второй случай (после находок **из** Очамчирского поселения 1935 года), когда орудия подобного типа встречаются в первичном залегании.

В этом отношении немаловажный интерес представляет массивный железный топор из Эшерского городища (слой II-I вв. до н.э.), типологически восходящий к бронзовым топорам второго типа, т. е. характерные для кобанской культуры (Шамба, 1969, табл. **LXIII).**

4. Пахотные орудия, все железные. (Рис. 2[а],6).

Лемех из юго-восточного склона горы Гуадиху. Открыт в 1952 году во время археологических раскопок в культурном слое поселения. Найдены многочисленные черепки от чернолаковых сосудов, пифосов, местных и синопских амфор раннеэллинистического времени (Трапш,1969,с.223. Хотелашвили, 1974, с. 29, рис. 2, 1; табл. **1,** 2).

Лемех.

Длина его 18 см, ширина втулки - 8 см при толщине 0,5 см. Выявлен при земельных работах около Сухумского тоннеля (ул. Верхне-Карантийная). В музей поступил от гражданина Гвасалия (АГМ, 1937, №584).

Лемех–сошник, железный, состоит из нижней плоской рабочей части, конической формы с заостренным краем,

открытой втулкой. На нее надевался деревянный стержень примитивного плуга или сохи (Трапш, 1969, с.223, 232). Найден **на глубине 0,65 метра культурного** слоя. **Этот лемех без** выступающего крыла; бока загнуты короткими краями, куда вставляется конец деревянной подошвы.

Лемех (АГМ. № 114). Края втулки загнуты; в отличие от вышеописанных, тулово слегка расширено. Длина сохранившейся части - около 13 см, при ширине втулки - 4 см. Прямая ее форма позволяет отнести к типам землеройных орудий.

Как видно, население раннеантичной и эллинистической эпох Сухума систематически пользовалось пахотными орудиями, как минимум сохой, и в этом нет ничего неожиданного, поскольку к тому времени в сопредельных областях (Прикубанье, Боспорское царство, Синдика и т. д.) значение пахотного орудия было возведено чуть ли не в государственную эмблему. Так, на монете Боспорского царства эллинистического времени (III-II вв. до н.э.) есть полное изображение рала (или плуга), т. е. более прогрессивный и вышестоящий, чем обыкновенная соха. Как известно, последняя лишь разбивает землю на куски. С Боспорским царством связана целая серия лемехов или сошников из железа (Крутикова, 1975, с. 164, рис. 74).

Специалисты по древнему земледелию неоднократно отмечали, что в условиях Абхазии традиционными нужно считать лемехи или сошники типа вышеописанных орудий, т. е. с заостренными головками или же конусообразной формы, края которых загнуты по бокам, образующие овальное отверстие для надевания его на конец подошвы. Считают, что данный лемех из Гуадиху является результатом усовершенствования более древнего лемеха. По мнению акад. Т.С. Читая, лемех из Гуадиху относится к пахотным орудиям грядильного типа, и здесь они появились значительно раньше эллинистического времени (Хотелашвили, 1974, с. 36-37).

Говоря о древнем происхождении пахотных орудий у абхазов, нельзя не вспомнить слова А. Миллера (нач. XX в.), оставившего

нам описание местного пахотного орудия: «Простейшей сохой служит бревно, слегка лишь отесанное, с суком, на который надевается железный сошник. Сверху приделывается «ручка». Один из первых краеведов Абхазии В. Чернявский на эту тему писал: абхазы сохранили соху из деревянного сучка, изобретенную еще далекими предками; первообраз сохи в виде деревянного крючка или с набитым на него куском железа в виде «треугольного заступа». По рассказу проф. Инал-ипа один такой заброшенный вид пахотного орудия им был найден в 1949 году в с. Дурипш Гудаутского района (Инал-ипа 1960, с. 143). Но известно еще более раннее описание абхазского пахотного орудия. «Это плоско - обтесанная кривулина, своим концом вставляется в трехугольную подошву, на которую в местах с тяжелым грунтом надевается железный конусообразный наконечник. Для удобства управления орудием с задней стороны его приделывается стойка с рукояткой, нижним концом укрепленная к подошве, а другим, верхним-привязанная лыком или виноградной лозой, укрепленная куглу или дуге, образуемых концами кривулины; на ней делаются зарубы, которыми дышло прикрепляется... к ярму. Там, где грунт более мягкий и рыхлый, то употребление железного лемеха тамошние крестьяне считают излишним» (Инал-ипа, 1966, с. **143).**

По мнению Ш. Инал-ипа пахотное орудие в Абхазии прошло длительный путь развития - от ручного цельного крючковатого бревна для разрыхления почвы - до сложного составного приспособления, приводимого в движение тягловой силой. Одно из таких промежуточных явлений в обработке земли давности около 2300 лет занимает железный лемех из окрестностей Сухума (Гуадиху), о котором шла речь выше. (Рис.2[а],6).

Цалды (Рис. 25,8,9,10; 27) - весьма специфичные орудия труда, предназначенные для рубки хвороста и очистки полей от кустарников, колючек и других мелколиственных растений, лесной и предлесной полосы. Цалды появились еще в эпоху поздней бронзы на юго-восточном Причерноморье, ближе к современной Аджарии, включая Орду (северная Турция). Если это так, то почему мы рассматриваем цалды в этом разделе,

тем более применительно к Сухуму и его окрестности? Дело в том, что недавно мы выявили новые археологические материалы из Эшерского городища, заставляющие по-новому рассмотреть вопрос происхождения цалд. Речь идет о двух железных цалдах, типологически восходящих к бронзовым прототипам (рис.27). Наши находки лежали в культурном слое ! в. до н.э. Размеры: длина - 15 см, высота вместе с втулкой - ll,5 см, втулка четырехугольной формы. Загадкой остается то, что до сих пор на всей территории Абхазии, цалды этого типа из железа еще не найдены. В то же время железные цалды из Эшеры копируют форму бронзовых изделий Юго-восточного Причерноморья, к тому же эшерские цалды моложе бронзовых цалд порядка на 600-800 лет. Другими словами, мастера-кузнецы рубежа I века до н.э. ковали цалды, прототипы которых нужно искать в начале I тыс. до н.э., т.е. с интервалом почти тысяча лет

На наш взгляд, этот непростой археологический факт можно объяснить так: среди жителей окрестностей Сухума-Эшера жила группа ремесленников-кузнецов, возможно, вышедшая из земель юго-восточного Причерноморья. Они продолжали изготовлять орудия, среди них и цалды. В истории археологии имеется много тому примеров, когда наблюдается возврат к более ранним формам орудий и оружия. Так, раскопки памятников Апсилии (I-VII вв. н.э.) показали, что основные руководящие формы этой вновь открытой культуры по существу есть почти повторение (или реплика) местных изделий более раннего периода, т. е. эпохи поздней бронзы-раннего железа. На этот счет в свое время М. М. Трапш писал: «Апсильская культура обнаруживает преемственную связь с предшествующим ей культурами (колхидской и кобанской). Такая связь прослеживается в наконечниках копий, фибулах, очкообразных подвесках, шейных гривнах, браслетах, пифосах и т. д.» (Трапш, 1971, с. 219-213).

Возвращаясь к объяснению вопроса, как могло произойти переселение определенной группы мастеров из Юго-восточного Причерноморья в район Эшера, оставившие нам эти описанные

железные цалды, **можно вспомнить** такой исторический факт, как передвижение определенного **людского контингента во** времена Митридатовских войн внутри Понтийского государства, куда входило и местное население Колхиды. Некоторые письменные источники сообщают, что на юго-западе Восточного Причерноморья проживали многочисленные племена - макроны-гениохи. Последние (гениохи), как сообщает историк Аппиан, имели лояльные отношения с Понтийским царем Митридатом VI (133-63 **гг.** до н.э.), владения которого объединяли большие просторы (от Малой Азии до Северного Причерноморья). К тому же времени относится обращение диоскурийских монет на очерченной территории. Возможно, и этот факт сыграл свою роль в передвижении каких-то групп, этнически близких, эфемерно объединенного Понтийского царства, принесшие с собой производственные и культурные традиции, куда они передвигались.

II тип. Когда идет речь об интересующих нас орудиях, а именно цалдах, нельзя не упомянуть и другой тип железной цалды с дугообразной формой клюва и молоточковидным обухом. Втулка и рабочая часть лезвия расположены на одном уровне. Длина 20 см, ширина 3,5 см. Происходит из эллинистического слоя Сухумской горы (рис.25, 8). С тем же слоем связана аналогичная цалда, только меньших размеров. По мнению исследователя, этот тип цалды тоже восходит к цалдам бронзовой эпохи (Каландадзе, 1954, с. 83). В таком случае следует допустить существование еще одной разновидности цалды бронзовой эпохи. Поэтому можно сказать, что второй тип железной цалды из Сухумской горы до сих пор остается незаменимым в руках крестьянина при вырубке кустарников. Такая же цалда, кованная из железа, найдена из эллинистического слоя поселения на Гумистинском плато (рис.27).

III тип цалды с широко раскрытой втулкой для надевания ручки и сильно изогнутым клювом. Общая длина - 33 см, втулка - 4 х 5 см. Клюв отходит от лезвия на 10 см. (Рис.25,7). По поводу этого типа цалды многие исследователи считают, что она, как и два предыдущих типа цалд, генетически восходит к местным

изделиям эпохи поздней бронзы и раннего железа (Каландадзе, 1954, табл. X). Но оснований для этого мало. Так **говорим,** потому, что подобные орудия имели широкое распространение по всему античному миру вплоть до Египта (Крутикова, 1975, с. 177-180).

Знаток синдской археологической культуры Крушкол Ю. этот вид орудия называет также «цалдой» (Крушкол, 1971, с. 137). Отдельные археологи считают их садовыми ножами, с помощью которых обрезали виноградные лозы. О занятости местного населения виноградарством свидетельствуют находки семян винограда в слое Диоскурии (Апакидзе, Лордкипанидзе, 1969, с.222) и Эшера (Шамба, 1988, с. 409).

Интересно отметить, что подобные орудия получили широкое распространение в глубинке страны (Атара, Джгерда, Кутол).

6. **Серпы и серповидные орудия** встречаются в Сухуме и за ее пределами. Их делали с древнейших времен: с начала со сплошной режущей, а позже стали их ковать с зазубринами для повышения эффективности рабочей стороны. Это подтверждается частыми находками кремневых вкладышей с зазубринами. Их укрепляли на деревянной или костяной основе. Значительное распространение они получили в период широкого освоения железа. К этому времени интересующие нас орудия больше напоминают кривые ножи. Наиболее ранние из них зафиксированы на Красном маяке, Гуадиху (около 10 экз.). Размеры - 14-15 см, при ширине лезвия 1,5 -3,8 см. Возраст - середина и вторая половина I тыс. до н.э. Основной признак этих орудий: сильная изогнутость спинки, напоминающая форму дуги (Хотелашвили, с. 45, рис. VI).

На Красномаякском погребении (VI-V вв. до н.э.) найден железный серповидный нож, воткнутый в землю (Трапш, 2, с. 27). Среди этих изделий встречаются и такие экземпляры, которые могут быть названы серпами. К ним относятся железные орудия, хранящиеся в фондах Абгосмузея. Спинки слегка изогнуты, черенок постепенно суживается к острию, где принимает округлую форму. Черенок при переходе к лезвию

образует тупой угол. Общая длина рабочей части - 20 см, ширина лезвия - 3 см, длина черенка - 22,5 см. Размеры второго экземпляра: длина рабочей части- 15 см, длина - 8 см. При переходе к лезвию образует почти 90˚. В общей сложности, число железных серпов и серповидных орудий, обнаруженных в Сухуме и его пригороде, достигает более двух десятков экземпляров. По мнению Куфтина Б., ими пользовались в садоводстве, при культивировании различных злаковых растений.

О том, что одно из древнеабхазских племен апсилов, территория которых в определенное время охватывала древний Сухум, занималось хлебопашеством, сообщает византийский историк VI в. Агафий (Агафий, с. 115). Когда идет речь о жатвенных орудиях, обнаруженных в районе древнего Сухума, нельзя не упомянуть массивные ножи со слегка изогнутыми спинками и расширяющимися ручками (Шамба, 1974, табл. 18, 2). Подобные изделия имели широкое распространение по всему Закавказью, в том числе, в Армении (Мартиросян, 1964, табл. XXX, 3).

7. Мукомольные жернова.

Письменные источники недостаточно полно освещают степень развития такой важной сельскохозяйственной отрасли, как зерновое хозяйство и технический уровень его обработки. Уже накоплен значительный археологический материал, позволивший считать, что в нашем крае возделывали зерновые культуры и обрабатывали их на месте. На некоторых памятниках встречаются зернотерки, ручные мельницы и в одном случае амбары зернохранилищ (Питиунт).

Ниже идет речь о жернове-толкаче, найденное в эллинистическом слое Эшерского городища. Он высечен из гранита буроватого цвета и имеет четырехугольную форму; с его верхней стороны равностороннее конусообразное углубление для засыпки и помола зерна. На противоположных концах жернова имеется по одному пазу четырехугольной формы, служивший местом закрепления горизонтальной ручки.

Под одним из этих сделано углубление в 3 см., являющееся местом дополнительного прикрепления к стенке. Нижняя поверхность жернова покрыта косыми и прямыми насечками для растирания зерна. Размеры жернова: длина - 44,5 см, ширина у основания - 31,5 см, высота - 12 см. (Шамба, 1973, с. 185, рис. 2). Места находки подобных мукомольных жерновов достаточно известны. Один такой экземпляр найден на античном поселении в с. Скурча Очамчирского района (Инал-ипа - Хотелашвили, 1968, с. 51-54), а за пределами Абхазии подобный жернов происходит из Ванского городища в слое I в. до н.э. (Лордкипанидзе, 1970, с. 49, табл. V).

Жернова представлены на поселениях и городищах Северного Причерноморья (Гайдукевич, 1948, с. 39, рис. 9, прим. II). Особенно близко к нашей находке стоит жернов, раскопанный в 1936 году на Таманьском городище - Пересыпь. Найдены они также и на других поселениях I-III вв. н.э. (Гайдукевич, 1948, с. 39, рис. 9, прим. II).

Как видно, жернова были характерны для всего античного мира. По мнению В. Блаватского, типы рассматриваемых жерновов восходят к V в. до н.э. и имели применение до конца античной эпохи. Ученый считает, что с VI в. до н.э. использовались зернотерки ладьевидной формы. Впоследствии эти (ладьевидные) зернотерки оказались недостаточными для удовлетворения широких требований густонаселенных пунктов, так как они были рассчитаны только для домашних потребностей. Эта закономерность прослеживается и по всему античному миру (Блаватский, 1953, с. 136-159; 1960, с. 100. рис.4). Пример такого жернова подтверждается находкой беотийской чаши (Гайдукевич, 1948, с.99, рис. 9). Как видно, таким же способом приводится в движение рассматриваемый эшерский экземпляр.

Говоря об орудиях мукомольного производства, нельзя не отметить, что со II-I вв. до н.э. в античном мире стали изготовлять водяные мельницы и соответственно они должны были получать распространение и в Закавказье. Как видно, новая находка в Эшере значительно расширяет наши представления о

мукомольном хозяйстве Кавказского Причерноморья. По мнению **специалистов, подобными четырехугольными** жерновами **могли пользоваться как** греческие общины, так и аборигены **(Блаватский,** 1953, **с. 136).** Другие обычные (круглые жернова **ручной мельницы известны из слоя** начала н.э. Сухумской **крепости т. н. башни Одинец. Эти жернова** изготовляли из твердого камня и принадлежали к разновидностям кругловращающихся жерновов (Трапш, 1969, с. 312).

8. Культурные технические растения.

В 1980 году во время раскопок Эшерского городища в слоях II-I вв. до н.э. были обнаружены семена льна, просы, винограда и др. видов культурных насаждений.

Территория городища в свое время была покрыта травянистой растительностью, а прилегающие же районы максимально окультурены; здесь перемешаны семена льна с другими видами культурных злаков (проса); были также бобовые и гречишные растения. Жители городища усиленно занимались виноградарством, садоводством и огородничеством. Было развито ткачество, виноделие, животноводство. В составе древесных преобладает **сосна,** ольха, липа, каштан, граб, бук; росла и облепиха.

Находка льняных семян вызывает немаловажный интерес, так как является первым случаем за все время изучения древностей Кавказского Причерноморья. В целом семена городища по морфологическим признакам являются первичной формой культуры древнейшего земледелия. Здесь есть лен двулетний (зимний), стелющийся; его считают наиболее примитивным из возделываемых льнов. Вполне возможно, что эшерские семена представляют одну из древних местных форм, которая могла быть прототипом культурного льна. Среди сортов льна найдено около десятка семян смолевки итальянской, явно засорявшей посевы льна. Интересно отметить также и то, что здесь найден перитениев гриб розеллини, который поражает виноградные лозы и вообще деревья. Еще раньше на основании

этих находок **из Эшера (холм Верещагина), Куфтин отмечал наличие специализированных садовых ножей (Куфтин 1949,** с. 120). Продолжая разговор о льноводстве, надо отметить, что **этот вид** культуры на протяжении **многих** тысячелетий выращивали и вплоть до недавнего времени. Говоря о судьбе местного льна, можно сказать, что центр льна, будучи не в состоянии конкурировать с другими более крупными поставщиками льна, постепенно утратил свое производственное значение (Шамба и др., 1988, с. 406-411).

9. Ископаемый сорт винограда «качич».

В 1958 году, во время археологических раскопок на Сухумской набережной, археологам удалось выявить зерна винограда из эллинистического слоя (IV-II). Изучение этих семян показало, что они принадлежали одному из древнейших виноградных сортов, известному у абхазов как «акачич». О виноделии и виноградарстве говорят находки многочисленных глиняных питьевых сосудов, как привозные (котила, скифосы, мегарские, рельефные чаши), так и местного производства кружек, чашек, пиал и т. д. В этом нет ничего неожиданного, так как, по крайней мере, с эпохи поздней бронзы и раннего железа (VII-VI в. до н.э.) изготовляли культурные фигурки «винопийцы» и рог-ритон из Лыхны (Инал-ипа 1960, с. 157-158, Воронов, 1969, табл. XIVIII). При этом не следует забывать о наличии традиционного большого сосуда - пифоса, предназначенного, прежде всего, для хранения вина и других жидкостей; были тарные посуды-амфоры античного и средневекового времени. О наличии земледелия среди жителей Диоскурии красноречиво свидетельствует находка терракотовой статуэтки богини земледелия и плодородия - Деметры (Рис. 33 -Д) в хитоне и калафом на голове, из-под которой выступает прядь волос. Под нижним бельем (хитоном) видна женская грудь, а над хитоном верхнее платье - гиматий, вроде плаща; высота–21 см. Археологический комплекс, куда входила скульптура (чернолаковые сосуды, амфоры, чаши, миски и т. д.), позволяет отнести Сухумскую терракотовую статуэтку к V-III вв. до н.э.

(Шамба, Воронов, 1980, с. 135-144, рис. 7). Поскольку место находки лежит непосредственно в городских кварталах Диоскурии, то нетрудно догадаться, что описанная скульптура украшала один из домов диоскурийца, как это известно, и в других помещениях античной эпохи Северного Причерноморья.

ГЛАВА IV. ВООРУЖЕНИЕ.

За время археологических раскопок на территории древнего Сухума выявлено большое число оружия защитного и наступательного характера. Введение их в научный оборот крайне необходимо, так как без учета этих находок трудно определить уровень развития вооружения местного населения. Между тем, древние авторы, особенно Страбон, Овидий и др., неоднократно обращали внимание на вооружение гениохийских племен, проживавших на Восточном Причерноморье, а также иногда с целью захвата появлявшихся в западных районах 'Причерноморья (Подосинов, 1985, с. 134).

1. **К категории этого оружия**, прежде всего, следует отнести **наконечники копий.** Они происходят из красномаякского могильника эпохи поздней бронзы и раннего железа. Наконечники копий обнаружены в десяти погребениях (Трапш, 1969, с. 176-177). Если исходить из формы изготовления втулки, копья делятся на два типа: к первому относятся копья с раскрытой втулкой, боевая часть или перья этих копий имеют треугольную или листовидную форму, а иногда перья вытянуты со срединным ребром. Второй тип - это копья с трубчатой и нераскрытой втулкой. Последние, как правило, снабжены сквозными отверстиями для забивания гвоздей с целью удержания деревянной ручки. Втулки от этих копий украшены различными геометрическими узорами. Полагают, что этот вид копий больше характерен для древних культур Абхазии; все они сделаны из бронзы.

При рассмотрении копий древнего Сухума и его окрестностей следует назвать известный клад боевого оружия из Н. Эшеры (холм Верещагина), который состоит из 18 бронзовых и железных наконечников копий. Среди них четыре копья с цельнолитыми втулками (Шамба, 1973, с. 182, рис. 1, 1-4), а другие - бронзовые копья с длинной, раскованной втулкой, сильно вытянутым пером и резко выступающей рёберчатой гранью вдоль всего листа (Шамба, 2000, с. 252, табл. 29-б, 1). В этот же клад входили железные наконечники, типологически восходящие к копьям раскованной втулки. Второй тип копья занимал более обширные области Западного Закавказья. В целом совместное обращение бронзовых и железных наконечников копий относится к концу VIII- нач. VI вв. до н.э., а уже к VII- нач. VI вв. до н.э. бронзовые копья окончательно вытеснены копьями из железа. Иллюстрацией к сказанному служат погребения из Гуадиху, Красного маяка и Н.Эшера, где в нескольких мужских погребениях находят до 5-6 железных копий при полном отсутствии бронзовых наконечников. В основном, копья втульчатые, но сильно укороченные, потому иногда их называют дротиками. В данном случае речь идет о типично бронзовых местных изделиях, другими словами, бронзовые копья в миниатюре.

2. Наконечники стрел: черешковые: один экземпляр был выявлен на осыпи Эшерского кромлеха (Шамба, 1974, с. 14, табл. XXVIII, 18). Специалистами неоднократно отмечалось, что черешковые стрелы почти отсутствуют на памятниках бронзы и раннего железа (АГ, 1959, с. 132). При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что эти бронзовые единичные стрелы абсолютно копируют форму кремневых стрел эпохи ранней и средней бронзы.

Примерно с VII в. до н.э. в Сухуме, как и в целом в Абхазии, начинают встречаться наконечники стрел скифского типа. По форме пера они делятся на двухлопастные, трехлопастные, трехгранные и четырехгранные. Они происходят из Красного маяка и других пунктов Сухума, где их датируют

сопровождающими материалами серединой - второй половиной I тыс. до н.э.

3. Боевые топоры. Сюда относятся топоры с незначительным расширением боевой части (Воронов, 1973, с. 222, рис. 4, 1-2). Полагают, что эти топоры появились в конце VII-VI вв. до н.э. Даже простое сопоставление их с местными топорами показывает, что в основе их лежат местные бронзовые топоры: а) боевые топоры с вытянутым корпусом, узким молоточковидным обухом (круглый или граненый); б) боевые топоры с секировидным лезвием, четко профилированным, выпуклым молоточковидным обухом. Этот вид топоров получает широкое распространение в IV-III вв. до н.э. Ручки у них деревянные, но в одном случае был топор и с железной ручкой, происходящий из Эшерского городища (Шамба, 2000, с. 288, табл. 62-б). Последнее говорит о местном происхождении традиции бронзовых топоров с теми же бронзовыми ручками.

4. Мечи и кинжалы.

Здесь имеется в виду меч с прямым брусковидным навершением и почковидным перекрестьем (Воронов, 1973, с. 222, рис. 5,2), относится к мечам раннескифского периода VII-VI вв. до н.э. Аналогичный меч найден в Урарту, в слое VII-VI вв. до н.э.

Далее идет меч с прямым брусковидным навершением и бабочковидным перекрестьем (рис. 39[а], 6), дата его VI-V вв. до н.э.

Мечи с антенновидным навершием и бабочковидным перекрестьем (Воронов, 1973,с. 222, рис. 5,7). Возможно, **что** их прототипами являлись бронзовые мечи (Шамба, 1984, с. 54).

Меч с роговидной антенной из Сухумской горы (рис. 39[а], 7), IV в. до н.э. Среди железных мечей есть экземпляр, хорошо напоминающий синдо-меотские (древнеадыгские) образцы (Воронов, рис. 5, 18-19, 2). Немаловажный интерес представляет режущее оружие типа меч-махайра, широко известное по своему античному миру. А у нас они найдены в Эшера и Гуадиху из хорошо датированных погребений IV в. до н.э. (Шамба, 1972,

табл. 1,16, с. 110, Трапш, 1969, с.2,4,7). Есть также мечи с серповидным лезвием антеновидным навершением с заостренной частью на концах (рис. 39[а], 29).

Из **Сухума** и его окрестностей происходит целая серия бронзовых различных шлемов и щитов.

5. Шлемы. (Рис.39[6]). Три экземпляра аттического производства. Выявлены в Келасуре (устье одноименной реки). Дата IV в. до н.э. Наличие в них сквозных отверстий наносников, нащеников, части ушной выемки и т. д. дает основание отнести их к местным переделанным шлемам по коринфским образцам.

Есть шлем из Эшерского городища с четко выделенным наносником, украшенный вверху стреловидными завитками, а также нащечником. Налобник покрыт поясками с двумя рядами насечек, под которыми выступают завитки, имитирующие человеческие волосы. По аналогии, этот экземпляр следует отнести к V-IV вв. до н.э., т.е. среди находок имеется три образца шлемов: коринфский, аттический и местной переделки. Все они вмещаются в хронологические рамки V-IV вв. до н.э.

6. Щиты. Имеются две разновидности.

I. К первой относится щит в виде орла. Происходит из Красномаякского погребения № 7. Захоронение произведено в овальной яме (200 x115 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой, характерной для местных погребений (Трапш, 1969, с. 88) еще с эпохи бронзы (дольмены, кромлехи). По определению Г.Т. Квирквелия, Красномаякский щит с изображением орла датируется 600-450 гг. до н.э.. При этом отмечает, что импортная керамика Сухума и его окрестностей датируется не ранее V в. до н.э. Тем самым он считает, что до середины V в. (450 лет) щит не мог появиться в наших краях, но бывает, что импортная керамика 530-520 гг. до н.э., уже давно известная из Эшерского городища, расположенная в двух километрах к западу от Красного маяка. Поэтому мы считаем, что Красномаякский щит целиком относится к VI в. до н.э.

Щит лежал в середине ямы, он сделан из тонкой, трехсоставной листовой бронзы в виде хищной птицы с раскрытыми крыльями. У края панцыря имеются сквозные отверстия для укрепления к кожаной подкладке. Размеры орла: длина - 54 см, размах крыльев - 60 см, толщина - 0,5-1 мм. В могиле лежали два железных наконечника копья с ребристым листообразным пером, разрезанными втулками и железный ножичек (Трапш, 1969, с. 88-89, рис. 29). Типологически щит связан в одинаковой степени, как с ближневосточным, так и с греческим изделием не ранее середины VI в. до н.э.

Академик Б. Пиотровский связывает его с передвижением скифов. По обряду захоронения (подсыпка) и сопровождающему инвентарю (копье, нож) щит принадлежал представителю местной знати (Пиотровский, 1959, с.245).

2. Щит круглой формы из погребения представителя местной знати раннеэллинистического времени. Место находки - восточная окраина Сухума (Алексеевское ущелье, доследовал Л.Н. Соловьев, 1947, с. 125). Щит состоял из бронзового листа, рельефной орнаментированной окантовки. Относят к восточно-греческим изделиям раннеантичной эпохи.

7. Конское снаряжение. Сюда мы относим такие изделия, как удила псалии и другие конские принадлежности.

Удила из Красномаякского погребения №8. (Трапш, 1969, с. 186, табл. XXII, 2). В погребальной яме лежал конский череп, в зубах которого находились бронзовые удила с подогнутыми псалиями; отлито в одно целое с мундштуком, покрыто мелкими шипами. Псалии снабжены кольцами и петельками. Одна половина псалии отбита еще в древности. Подобные удила были распространены в Лередней Азии и Закавказье в VII-V вв. до н.э.

В Агудзере найдены также части уздечного набора: удила с напускными кольцами и шипами, характерные для скифских изделий V-IV вв. до н.э., происходящие из Прикубаья. Бронзовые S –образные псалии V-IV вв. до н.э. выявлены из раскопок в замке Баграта. В этом отношении замечательные находки были

сделаны к востоку от Эшерского городища, где обнаружены три лошадиных захоронения, снабжённые полным набором, куда входили удила из железа, костяная подвеска-кабаний клык в виде хищника, выполненный в зверином стиле (Шамба, 1983).

ГЛАВА V. ПАМЯТНИКИ ИСКУССТВА.

В Сухуме и его окрестностях в разные времена были обнаружены многие памятники украшения и искусства.

1. Узоры на глиняных сосудах. В силу своей многочисленности, в первую очередь мы назовем сосуды - (пифосы), которые несут на себе богатые и разнообразные орнаментальные мотивы, и служившие не только для украшения соответствующих изделий, но и имевшие смысловую нагрузку.

Прежде всего, это пифосы-оссуарии-костехранилища. По-абхазски их называют «аҳаԥшьа», известные еще из нартского эпоса. Например, у нартов были закопаны аҳаԥшьадуқәа (большие пифосы), среди них самым емким был пифос «Ԛазамакьат» («Нарты...» 1963, с. 54). Пифосы были покрыты горизонтально нанесенными треугольниками, острием вверх (астральный знак), а также волнистыми линиями (водная стихия). а по венчику и предплечью покрыты «паркетным» орнаментом (имитация зерна) и т. д. (рис. 6).

2. Изображения на металлических предметах. Бронзовый вотивный кинжальчик из Красномаякского могильника, ручка выполнена в виде головы хищного зверя с раскрытой пастью; на предплечье нанесено два одинаковых треугольника в виде трех узлов, которые изображены и на пифосах; клинок кинжальчика покрыт фигурой фантастического животного в виде собаки (рис. Шамба Г.К., Шамба СМ., 1990, с.62,4). О том, что кинжальчик носил магический характер с целью отпугивания злых духов, свидетельствует имеющееся сквозное отверстие. Это означает, что кинжальчик, в силу своей миниатюрности, не мог иметь практического применения, поэтому владелец его

носил в подвешенном состоянии (на шее? поясе?). Сам по себе кинжальчик синхронен с бронзовыми топорами колхидско–кобанского типа, хорошо подтверждаемое изображением хищного животного; стало быть, эти кинжальчики относятся ко времени не ранее IX в. до н.э. и не позднее начала VI в. до н.э.; во-вторых, подобные символические вотивные кинжальчики изготовляли на определенной территории, а именно: Красный маяк - Ткварчал - Эшера. Сказанное дает основание утверждать, что здесь проживало население с общими культово-религиозными обрядами, стало быть, говорившее на одном языке, а сами культовые предметы, как памятник искусства, есть продукт местных мастеров-бронзолитейщиков. То же самое можно сказать и в отношении памятников искусства, каковыми являются птичьи головки с отверстиями для подвешивания.

При рассмотрении памятников искусства эпохи бронзы и раннего железа окрестностей Сухума трудно переоценить значение находки на западной окраине Сухума, в поселке Ачадара (Гунба, 1978, с. 174-177). Речь идет о трех бронзовых пряжках, происходящих из одного погребения. По мнению находчика, здесь лежали синхронные поселения и могильник. Погребение было обнаружено на глубине 0,5 м, в черте распространения поселения. В погребальный комплекс входили три поясные пряжки. Первая пряжка литая, украшена звериной головкой с острыми, вверх поднятыми ушами и длинной мордой с крючковидной шеей. Пряжка была соединена с поясом тонкого листа (ширина-6 см). Один конец пояса был вставлен в продольный расщеп пряжки и прочно заклепан в ней. Аналогичные пряжки происходят из Куланырхва, Эшера, Агста, Эшерских дольменов и Красномаякского могильника. На последнем найдено более десяти таких бронзовых пряжек. На одной из них имеется изображение бараньей головки. Как показали наши раскопки в 1969 г. в Эшере, описанные предметы почти без изменения встречаются до раннего эллинизма (Шамба, 1972, с. 98 и след.)

Вторая пряжка - умбовидная, круглой формы, лицевая сторона инкрустирована. В центре вырезана восьмиугольная

звезда с острыми зубцами, в свою очередь, всаженная в восьмиугольную звезду с обрубленными концами; в центре звезды нанесен кружочек. Оборотная сторона пряжки снабжена двумя петельками для крепления к ремню и крючком для застежки. Аналогичная бронзовая пряжка известна из Красномаякского могильника, но в отличие от Ачадарской, она имеет десятилучковую звезду на лицевой стороне (Трапш, 1969, табл. XXVI, 4).

Третья пряжка - вытянутой четырехугольной формы с шестью отверстиями для прикрепления пояса и крючка на оборотной стороне. Лицевая часть заполнена фигуркой оленя с рогами в пять ярусов. Все эти изображения выполнены способом гравировки с помощью закаленного стального предмета. Если в данном случае изображение звезды означает почитание культа небесных светил, то фигурка оленя - символ всего земного.

Целая серия бронзовых изделий, покрытых художественными различными изображениями, обнаружена на том же Красномаякском могильнике эпохи поздней бронзы и раннего железа. Это опять-таки пряжки. Первооткрыватель Красномаякского могильника М. Трапш делит их на четыре типа: к первому типу относит пряжки с бронзовым ленточным поясом; состоят они из массивного бронзового подчетырехугольного щитка с глубокой расщелиной, снабженной крючком в виде длинношейной головки животного с торчащими ушами (10 экз.). Из них одна пряжка (Трапш, табл. XXVI, 2) украшена бараньей головкой с крючком для застежки (Трапш, XXVI, 8). В ее продольную расщелину вставлен широкий лентовидный пояс, на котором точечными наколами изображены две параллельно расположенные извивающиеся змеи со стилизованными остроугольными головками. Подобные изделия найдены в Эшере, Мгудзырхва и Куланырхва. К ним примыкают пряжки из с Кобан Северной Осетии, тоже снабженные бараньими головками.

Рассматриваемые пряжки характерны для VIII-VI вв. до н.э.

Ко второму типу относится пряжка вытянутой четырехугольной формы; продольные края снабжены семью

сквозными отверстиями для прикрепления пояса и с крючком на оборотной стороне (XXVI, 8). Лицевая, гравированная сторона орнаментирована косыми черточками и точеными наколами.

Третий тип - пряжка вытянутой подчетырехугольной формы с отверстиями пояса и крючком на оборотной стороне (XXVI, 14-17). Одна из пряжек с шестью отверстиями; лицевая сторона гравирована горизонтальными полосками, зигзагом и косыми насечками (табл. XXVI, 14).

Пряжка из погребения 51 с четырьмя отверстиями. Лицевая сторона гравирована и состоит из горизонтального ряда спиральных завитков, заключенных в вытянутый четырехугольный поясок, заполненный сетчаткой (XXVI, 17). А пряжка из погребения 76 снабжена пятью сквозными отверстиями (XXVI, 16), орнаментирована заштрихованной сетчаткой и пятью в ряд расположенными свастиками, заключенными в ромбики. Пряжка из погребения 60 имеет семь сквозных отверстий; лицевая сторона инкрустирована, где изображено три извивающиеся змеи (XXVI, 15). К четвертому типу относятся пряжки сегментовидной формы с крючковидной застежкой (XXVI, 5, 10-13). Лицевые стороны инкрустированы. Пряжка из погребения 42 (XXVI, 13) украшена орнаментом из пяти вертикальных зигзагов с имитацией змей, заключенных в овал с ровным основанием.

Другая пряжка из погребения 44, покрыта фигурками трех птиц-гусей с вытянутыми шеями и по одной ножке; имеет дисковидную форму, со свастикой по центру; последняя обведена двумя концентрическими кругами; каждый из них заполнен взаимно встречающимися треугольниками.

Таким образом, в первом кругу насчитывается 16 треугольников, устремленных к свастике: во втором кругу число таковых треугольников 22 (Трапш, 1969, с. 199, табл. XXVI). Изображение свастики прослеживается и на другой бронзовой пряжке вытянуто-четырехугольной формы (погребения 60 Красномаякского могильника), где имеется изображение 5 свастик, опирающихся на сетчатой полосе свастик.

Бронзовые пряжки из Красномаякского могильника

орнаментированы также спиральными завитками, косыми насечками и точеными вдавлинами (погребение 16).

Немаловажный интерес представляют пряжки полукруглой формы, покрытые извивающимися змеями (погребение 98), и пряжки, оформленные треугольниками и крючковидными застежками для прикрепления к поясу.

Как видно, на одних поясных пряжках Сухума и его окрестностях аборигены почитали культ света, движения, процветания и роста земных и небесных сил (свастика*), стрелы, звезда).

3. Надгробная плита. (Рис.33 - Г)

Найдена в августе 1953 года в Сухумской бухте, на глубине 2 м и в 7 метрах от берега моря на левой стороне устья р. Басла. Памятник лежал лицом вниз, благодаря чему изображение на плите хорошо сохранилось. По наблюдениям исследователей, на расстоянии около 100 метров от берега, раньше встречали развалины какой-то древней крепости и на этом месте морские волны выбрасывали остатки античной посуды. Мраморная плита имеет четырехугольную форму. Ее нижний левый угол отбит еще в древности. Длина - 157 см, ширина -11-12 см. В плите перпендикулярной плоскости верхней грани проделано шесть круглых отверстий с интервалом 11,5 и 16,5 см. Они служили для укрепления на штырях фронтона, завершавшего надгробную плиту. Мрамор малоазийский, серовато-пятнистого цвета. На лицевой стороне три человеческие фигуры. В кресле восседает хорошо одетая молодая женщина; правой рукой держит обнаженного мальчика, и он смотрит на нее умоляющим взглядом. Впереди стоит молодая женщина, грустно смотрящая на сидящую женщину. Левой рукой она держит шкатулку, видимо, с драгоценностями: с кресла свисает шкура какого-то животного

*) Свастика–древнейший символ многих народов мира ; обозначает благоприятное, счастливое; знак света и щедрости. Известна с неолита, особенно в Индии, Китае, Египте. Свастика имеет вид креста с загнутыми концами по направлению часовой стрелки. Фашисты использовали как эмблему арийского начала. МС с.481.

(Трапш, 1969, с.231, V в. до н.э.; Лордкипанидзе,1966, с.168, 430-420 гг.). По мнению Трапша, в этом районе находился греческий некрополь (Трапш, 1969, с. 230).

4. Женский надгробный бюст.

В августе 1957 году, со дна Сухумской бухты доставлен каменный бюст, высотой 35 см, при ширине 24 см и толщине 12 см, ширина головы - 18,5 см. (Рис.46, 1).

Первооткрыватель М.М. Трапш относит его к группе надгробных памятников искусства. Безусловно, это женская статуэтка. Лицо плоское, от потертости сильно окатано, особенно в подбородочной части. Соотношение частей и плеч близко к пропорциональности. Ниже подбородка, почти на груди имеется треугольный вырез, признак, говорящий о том, что фигура была в одеянии. Хорошо выполнены плечи, грудь, глаза, особенно– веки. Подобные надгробные бюсты широко представлены на памятниках искусства Северного Причерноморья поздне-античной эпохи. Сопоставление с ними показывает, что сухумская скульптура хорошо вписывается в круг этих изделий. Так, надгробный бюст из городища Нимфей очень напоминает сухумскую находку. Если учесть, что она выполнена из местного известняка, то нужно полагать, что скульптура сделана в одной из близлежащих мастерских, и путем сравнительного анализа следует датировать началом н.э. (I-II вв.) (Трапш, 2, 1969, с. 355, рис 51). В то же время не исключено, что скульптура оказалась на этом месте вследствие кораблекрушения, т. к. выявлена на значительно большом расстоянии от берега моря (более 50 метров от суши).

5. Терракотовая фигурка мужчины (рис. 45, 29), происходит из раскопа 1959 года по Сухумской набережной. В отличие от вышеописанного женского бюста, фигурка мужчины связана с культурным слоем поздней античности. Высота - 5,3 см, длина – 2,5;) см, выполнена из местной глины темно-синего цвета, лепная, обжиг хороший. Лицо сделано схематично: нос крупный, рот передан горизонтальной полосой, подбородок треугольной

формы, брови высоко подняты, глаза врезные, голова крупная следов одежды не наблюдается. Через правое плечо проходит лентовидная полоса, левая рука согнута в локте и держит массивный кружочек, напоминающий лепешку; пальцы руки отражены врезными линиями, нижняя часть правой руки отбита еще в древности.

М. Трапш считает, что предмет изображает фигуру какого-то языческого божества при исполнении своих культово-религиозных обрядов, скорее всего, это жрец, (букв "Аныхапаа")

Учитывая местный характер глины, из которой выполнена фигура мужчины, не будет ошибкой сказать, что в Сухуме и его окрестностях были мастерские корропласта по изготовлению статуэток, где, видимо, и была сделана рассматриваемая фигурка (Трапш, 1964, с. 242, рис. 5, 4).

6. Статуэтка богини земледелия. (Рис. 33Д). В 1977 г. во время строительно-земельных работ по ул. Леона, в 80 метрах от берега моря, на глубине 160 см (слой В), были разбросаны обломки терракотовой статуэтки, впоследствии восстановлены. Как выяснилось, это была статуэтка греческой богини земледелия Деметры. Высота - 21 см (Шамба, Воронов, 1980, с. 144, рис. 7). Богиня восседает в кресле. На голове калаф, из-под которой видны кудри волос, вокруг шеи - следы ожерелья и пышно выступающая женская грудь, еще раз подчеркивающая красоту богини. Заметно также верхнее платье - гиматий (плащ), а под ним хитон, обычное платье. Ноги покоятся на небольшой скамеечке. Внутренняя сторона статуэтки полая, глина красноватая. Аналогичные статуэтки известны во всем античном мире, но на Восточном Причерноморье такая находка делается впервые. Она характеризует духовные представления о земледельческой части населения периода расцвета Диоскурии в V-III вв. до н.э., когда экономическая сфера влияния города достигала максимальных границ [*].

[*]) Денежные средства на раскопки данного участка выделены Алексеем Хутовичем Аргуном, который тогда возглавлял министерство культуры Абхазии, за что приношу ему благодарность. - Автор.

7. **Статуэтка голубя** (рис.47, 9) происходит из т. н. участка Одынец, что расположен на северо-западной окраине Сухума. Здесь, во время раскопок башни начала н.э., в культурном слое была обнаружена миниатюрная статуэтка в виде голубя с отбитой ножкой и хвостовой части тулова еще в древности. Фигурка лепная, глина темно-синяя, то есть местная, из которой сделана вышеописанная статуэтка мужчины. Перья птицы переданы врезными косыми насечками. Глаза выполнены двумя кружочками. Высота сохранившейся фигуры -4 см, длина около 5 см (Трапш, 1969, табл. VII, 17).

Скульптуры голубей встречаются **на** раскопках в Пантикопее, Фанагории и др. античных городах Северного Причерноморья. Их квалифицируют как детские игрушки, культовые приношения и как комнатные (настольные) украшения частных и общественных зданий. Поэтому есть основание считать, что сухумская статуэтка голубя и подобные ей изделия лепные из местной глины, сделаны местными корропластами.

Оттуда же происходит - краснолаковый, импортный, длина его - 6,5 см, высота - 3 см (рис. 47, 2); на крышке имеется классическое изображение трех женских фигур "три грации" (Трапш, 1963, с. 242, рис. 5,5). Стиль изображения очень напоминает фигурки "трех граций", обнаруженные в южном Причерноморья, в античном городе Амисе времен императора Траяна (53 -117 гг. н.э.). В этом нет ничего неожиданного, так как город Амиса всегда имел оживленные сношения (политические, экономические) с Диоскурией-Себастополисом, о чем свидетельствуют массовые находки монет и керамики этого города в Диоскурии и Питиунте (Шамба СМ., 1982, с. 16).

Как известно, под тремя грациями (или хариты) литературная традиция подразумевает богиню **красоты** и женской прелести. Греческая мифология в лице харитов имела в виду: Аглаю («Сияющая»), Евфросину («Благомыслящая»), Талию («Цветущая»). Три грации, то есть хариты, согласно древнегреческой мифологии должны были сопровождать богиню Афродиту (богиню любви и красоты); Диониса (бог виноградарства и виноделия), Аполлона (бог солнечного света

- один из важнейших божеств Олимпа). Три грации можно было часто встретить в обществе муз и различных оргий. В преданиях о харитах довольно прозрачно заметна их связь с вегетативными силами природы и упорядочения человеческой жизни, трудовой и художественной деятельности (МС, 1990, с. 570). Светильник трех граций - харитов **должен** говорить о знании жителей того времени Диоскурии - Себастополиса этой мифологии и вполне возможно участие их **на** различных увеселительных играх, шествиях, а также культово–религиозных обрядах. Этому не противоречит условие находки Светильника с тремя грациями-харитами в черте античного города Себастополиса.

8.Фигурки **в виде фантастических животных.**

В нашем распоряжении имеется серия скульптур животных, связанных с памятниками античного времени Сухума и его окрестностей. Так, во время археологических раскопок могильника Гуадиху, было обнаружено несколько однотипных скульптур животных. Это односторонне литые бронзовые бляхи в виде фигурок тура или оленя в скачущей позе, с заостренными ушками. Оборотные стороны снабжены петельками для подвешивания. Все они найдены в четырехугольной мргильной яме, на груди остатков полукремационного захоронения (Трапш, 1969, с.26, 72, табл. V, 3). Стало быть, фигурки являлись частью костюма погребенного, судя по сопровождающему инвентарю (боевой топор, кинжал скифского типа, точильный камень - оселок и т.д.). Могила №8, в которой найдены перечисленные предметы, принадлежала мужчине-воину. Дата - IV в, до н.э. Фигурки напоминают скифский звериный стиль, в то же время аналогии к ним не имеется. В таком случае рассматриваемые находки из Гуадиху носят самобытный характер, то есть, изготовлены по индивидуальному заказу, **а** исполнитель хорошо был знаком со скифским миром искусства. В этих фигурках мастер отразил некоторые скифские элементы, например: повисшие в воздухе свернутые ноги тура; **а** рога в виде витого шнура. Безусловно, фигурка, носит вотивный характер (Трапш, 2, 28, табл. V).

9. Эгретки (Рис.17).

Немаловажный интерес представляет бронзовая пластина-платформочка с подвешенным колокольчиком. Найден в кремационном погребении 22 могильника Гуадиху вместе со скоплением мелких обломков, перемешанных с человеческими костями, древесными угольками и золой. Головная часть фигуры пластинь! имеет ромбовидную форму с крючком, а к концу постепенно суживается, превращаясь в цельную проволоку с петлей, на которой висел бронзовый колокольчик конической формы. Вдоль всей пластины строго симметрично проходит рельефная полоса с елочным орнаментом; также по краям пластины - платформы нанесены две полосы, украшенные косыми насечками. Вся поверхность предмета разделена на четыре стороны. Головная часть орнаментирована елочным узором, кружочками и косыми насечками. Общая длина - 24 см, обратная сторона предмета пустая, стало быть, ее накладывали на что-то (штандарт? жезл? ритуальный костюм?) (Трапш, 2, с. 38, табл. HI, I).

По поводу этой находки Трапш писал, что аналоги ему неизвестны. Позже, в 1967 г. рядом с Эшерским городищем нами было вскрыто погребение *N* в. до н.э. где найдена многофигурная бронзовая пластина - платформа со скульптурной фигуркой всадника с собакой; последняя наделена ошейником; на противоположных платформах припаяны три бараньи головки с колокольчиками на шеях. Эта находка почти однотипная с вышеописанной эгреткой из Гуадиху. А до этого еще подобная вещь найдена в Бамборе, (Лукин, 1941, с. 70, табл. XXII, 1-2).

Эшерская многофигурная пластина и ее аналоги из Гуадиху и Бамборы рассматриваются как культовые предметы, связанные с местными божествами размножения и оплодотворения человека и его окружающей среды (собака - олицетворение - Алышкинтир, бараны - цьмеи - уасеи - раб - ран и т. д.), сама платформа, на чем стоят все сопричастные к этому процессу, символизирует почву – землю (Шамба, 1972, с. 105-109, табл III,1).

Картографирование места находок интересующей нас группы скульптур очерчивается пространством между современными Сухумом и Гудаутой. Подобные изделия отлиты местными скульптурами-литейщиками для удовлетворения своих духовных потребностей. В пользу этого говорят недавно найденные аналогичные бронзовые предметы в с. Хуап московским археологом А. Скаковым, который разделяет точку зрения своих абхазских коллег по поводу семантики рассмотренных фигурок (доклад А.Ю.Скакова, прочитанный в Абхазском институте 03.09.2002 г.).

Когда идет речь о скульптурных фигурках, нельзя не упомянуть о серии находок в Мерхеуле, по соседству с Сухумом. Среди прочих предметов могильного инвентаря (VI-V вв. до н.э.) в Мерхеуле, найдена фигурка в виде бычка с высоко поднятой шейкой и широко расставленными ножками. Первооткрыватель Мерхеульского памятника М. Барамидзе отмечал, что подобные фигурки почти не встречаются за пределами Абхазии. К далеким прототипам он относил золотую фигурку бычка из Майкопского кургана (Барамидзе, 1977, табл. V, 36) и медно-бронзовую фигурку того же вида животного из Абгархука. По мнению Б. Куфтина, абгархукский экземпляр служил в качестве амулета-оберега (Куфтин, I, 1949, с.154).

Среди памятников искусства Мерхеульского могильника следует назвать бронзовую подвеску - амулет, овальной формы, украшенную двумя кружочками - точками. Находчик рассматривает ее как стилизованную головку змеи (Барамидзе, 1977, с. 56). Хотя древние украшения, связанные с культом змеи, имеют большое распространение среди памятников археологии, но способ изготовления мерхеульского экземпляра не имеет себе равного. Интересно, отметить, что в 2002 г. в Ачандаре (Цоухуа), в одном погребальном комплексе найдена глиняная головка змеи, сильно напоминающая мерхеульский экземпляр (доклад А.Ю. Скакова от 03.09.2002 г. в Абхазском институте).

10. Скульптурные фигурки из Яштуха. Речь идет о погребальном инвентаре находки 1955 года, куда входят изделия

из бронзы: цельный пояс, фигурка лягушки, браслеты со змеевидными головками, фибулы, колокольчик и т. д. Лягушка или лягушкообразное существо (черепаха? ящерица?), на обратной стороне имеется бляшка-крючок или ушко. Длина фигурки - 7,5 см, ширина - 1,5 см. Верхняя часть бляшки выпуклая, глаза в виде кружочков; а конечности сделаны с помощью продольных желобков. Автор справедливо отмечает, что равной находки нет на Кавказе; датирует V-IV вв. до н.э. (Квирквелия, 1978, с. 75, табл. 29,7).

К числу замечательных изделий из Яштуха относится также бронзовый пояс, длиной 75 см, при ширине - 6 см. Он состоит из более 300 продолговатой формы обоймиц, уложенных в три ряда, а сам пояс состоит из восьми частей или секций одинакового размера. Оба конца пояса заканчиваются бляхами треугольной формы: одна сторона завершается стилизованным изображением бараньей головки, а другая-со скрученными рогами. Головка пояса или бляхи покрыта треугольниками, елочным узором и косыми насечками в два ряда. Судя по размерам и сопровождающему инвентарю, пояс мог принадлежать богатой женщине. В то же время является дальнейшим продолжением традиции местных мастеров - бронзовиков первой половины I тыс. до н.э.

11. Браслеты лентообразные с лицевой стороны покрыты кружочками - точечками, прямыми и косыми насечками, спираликами, елочными узорами, ромбиками и т. д. (Трапш, 2, с. 192, табл. XXIV).

Особый интерес представляют бронзовые круглопроволочные браслеты. С реалистически[1] выполненными головками змей, шейки которых покрыты прямо нанесенными насечками, разделенными посередине прямой линией; глаза изображены врезными кружочками.

Как известно, изображения, связанные с образом змеи, имеют довольно широкое распространение, и использование ее формы, как украшение, означает бытование в эллинистическое время одного из древнейших культов змеи. По народным

суевериям, змея представляется как владычица и сберегательная сила воды и всей водной стихии. Змея с крыльями означает господство ее не только на водных просторах, но и на небесах. Нередко изображение змеи воспринимается как символ и оплодотворение всего сущего на свете.

В нашем конкретном случае змея выступает как оберег руки, в виде амулета. Возраст Яштухского погребального комплекса около 2400 лет.

12. Фибулы-застежки. Из Яштухского погребального комплекса происходит бронзовая фибула со щитком и ромбической формой; сверху покрыта елочным узором, а посередине и бокам - косыми насечками. Еще одна деталь: точка в круге, нанесенная на фибуле, рассматривается как сберегательная сила. Абсолютно такой же формы фибула происходит из Красного маяка (Трапш, 2, 1969, с. 195) и Эшерского городища (Шамба, 1980, табл. LXXIV). Точно такая же фибула, из золота, найдена в 1990 году в Ачандаре Гудаутского района. Игла этой фибулы является продолжением спинки; у своего зарождения образует цельный виток иглодержатель-преемник сплюснут. Поверхность щитка имеет ромбовидную форму. По середине фибулы проходит полоса с елочным узором; края орнаментированы косыми насечками; на противоположной стороне щитка нанесены кружочки с парными концентрическими кругами и еще четыре знака в виде дуги или полумесяца. Длина ачандарской фибулы вместе с иглой - 4,5 см, высота - 1,5 см, вес - 5 гр. На основании сопровождающего материала (обломки чернофигурных сосудов) ачандарская золотая фибула датируется не позже конца VI века до н.э. (Шамба, 1996, с. 52, рис. 2,9).

Теперь, возвращаясь к вышесказанному Яштухскому погребальному комплексу, хочу выразить свое отношение к этой публикации. По этому поводу Г. Квирквелия пишет: «Несмотря на близость местонахождения Яштух к Диоскурии, греческий импорт для местного населения оказался невостребованным. Более того, продолжает автор, среди обитателей Яштух мы не

только не встречаем греческие предметы, но и вообще не видим их воздействие на изделия аборигенов. (Кверквелия, 1978, с. 79}. Этим самым исследователь дает знать, что эллинская культура ничуть не повлияла на культуру аборигенов. Сказанному противоречат вышеописанные ачандарские находки, согласно которым население нагорной части, территориально отдаленное от городской жизни, имело регулярные связи с эллинским миром; последний довольно заметно влиял на аборигенов, независимо от их местонахождения. О том же говорят шубарские находки, расположенные в 20 км в горах от Диоскурии. Как известно, там, на Шубаре, найдены такие импортные изделия, как амфоры типа Солоха (IV в. до н.э.), с помощью которых импортировали вино и наоборот, отправляли на экспорт такие продукты, как мед, воск и другие изделия (Шамба, 2000, с. 294). Что касается отсутствия импорта на Яштухском комплексе, о чем пишет Квирквелия, то это дело случая или недоследование памятника, но никак не признак отсутствия связей между аборигенами и прошлыми греческими общинами.

Когда идет речь о памятниках искусства и украшения жителей Диоскурии, нельзя не обратить внимание также на состав погребального комплекса №12 младшей группы погребаний Красного маяка, раскопанного в 1956-1959 гг. (Трапш, 2, с.277).

13. Височные кольца.

Интересующее нас погребение имело размеры 1х180 см, и залегало на глубине 0,80 м от современной поверхности. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, головой на восток. Среди множества керамических и иных изделий этого погребения мы коснемся наиболее выразительных предметов, входящих, с нашей точки зрения, в круг памятников искусства и украшений. У висков покойника находились золотые височные кольца овальной формы с заходящими друг на друга концами; сделаны из тонкой и круглой проволоки. Головки украшены поперечными надрезами (2 экз.). Размер - 8 х11 мм, длина сечения - 2 мм. При первом же знакомстве с этим украшением

вспоминаешь бронзовые круглопроволочные привески или сережки в полтора оборота, постоянно входившие в костюм носителей колхидско-кобанского культурного общества; бронзовые круглопроволочные браслеты со сплюснутыми лебедевидными головками (2 экз.). Спинки обоих браслетов украшены симметрично нанесенными прямыми надрезами, разделявшими как бы на четыре сектора; глаза переданы двумя концентрическими кружочками (Трапш, с. 277, 9), а на другом - по три аналогичных кружочка (с. 277, 6). Выше мы писали о преемственной традиции и на этом конкретном примере мы имеем прямое продолжение истоков культуры позднебронзовой эпохи. При этом имеется в виду головка и клюв абгархукской птицы поздней бронзы (X-IX вв. до н.э.; Шамба, 1984, с. 54, 6).

14. Бусины. С точки зрения богатства и имущественного положения в обществе, большой интерес представляют золотые украшения, происходящие из рассматриваемого нами того же Красномаякского погребения №12. Это - золотые бусины шаровидной формы в количестве 31 экз., из которых шесть с продольными рифлениями, другие с гладкой поверхностью; оттуда же идет полая золотая подвеска в виде бараньей головки. На ней рельефной чеканкой изображены закрученные рога, морда, глаза и уши барана. Размер: длина –13 мм, ширина 0 7 мм (С. 277, 15). Абсолютно такой же формы и размеров бараньи головки происходят из уже названного ачандарского погребения (Шамба, с. 57, 1-7). Подобные головки крупорогих животных были известны на памятниках Зап. Грузии (Сачхери, Вани), тоже датирующиеся серединой V-IV в. до н.э.

Мы, в свое время, при изучении Ачандарского погребального комплекса отмечали, что образ крупорогого (в особенности барана, козы, тура и т.д.) нашел широкое воплощение в изделиях того времени. Подтверждением тому являются замечательные бронзовые фигурки из Мгудзырхва, Лыхны - Бамбора, Абгархук, Эшера, а также глиняные фигурки из Тамыша, Гагида, Ткварчала (Шамба, 1996, с 53).

ГЛАВА VI. НАДПИСИ НА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТАХ.

Остатки городских слоев Диоскурии - Себастополиса и прилегающих памятников за более чем 100 - летнее археологическое исследование показали целую серию надписей на различных материалах (камень, металл, керамика). Часть из них обнаружена археологическими раскопками, а некоторые при случайных обстоятельствах.

1. Надписи на чернофигурной **амфоре** (рис.33[6]) VI в. до н.э. к востоку Эшерского городища. Сохранившаяся надпись состоит из одного слова - «Никон», видимо, имя мастера. Уже установлено, что находка является самым ранним письменным памятником древнегреческого языка на Кавказском Причерноморье. Сосуд выполнен выдающимся греческим (афинским) мастером и впоследствии приобретен одним из эшерских племенных вождей или же, выражаясь термином Страбона, - «скептухом» - «жезлодержателем», причем, весьма состоятельным, в чьих руках было сосредоточено целое состояние; иначе трудно было бы приобрести столь дорогостоящую амфору- вазу, к тому же с росписью.

Высота сосуда - 70 см., длина Дна-22 см. Нижняя часть украшения с лучеобразно расходящимися узкими листьями («корзина»). Амфора состоит из двух сторон: А - лицевая. На ней изображен Дионис со своими вечными спутниками (менады, сатиры), а на другой стороне Б - сцена подготовки к выходу для участия в какое-то черезвычайно важное событие. В пользу этого говорят действующие лица и их Обмундирование (военные доспехи, боевая колесница, кони и рядом учитель - настоятель с традиционным длинным посохом. Судя по его позе, мудрец своим питомцам дает последние напутственные слова (Шамба, 1983, с. 33-34).

2. Надпись на бронзовой **дощечке** из Эшерского городища (рис.35). В 1975 году при раскопках в нижней части городища в

развале позднеэллинистического монументального здания были обнаружены десятки обломков бронзовой дощечки с сохранившимися буквами, - словами и в одном случае, строчкой, образующими текст (Шамба, 1980. с. 55). Все они происходят от одной цельнолитной бронзовой плиты -дощечки. Удалось собрать 19 фрагментов с древнегреческими буквами, сильно пострадавшие от огня. Толщина плиты 0.65-1 см. Самый большой фрагмент плиты с надписью имеет размеры 5,7 х 6,3 см, остальные гораздо меньше. Высота букв от 0,5 - 0,8 см. Омикрон и тета - 0,4 см.

Надпись прорезана так: сначала на концах букв делались углубления сверлом, которые потом соединялись при помощи резца. Круглые буквы наносились по циркулю; полукружия "беты" и "ро" исполнены в виде треугольников. Подобная техника известна по афинским судейским табличкам IV в. до н.э.

Перед нами какой-то особо важный документ типа декрета или исторической хроники, в котором шла речь о неких военных событиях. Сохранилось слово «басилеа» в значении «военная сила, войско». В одной строке читается выражение: «захватив с собой в город». Двумя строками ниже читается слово «басилеа» в именительном падеже или родительном, означающее «царство», менее вероятно - «царица». Надпись исполнена греческим мастером на безупречном греческом языке. Дата - IV в. до н.э. (Шамба, 1980, с.55).

3. Надпись на **местнои известняковои** плите (рис. 48, 3) с 14 сохранившимися знаками (Шамба, 2000, с. 310, табл. 85). Плита была извлечена из кладки фундамента башни №1 Эшерского городища, датируется II-I вв. до н.э. (Шамба, 2000, с. 310, табл. 85). По мнению проф. Г. Турчанинова, памятник относится к местной (ашуйской) письменности I тыс. до н.э. (Турчанинов, 1999, с. 206).

4. Сухумская надпись позднеэллинистического времени (рис. 46, 5). Памятник найден в марте 1952 г. tyJ, Трапшем, при строительстве Сухумской набережной, когда частично были

разобраны древние стены западной башни Себастопольского укрепления. Речь идет о керамической плите (кирпиче), концы которой отбиты с обеих сторон. Размеры плиты: 12 х 14,5 см, толщина - 3-3,5 см. Она сделана из глины розовато-красного цвета, хорошего обжига. На поверхности сохранились следы известкового раствора. Стало быть, плитка была вставлена в известковую кладку. После того, как она выпала оттуда, вода сильно окатала ее. Надпись расположена на плитке во всю ее ширину. Линии и надпись сделаны до обжига острым предметом. Глубина вреза от 1-3,3 мм.

По чтению проф. Г. Турчанинова, Сухумская надпись выполнена на колхидском (майкопском) письме. Читается справа налево (как и майкопская надпись). Налицо 22 буквы, из которых 6 букв уже встречались на Майкопской плите. Надпись в чтении Турчанинова звучит так: «Город (крепость) его соорудил в Аҟәа Саулаҳ царь великий из Лыхны «Страна Гор». Дата-I в. до н.э. (Турчанинов, 1971, с. 39).

5. Надпись с именем Арриана (рис. 46, 3). В 1896 году во время строительных работ на Сухумскрй набережной был найден камень с надписью, глубоко врезанный в стену. На поверхности камня сохранились остатки красной краски и надпись по-латыни. Впервые памятник был прочитан академиком М.И. Ростовцевым. Согласно его интерпретации, письмо читается так: «Адриан через Флавия Арриана порт сей соорудил» (Куфтин, 1949, с. 154). Это означает, что на территории Диоскурии-Себастополиса побывал известный греческий писатель и крупный военно-административный деятель, глава области Каппадокии Малой Азии Флавий Арриан. Из истории известно, что Арриан побывал на Кавказском Причерноморье между 131-134 гг. н.э. Об этой же поездке подробно рассказано опять-таки в произведении самого Флавия Арриана, именуемом «Путешествие вокруг Черноморья» (Флавий Арриан 1,10). В совокупности, все это и есть редкая счастливая случайность, когда письменный памятник подтверждает текст произведения мемуарного характера.

6. Надпись с именем Гермеса — **Меркурия** (рис. 47, 17). Найдена при раскопках северо-западной окраины Сухума, на уже упомянутом участке Одинец, в культурных слоях сторожевой башни II н.э. Среди множества находок здесь были обнаружены четыре глиняных светильника из местной глины. Один из светильников снабжен древнегреческой надписью из шести строк: «Давай поклоняйся владыке Гермесу – Меркурию ради спасения» (Каухчишвили Т.С., 1957, *Ь.* 228, табл. XXX, 22), а по другому чтению звучит: «Соверши поклонение всемогущему Гермесу- Меркурию о спасений души» (Ельницкий, 1962, с. 231). Такая надпись свидетельствует о том, что многие странствовавшие в начале нашей эры купцы, в том числе и владелец сухумского светильника, поклонялись Гермесу - Меркурию ради спасения и сохранения своей жизни. Светильник лежал в слое IV-V вв. Себастополис того времени имел торговые сношения с Северным Причерноморьем, Малой Азией и другими центрами. Похоже, что здесь почитали культ Гермеса - Меркурия, как божество торговли И путешествия. Надпись гласит также о том, что в наших краях господствовал греческий язык. Об этом говорят и другие надписи –в Пицунде: «В моление за Орентия и весь его дом», Цебельде: «Единый бог, дающий приносящему» (Шамба, 1970, с. 62).

7. Надпись в честь Ореста (рис.46,2 .). На территории Сухумской крепости в 1986 году во время раскопок была найдена надгробная стела из мягкого известняка с древнегреческой надписью, размером 0.41 м х 0,33 м х 9,15 м, где читаем: «... здесь покоится Орест, воин - легионер, в память о нем мы возвели церковь». По мнению Л.Г. Хрушковой, Орест мог быть одним из основателей местной христианской общины, которое обычно почиталось после смерти как святые» (Хрушкова, вставка 8 1995, с. 218-219. Ее же, 2002, с. 233-234, рис. 89).

8. Надпись о **судоплавании.**

Среди эпиграфических памятников древнего Сухума значительное место занимает находка 1998 года на территории

Сухумской крепости, осуществленной археологической экспедицией Абхазского государственного университета под руководством доцента А.Н. Габелия. (рис. 48. 1)

Первая научная публикация осуществлена В.В. Ветроградовой (Ветроградова, 2002, с. 385-390). Согласно ее исследованию, надпись древнегреческая, сделана на местной известняковой плите (19 х 21 х 10 см.). Сохранилось пять строк, где встречаются следующие слова, некоторые из них частично восстановлены:

Перевод:

1. [Постановление] народа
2. } выразить восхищение [
3.] возмещающий [
4.] снарядил (ваши?) [триеры][1] [
5.] (ветер?)[ ]

Анализ особенностей конфигурации букв, стиль предложений и другие признаки письма дают основание отнести памятник ко II в. н.э. По мнению В.В. Ветроградовой, надпись следует отнести к категории письменных памятников, где говорится о заслугах незаурядного человека, имя которого, к сожалению, не сохранилось. В любом случае, надпись сделана на месте, продиктованная какими-то важными событиями, связанными с морскими плаваниями, скорее всего военного характера (Ветроградова, 2002).

+) («Снарядил триеры», т.е. подготовил военное судно). Как известно, триеры - это судно с тремя рядами весел. Они имели 40-50 метров в длину, при ширине 5 метров. Обычно, команда подобных кораблей состояла из 200 человек (СА, 1989,с. 587). Документально известно, что на Кавказском Причерноморье, в том числе в Диоскурии и его окрестностях - изготовляли разного рода корабли. Так, согласно одной надписи, около IV-III вв. до н.э. в районе Эшерской береговой линии имело место морское сражение (Шамба, 1980, с.50). К этому можно добавить, что Митридат VI, готовясь к очередному наступлению на Рим, активно занимался изготовлением кораблей, стройматериал для которых получал из Кавказского Причерноморья. (Страбон, XI, 2,13-15). Известный исследователь древних морских путей Д. Листгавс на своей карте главных путей снабжения лесом античных центров Средиземноморья, намечает путь, начинающийся от Питиуната (совр. Пицунда) вдоль южного побережья Черного моря и Средиземноморье (Сокольский, 1971,с.36-37).

Надписи-клейма на амфорах. Существует целый ряд надписей- клейм, обнаруженных на памятниках древнего Сухума и его окрестностях.

ΔΙ-ΟΣ-ΚΟΫ (рис.36-37) - такие клейма нанесены на амфорах, происходящих из разрушенной печи в поселке Гуандра, что находится на западной границе села Эшера. Здесь, в 1964 году были собраны 34 выразительных керамических обломка, среди них 21 амфор. Из 16 ручек, 9 снабжены клеймами, оттиснутые штемпелями прямоугольной формы, одного образца, т. е. одинаковыми размерами (1,6 х 3,1 см). Штамп наносится на ручке с наружной стороны. На всех штампах рельефно выступала двухстворчатая надпись. ΔΙ-ΟΣ-ΚΟΫ, состоящая из древнегреческих букв. Нетрудно догадаться, что здесь мы имеем сокращенное название города Диоскурии. Клейма ставились до обжига. По составу глины амфоры из Гуандра делятся на две группы: амфоры первой группы – желто коричневые, двухслойные, днища короткие и массивные, с наружной стороны дна имеется конусовидное углубление - черта, характерная для гераклейских (южнопонтийских) амфор (Зеест, с. 100, табл. XXII, 42). Вторая группа амфор относится к местным, коричневоглиняным: наиболее ранний тип этой категории амфор выявлен нами близ Эшерского городища, датируемый IV в. до н.э. (Шамба, 1972, с.99, табл.1,5).

Как видно, наличие клейменных амфор с названием Диоскурия (а не частного лица мастерской) должно говорить о строгом государственном контроле над мастерскими - эргастериями. Судя по находкам амфор, нужно полагать, что в этом микрорайоне функционировали мастерские, где применялся труд людей, обладавших профессиональными навыками. Там работали как местные, возможно изготовлявшие коричневоглиняные амфоры, так и пришлые, знакомые с технологией изготовления заморских амфор (к этой группе относится как раз двухслойная ангобированная амфора) с клеймом.

Эти тарные сосуды с клеймами Диоскурии служили для перевозки меда, вина, льняного масла. Они являются также

новыми письменными памятниками по истории Диоскурии, рассказывающие о неизвестных до сих пор ремесленных районах этого крупнейшего города Причерноморья[1]

Аналогичная ручка с клеймом ΔΙ-ΟΣ-ΚΟΫ обнаружена в переотложенном слое позднеэллинистического времени Эшерского городища. (Рис. 39, 5,6).

9. Клеймо на **черепице.** Среди керамических изделий, обнаруженных на Эшерском городище, есть обломок синопской черепицы с сохранившимся трехстрочным клеймом с именем Поседоний.

Дата выпуска рубеж IV-III вв. до н.э. (325-275 гг. до н.э. Шамба, 1980, с. 41, №182).

ГЛАВА VII. МОНЕТЫ.

1. Диоскурия (рис.38,4).

В этом городе и его окрестностях чеканили разнообразные монеты. К ним, прежде всего, относится монета с надписью Диоскуриада в три строки. Она выпущена во времена Митридата VI Евпатора (121-63 гг.), когда в его подчинение перешла Диоскурия со своей сельскохозяйственной хорой. Монета медная. На лицевой стороне: две шапки Диоскуров с шести-восьмиугольными звездами над ними. На обратной стороне: ТИРС, по бокам греческая надпись в три строки: «Диоскуриада» (Шамба С. 1982, с. 19).

По мнению Г. Дундуа, эти монеты чеканены в Дискурии тогда, когда Митридат VI, спасаясь от Помпея, зимовал в Диоскурии (66-65 гг.).

---

[1] Яркой иллюстрацией сказанному относится недавно обнаруженная модель многосоставного бронзового якоря в районе Красного маяка юго-зап. Сухума (рис.26), любезно переданный нам на предмет публикации археологом Д.С. Бжания. Ему же принадлежит открытие глинянной модели корабля из Тамышского поселения.

Г. Лордкипанидзе, учитывая, что монеты с шапками Диоскуров чеканили и другие города (Амис, Синопа, Пантикопей) в первые годы правления Митридата VI, допускает, что чекан диоскурийской монеты относится к 120-111 гг., и тем самым завоевание Колхиды отнесено к этим же годам.

Позже Н. Голенко обратил внимание на тирс - жезл - символ бога Диониса, воплощением которого считал себя Митридат VI. Это изображение появилось в южно–понтийских городах 105-90 гг. и исходя из этого, диоскурские монеты чеканились в конце II в. до н.э. Такая дата подтверждается кладом медных монет Пантикопея, Фанагории и Диоскуриады IV-II вв. до н.э. Самая поздняя монета клада, кроме диоскурийской, есть пантикопейский халк конца II века до н.э. В районе Сухума диоскурийских монет найдено 2 экз., тогда как основная масса находок фиксируется на Северном Причерноморье. Поэтому Н. Голенко считает, что Диоскурия являлась поставщиком малых номиналов меди, специально ввозившейся в Северное Причерноморье. Этот факт связывают с перемещением частей армии Митридата VI из Колхиды в Боспорское царство (Шамба СМ., 1982, с. 19-20).

2. **Монета** Аристарха. (Рис. 46, 4). Лицевая сторона: безбородая человеческая голова с густыми, вьющимися волосами, увенчанная лучистой короной, вправо, золото. Обратная сторона: сидящая богиня, обращенная вправо, с неясным атрибутом в руках. Перед ней надпись "ΑΡΙΣΤΑΡΧΟΫ", сзади ΤΟΥ ΕΠΙ, внизу в две строки: (ΚΟΛΧΙΔΟΣΒΙ) (двенадцатый год правления - 52-51 гг. до н.э.). Изображение на монете есть лицо Помпеи, поскольку Аристарх сделал жест полководцу за то, что он (Помпей) определил Аристарха как своего в Колхиде. Известно всего 5 монет из серебра, сделанных тремя штемпелями. Значит, это больше, чем политический жест. Найденные монеты хранятся в Париже, Берлине, Эрмитаже. Символ воды (река), на котором стоит город, чеканивший монету, передан через показ сосуда с горлышком. Возможно, что здесь имеется в виду Фасис или Диоскурия, поскольку оба города

расположены на берегах рек. Возможно, что при Аристархе центр находился в Диоскурии. На эрмитажном экземпляре (драхма) имеется паспорт (найдена близ Сухума). Поэтому считают, что монеты с именем Аристарха чеканены в Диоскурии, тем более, что там еще при Митридате VI был монетный двор, где выпускали «медные диоскурские монеты» (Шамба СМ., 1982).

3. Монета Саулаха (Савмака? рис.46. 2). Серебро. Лицевая сторона: человеческая голова вправо в лучистой короне. Обратная сторона: голова быка вправо с неясной монограммой, перед ней остатки греческой надписи сверху - ВАІ..., снизу - ΣΑΫΛ...Относится к Сухуму по следующим соображениям: 1) из семи экземпляров три найдены в черте города вместе с колхидками. 2) Сходство на оборотной стороне изображения быка на колхидках. 3) Изображение, сходное данными (Помпей) на монете Аристарха. 4) Сообщение Плиния о существовании реального исторического лица в Колхиде - царь (басилеос) Саулах. Как справедливо заметил Д.Г. Капанадзе, имя Саулах сохранилось в Абхазии до сих пор (Капандзе, с. 41). Датированы II в до н.э. По весу приближается к колхидской полудрахме. Но есть и другая группа ученых, приписывающая эту монету главе боспорских повстанцев - Савмаку, имевшему место в 108 г. до н.э. В.Ф. Гайдукевич - сторонник Боспорского происхождения интересующей нас монеты, читает надпись как «Савмак». Нахождение этой монеты в Диоскурии объясняется существовавшими связями Боспора и Кавказа.

4. Монета с именем Басилевса Акоё.

Всего 2 экз. Одна монета найдена в с. Кинчха (Цулукидзевский р-н), хранится в Тбилисском музее им. Джанашия; другая - в районе Трапезунта, хранится в Парижском кабинете медальонов.

Описание: лицевая сторона: голова Александра Македонского в диадеме вправо, с рогом Аммона.

Обратная сторона: Афина Паллада, сидящая на троне влево.

За ее спиной басилев, впереди - под протянутой рукой с Никой - АКОУ. Под троном - трезубец.

По мнению Д. Капанадзе, эти монеты чеканились в Колхиде.

Л. Хорько считает, что надпись АКО представляет собой сохранившуюся искаженную часть имени Лисимаха (должно быть, якобы, АХО, а не АКО).

Однако, это мнение неубедительно, так как на самой монете ясно читается ΒΑΣΙΛΕΑΣ ΑΚΟΥ - неизвестное лицо - базилевс в Колхиде.

По поводу этой монеты, проф. З. Анчабадзе писал: слово «ауаа», соединяясь с другими словами в композиты, в качестве второй составной части последних, теряет начальную и конечную гласные и принимает форму «УА», причем, первая составная часть такого композита также теряет свою конечную гласную. Например: «апсы - душа» совместно с «ауаа-люди» дает композит «апсуаа» - «люди души». Совершенно аналогично образуется и композит «Акуа», «АКУ» + «ауаа» = «Акуа», т. е. «люди Аку» или место, где пребывают люди «АКУ».

Допустимо, что Акуа - Сухум в древности был либо столицей колхидского царя АКІ, либо местопребыванием его наместника... Соответственно меняется и фонетическая форма собственного имени АКІ, то есть вместо него дофкно быть «Акуа» (Анчабадзе, 1949, с. 164-165).

5. Колхидки - наиболее ранние монеты на территории Абхазии. Серебро. Одни считают, что колхидки чеканились правителями Колхидского царства, другие - чекан принадлежит греческим городам (Фазис, Диоскурия).

Известно пять номиналов и восемь типов. Крупные номиналы наиболее ранние и датируются VI-V вв. до н.э. На территории Абхазии колхидки обнаружены в следующих географических пунктах:

1. Клад в начале XX века в окрестностях Сухума.
2. Одна монета в 1926 г. на берегу Сухумской бухты.,
3. Одна в дольмене Верхней Эшеры.
4. Одна на Сухумской горе.
5. Одна на Красном маяке.

6. Пять экземпляров в с. Парнаут (Гульрипшский р-н).
7. Клад из 430 экз. в Набакеви
8. Клад из 55 экз. в Саберио.
9. Одна монета в Сочи.
10. Несколько монет в Средней Азии
11. Одна монета из погребения IV-III вв. до н.э. перед зданием Парламента Р. Абхазии в 2002 г.

На них встречаются греческие буквы: А, О, Ф, Е, П, Д, МО или ЕО. Одни считают их обозначениями монетных дворов в Колхиде. Другие относятся к знакам магистратов, следившие за чеканом и распространением монет среди населения городов и их окружения (Шамба С, 1982, с. 8-11).

Глава VIII. КЕРАМИЧЕСКИЕ МАСТЕРСКИЕ ДРЕВНЕГО СУХУМА.

1. Печь из Красного маяка. Остатки гончарной печи эллинистического времени из Красного маяка.

В 1956 году во время археологических работ на Красном маяке археолог М. Трапш обнаружил остатки керамической печи эллинистического времени. Это было в раскопе №1 участка 2, в верхнем культурном слое мощностью 60-70 см. Печь занимала площадь 4х4 м. Сложена из гранитных валунов и известняковых камней на глиняном огнеупорном растворе. Кладка печи и ее окружение несут следы сильной перекаленности, о чем говорит кирпично-красный цвет остатков. Культурный слой содержал множество обломков пифосов, амфор, горшков, грузил пирамидальной формы, черепиц, кирпичей квадратной формы, глиняная обмазка печи, комки теста, ошлакованные куски керамических изделий. Здесь же в разрезе северо-западной стенки видны контуры трех глубоких ямок конической формы для столбов, в свое время перекрывавшего навес печи. Весь археологичсекий комплекс (импортная синопская амфора,

чернолаковые сосуды и др. находки), а заодно и печь, датируют эллинистической эпохой (Трапш, 1969, с.227).

2. Печь из Сухумской крепости.

Во время археологических раскопок Сухумской набережной в 1959 году М. Трапш выявил керамическую печь позднеантичного времени. А происходило это так: при осмотре северного среза раскопа №1 стали вычерчиваться следы какого-то обожженного участка. Дальнейшая расчистка показала, что здесь была печь. Заложен раскоп размером 6 х 7 метров. Расчистка и медленное углубление показали, что сама печь открылась на глубине 15-20 см. Внутренняя часть, или обжигательная камера, вместе с подом была разрушена еще в древности. Сохранилась топочная часть.

Печь прямоугольной формы; сложена из обожженного огнестойкого кирпича на глиняном растворе, одетая с трех сторон - востока, севера и запада - в булыжный кожух, толщиной более 1 метра. Лицевая, т. е. топочная сторона, не имеет каменного кожуха, выложена из кирпича, кое-где содержатся булыжные камни со следами известнякового раствора. Размеры кирпича 50 х 23 х 58 см. Ширина печи - 6,25 м. Длина -5 м. Полезная площадь не сохранившегося пода обжигательной камеры 3,40 -3,60 метров. Вдоль топочной части печи, посередине проходит центральный канал, длиной 4,20 метров при ширине 86-99 см. Толщина опорных арок между каналами - 50-75 см. Они состоят из булыжных камней. По всему отопительному каналу горючим материалом служили дрова. Перед устьем топки углубления истопник занимался регулированием всего обжигательного процесса, связанного с топкой. Там же, т. е. перед устьем, имелись запасы глины и кирпичей на случай ремонта, подвергалась ремонту (дабовочные подпорки). Печь оказалась углубленной в землю. Это значит, что топочная часть печи находилась на уровне современной поверхности, под которой возвышалась только обжигательная камера. Котлован для постройки печи был впущен в слой II-III в. н.э. В канале печи найден арочный кирпич

клиновидной формы. Время функционирования печи - III-IV в. н.э. Кирпичи, или остатки от них, обнаруженные внутри топки, по размерам соответствуют кирпичам рядом построенной стены. Стало быть, печь обеспечивала стройматериалом строящиеся здесь же помещения. Печь обжигала в основном кирпичи и черепицы. Имея 16 м ^{2} полезной площади, печь на один обжиг загружала около одной тысячи кирпичей и черепицы. Это говорит о больших масштабах строительных работ того времени на Сухумской набережной. Продукция шла не только на удовлетворение потребностей обитателей города поздеантичного времени, но и жителей глубинки (Трапш, 1963, с. 250).

3. Печь (или остатки от нее) из Гвандра.

Осенью 1964 года известные археологи А. Тереножкин и В. Ильинская, будучи на отдыхе в Абхазии, при случайных обстоятельствах в поселке Гвандра, на западной окраине Эшера, почти на берегу моря нашли несколько керамических изделий, с клеймами ДИОСКУ и сдали в Абхазский институт.

Позже это место доследовано и удалось установить, что в указанном пункте находилась керамическая обжигательная печь, подтверждаемая многочисленными находками глиняных изделий, где преобладал производственный брак. Тогда же нам удалось вскрыть площадку размером 5 х 160 см, при глубине 150 см у берегового вала. Там нашли отдельные булыжные камни со следами соприкосновения с огнем, подтверждающие наличие на этом месте остатков керамической мастерской, впоследствии размытой морским прибоем.

Здесь нет необходимости подробно говорить о найденных археологических предметах, поскольку о них мы уже писали (Шамба, 1975, с, 149-157). Только назовем основные находки. Это - амфоры с клеймами ДИОСКУ (Диоскурия), черепицы, керамические диски, края сосудов для сливания содержимого, более четырех типов столовой и кухонной посуды и т. д. Суммарная дата памятника IV в до н.э.

4. Остатки обжигательной мастерской на Эшерском городище.

О существовании керамической печи (или печах) должны говорить многочисленные находки деформированных, или остатки керамических изделий на Эшерском городище, где были найдены отдельные части амфор, пифосов, черепицы, пирамидальные отвесы с качеством брака и т. д. Вполне возможно, что вышеописанная диоскурийская амфора гвандрского типа изготовлялась и на территории Эшерского городища. Так говорим потому, что здесь найдена амфорная ручка с диоскурским клеймом, как на Гвандре. Стало быть, ее присутствие на городище нужно связать с наличием обжигательной печи, иначе не было бы смысла доставлять эту амфору с соответствующей продукцией на такое, совсем незначительное расстояние, как между Гвандрой и Эшерой, не превышающего и двух километров.

5. Остатки печи на Гумистинском плато.

Есть основание полагать, что керамическая печь существовала и на южной окраине Гумистинского плато. Дело в том, что автор этих строк на месте земляных работ находил множество глиняных изделий с производственным браком. К ним относятся фрагменты амфор из т. н. коричневой глины, пифосы и прочая посуда, множества шлаков и ошлакованных масс и т. д.

6. Остатки Гульрипшской обжигательной печи. Осенью 1973 года на юго-восточной окраине Гульрипш, в 1,5 км от берега моря, при рытье канала на глубине двух метров обнажилась керамическая площадка - вымостка из кусков обоженной глины и глиняного шлака. На небольшой площадке было сосредоточено множество амфорных частей, пифосов, мисок - тарелок, черепицы и т. д. Мощность слоя небольшая - 10-20 см. Найденная керамическая посуда выполнена из местной глины (светлого и темно-коричневого) оттенков с включением песка, кварцита и бурых жилистых частиц. Поверхность то

шершавая, то покрыта глиняной обмазкой или золой. Горловины отмечены значками в вертикальном положении. Амфоры относятся к кругу «коричневоглиняных» сосудов. Памятник датируется II-I вв. до н. э. и считается мостерской Диоскурии того времени (Воронов, 1977, 2, с. 167).

ГЛАВА IX. СТРАТИГРАФИЯ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕГО СУХУМА ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК.

I. По Сизову. Представитель Московского археологического общества Сизов Владимир Ильич, по поручению своей организации, весной 1886 года осуществил раскопки на Сухумской набережной, напротив нынешнего здания Абхазского государственного драмтеатра им. С. Чанба (бывш. ул. Ольгинская). Здесь был обнаружен довольно мощный культурный слой, содержавший обломки черепицы, чернолаковых сосудов (лекиф, скифос и др.); глиняные подвески пирамидальной формы, монеты... Вскрыты были также остатки каменной кладки. Весь этот комплекс В. Сизов относил «к греческой эпохе» (V-IV вв. до н.э.) и лишь отдельные находки он датировал «римским временем», подтвержденные краснолаковой керамикой II-III вв. н.э. (Сизов В.И. 1889).

2. По Башкирову. Проф. Московского университета Башкиров Алексей осуществил раскопки в Сухуме в 1925 году недалеко от того места, где производила земляные работы вышеупомянутая экспедиция Сизова В.И. Была заложена траншея 2 x 14 метров, при глубине 225 см. После растительного покрова (0,25-0,30 м) шел слой толщиной 0,20 x 0,45 м, он содержал черепки темно-зеленого и светло-желтого цветов с коричневыми полосками. По определению Башкирова - это позднее средневековье. Второй слой содержал керамику амфорного типа, краснолаковая столовая посуда римского периода, черепицы, кирпичи квадратной формы и т. д. Под

вторым слоем залегала плотная глиняная почва, водонепроницаемая, от чего постоянно стоит в ней дождевая вода. По словам местных инженеров-строителей, толщина этого покрова в среднем достигает 6-7 метров. Подытоживая сказанное, Башкиров писал, что «Здесь мы имеем три культурных слоя: византийский, римский, античный-греческий» (Башкиров, 1926, с. 5-7).

3. По Соловьеву и Адзинба.

В 1940 году напротив гостиницы «Рица», во время земляных работ Лев Николаевич Соловьев и Иосиф Есхакович Адзинба доследовали местность и установили культурный слой, содержавший столовую керамическую посуду, обломки кирпичей, угля, фрагменты амфор, пирамидальные отвесы, коричнево-лаковые сосуды «мегарские чаши» и т. д. Слой датировали III-II вв. до н.э. (Соловьев Л.Н., 1947, с. 130).

4. По Трапшу. Приморская часть стены города была раскопанаТрапшем Михаилом Мамедовичем в 1959 году (рис.зо)

Первый слой. Под растительным покровом залегал культурный слой - 3,25 м, - насыпной грунт, в котором содержались остатки водопроводной трубы, черепицы (плоские), кувшины и др. предметы позднесредневекового периода.

Второй слой - толщина 1 м. Состоит из отбросов строительного мусора: там встречались стеклянные браслеты, глазурованная керамика, гончарные трубы, кирпичи, светильник и др. материалы X-XI вв.

Ниже второго слоя - погребенная почва без содержания предметов, 3-й слой мощностью 0,20 - 0,40 м и толщиной 2,5 м лежит под погребенной почвой, цвет темно-серый с примесью песка, гальки и гравия, материал поздней античности, т. е. I-V вв. н.э. (керамика, монеты и т. д., обломки амфор, краснолаковая посуда и т. д.). Под третьим слоем встречаются остатки керамики раннеантичного слоя, VI-I вв. до н.э.). (Трапш, 2, с. 300-303).

5. По Апакидзе-Лордкипанидзе. В 1959 году археологический отряд Причерноморской экспедиции под руководством Апакидзе Андрея Мелитоновича провел раскопки на территории Сухумской крепости, на участке, относящемся к т. н. спасательной станции. Первый слой гумуса (0,30-0,40 м) содержал средневековую глазурованную керамику, а также фрагменты посуды III-II вв. до н.э. Они оказались здесь при опускании средневекового слоя: кремневый наконечник стрелы ранней бронзы, обломки стеклянных изделий (стаканы с «бородавками») и т.д. Слой датируется IV-V вв. н.э.

Второй слой - глинистый, с коричневым оттенком. Толщина -1,2,-1,4 м. Содержит остатки строительного мусора. Наряду с керамикой, здесь встречались бронзовые фибулы, костяные ложечки, монеты II-III вв. н.э. (малоазийские, трапезундские, кесарийские); амфоры южно-понтийского производства; местные амфоры из красной коричневой глины; обломки синопских амфор. В этом же слое найдены глиняные скульптурные фигурки-головки утки и барана, фрагменты светильника. Слой датируется концом II - первой пол. III в. Встречались и некоторые обломки краснолаковых сосудов I в. н.э.

Этот второй слой перекрывал помещение, стены которого были сделаны из булыжника на известковом растворе. Во дворе жилого комплекса - колодец круглой формы с булыжной облицовкой внутри. На поверхности колодца найдена монета II в. н.э., а на глубине 3 м. - колодца - краснолаковый кувшин и обломки синопских амфор, боспорские монеты I в. н.э., под жилым комплексом известковая прослойка. Под ней монета I в. до н.э.

На глубине 190 см началось поступление грунтовых вод. Удалось исследовать лишь один квадрат (5x5 м), доведенный до материкового слоя, который достигает 3,5 метров глубины. В этом же квадрате толщиной I м найдены обломки пергамской керамики, чернолаковых сосудов; миска с широкими чернолаковыми поясками; фрагменты мегарских чаш; позолоченная бусина, обломки колхидских пифосов позднего

эллинизма. Здесь же найдены косточки виноградного сорта «качич». Есть также несколько обломков чернолакового сосуда V в. до н.э. (слой этого периода уходил еще глубже).

Таким образом, первый слой IV-V вв. н.э. – интенсивная жизнь. II-III вв. н.э.- расцвет периода жизни Себастополиса. Третий слой представлен жилым комплексом. Четвертый слой- I в. до н.э. -I в. н.э. слабый слой периода Диоскурии. Пятый слой - III-II вв. до н.э. - расцвет Диоскурии, находки иллюстрируют слова Тимосфена и Страбона, о том, что сюда стекается множество народов. Что касается отдельных находок V в., они соответствуют начальному периоду Диоскурии. Однако слой этого периода до конца не удалось открыть.

(Апакидзе А.М., Лордкипанидзе О.Д. ТР. АИЯЛИ, 33-34, Сух., 1963, с. 209-223).

6. По Воронову-Шамба. В марте 1977 года при строительных работах концертного зала по ул. Ленина была исследована площадь 20 кв. м. при максимальной глубине до 2 метров. Слой А-0 - 0,5 м- содержал строительный мусор XX столетия. Слой Б - 0,5 -1,2 м наносы последних двух тысячелетий. Слой В - 1,2 - 1,6 м. содержал обломки амфор, пифосов, чернолаковых сосудов, строительную керамику.

В этом слое найдена терракотовая фигурка богини Деметры, V-III вв. до н.э. (рис.ЗЗ-Д). Это период расцвета Диоскурии.

(Воронов Ю.Н., Шамба Г.К. АИЯЛИ, 1980,сс. 135-144).

7. По Шамба-Демирханову-Логинову.

Во время прокладки траншеи для водопроводной линии вдоль Сухумской набережной группой археологов были проведены охранные спосательные наблюдения от р. Басла до площади Конституции, протяженностью 1270 метров, при ширине 1,5 метров и глубине до 2[x] метров. Наблюдения показали, что здесь сохранился непрерывный городской слой от начала эллинизма до поздней античности и раннего средневековья. Сказанное хорошо документируется импортной керамикой Причерноморских городов отдельных центров

Северного Причерноморья и Средиземноморья, что говорит об активных внешних связях, о населении древнего Сухума **с названными торговыми регионами. В** ходе **наблюдения** охранно-**спасательных работ нам удалось зафиксировать фундаменты** и стены отдельных помещений, поздней античности, особенно перед зданием **резиденции** Президента **РА. Кладки выявленного** помещения сложены из квадров со сторонами 28х34х59; 50х30х30 см из известняка. В качестве соединяющего материала использован также известняковый раствор с заготовкой из камней; хорошо земетны на них остатки штукатурки. Некоторые квадры снабжены ступенчатыми выступами. По характеру кладки, материалы фундамента вторично использованы, видимо, за счет разрушения более ранних построек (Шамба, Демирханян, Логинов: 1978, с.493; Демирханов, Логинов, 1980, с. 18-31, табл. 1-2).

ГЛАВАХ

СТАТЬИ И РАССКАЗЫ О ДРЕВНЕМ СУХУМЕ

АЙЯ-ЭЙЯ

Вряд ли можно найти город с такими многочисленными наименованиями, как наш Сухум. Разумеется, за этим стоят целые эпохи, смена времён и общественных формаций, взлеты и падения. На наш взгляд, хронология города имеет следующую последовательность: Мифическое Айя - реальная Диоскурия - Себастополис - Цхум - Сухум - Аҟуа.

По письменным сообщениям, наиболее ранним следует считать название Айя, о котором писал еще Геродот (V и. до н.э.): «Эллины на военном корабле прибыли в Эю в Колхиду» (Геродот, История, 1,2). Некоторые комментаторы, под Айей подразумевали город, а другие считали, что «Айя - есть столица царя Колхиды - Айэта».

Греческий поэт и ученый Каллимах (IV-III вв. до н.э.) упоминает жителей города Айя, а поэт III в. до н.э. Ликофрон - Айю считает городом Колхиды.

Известный греческий ученый и эпический поэт Аполлон Родосский (III в. до н.э.) в поэме «Аргонавтика» пишет: «Колхидский город Айя лежит на самом краю Понта и суши».

В эпоху римской колонизации Кавказского Причерноморья известный ученый грамматик Гелий Геродиан (II в. н.э.) отмечал: «Себастополь есть остров в Понте; он же Диоскуриада и раньше - Айя - город Колхиды». Напомним, что под Колхидой подразумевается географическое понятие территории от современной Аджарии до Пицундского мыса, а иногда с включением и сочи-адлерского района.

Впервые координаты искомого города Айя - 72˚-45˚ 30 вычислил выдающийся картограф Римской эпохи Клавдий Птоломей (ок. 90-160 гг. н.э.).

Лаконичную, но наиболее яркую характеристику города Айя дает Стефан Византийский - современник и приближенный императора Юстиниана Великого (485-565 гг.) «Айя - город колхов, построенный Ээтом - царем колхов». Далее продолжает: «Диоскуриада... город у Понта, названный также Севастополем, прежде, по свидетельству Никанора, он назывался Эей».

Некоторые источники сообщают, что Айя - страна Колхиды, другие обозначают ее столицей Колхиды, отождествляя с городом Кутаиси - Кутайя. Этой версии придерживаются в основном грузинские историки и их последователи.

Похоже, что Айя была мифической столицей, где восседал царь Колхиды - Айэт, отца которого звали Гелиос, а мать - Персида. У Айэта была дочь по имени Медея и сын Апсирт. Если понятие «медицина» связывают с именем Медеи, то Апсирт, как правило, ассоциируется с названием страны-народа - этноса, т. е. апсуа - Апсны.

Как известно, аргонавты, т. е. участники похода греческих героев (а их было свыше 50), во главе с Язоном прибыли на корабле « Арго» в Колхиду с целью похищения «Золотого руна», что им и удалось не без помощи дочери Айэта - Медеи. Она уплывает вместе с Язоном на его родину. Обратный путь в Элладу они держали через Северное Причерноморье. Узнав о случившемся, Апсирт по заданию отца устроил погоню. Спасаясь от преследования, Медея вместе с Язоном убивают Апсирта, расчленяют его тело и бросают в море, заведомо зная, что ее отец до тех пор, пока не соберет останки единственного сына и не предаст их земле, не будет преследовать похитителей, что даст возможность ей и Язону спастись от преследования. Так оно и случилось. Если чуть-чуть материализовать этот миф, то мы здесь имеем дело с описанием сложного погребального обряда, связанного с собиранием костей и дальнейшим перезахоронением (по- абхазски «апсеитагара»). Это есть не что иное, как «вторичный» обряд погребения, хорошо знакомый археологам - кавказоведам, как обряд связанный с неестественной смертью людей, а порой, и «священных» животных, с утопленником, гибелью героя на чужбине, смертью от удара молнии и т. д.

Как археолог, отмечу, что описанный обычай соблюдали жители Абхазии и Адыгеи (Западный Кавказ) с древнейших времен. Говоря об археологических материалах, как-то соприкасающихся с теми далекими временами, приведу примеры, могущий пролить некоторый свет в таинствах города

Айя. Старые и новые раскопки **Кавказского Причерноморья** и Крыма говорят, **что в** эпоху бронзы, **между обитателями** обеих сторон Кавказа были общие **памятники** - сооружения, удивительно напоминающие друг друга. Между прочим и во времени они совпадают с походами аргонавтов. Речь идет о мегалитах (кромлехи, дольмены). (Рис.4-5).

Как уже говорилось выше в 1969-1970 гг. в поселке Кутышьха (Эшера), что лежит в 5-6 км к Западу от Сухума, были раскопаны два кромлеха (букв. «круги, состоящие из камней»), каждый из которых имел по 4 концентрических круга. В них производили захоронения людей и животных, способом вышеупомянутого «вторичного» обряда погребения. Дата - середина и вторая половина II тысячелетия до н.э. В то же время эти кромлехи служили культовыми постройками, т. е. местами почитания (Шамба Г.К., 1974 г.). Установлено, что точно такие же постройки существуют в окрестностях Херсонеса в Крыму (рис. 4-Б). Отметим, что на том же юге Крыма, в 8 км от Балаклавы есть местность под старым названием Айя. Все это не случайно. Во всяком случае, строители кромлехов той и дргуой стороны имели какую-то единую традицию. То же самое можно сказать о названиях Айя.

Коль речь зашла о кромлехах, добавим еще, что круглые их формы всегда символизировали Солнце, т. е. строители кромлехов мысленно переносили суть самого большого небесного светила - Солнца на землю.

Раскопки показали, что кромлехи являлись языческими храмами. Более того: из письменных источников знаем, что имя отца Айэта - «Гелиос» - «Богосолнечный», и в то же время, где-то в Колхиде, на берегу моря стоял храм Солнца, которому поклонялись жители этой страны, и сама Медея.

Я далек от мысли идентифицировать описанный греками «Храм Солнца» в Колхиде с языческим храмом- кромлехом, но как выше отмечалось, оба источника (письменный и археологический) во многом перекликаются.

При всей сложности вопроса отождестсвления Айя античных писателей с одним из первоначальных наименований нашей

столицы не следует **игнорировать. Также не следует забывать, что** Сухум **и его окрестности есть** место **сосредоточения множества** поселений, могильников **и производственных** центров. Многие исследователи этого **региона (Чернявский,** Соловьев, Трапш, **Бжания,** Барамидзе, Воронов, **Цвинария,** Джопуа и автор этих строк) своими открытиями дают основание видеть существование на этом месте ярко выраженных культурных напластований догреческого периода (Красный маяк, Сухумская гора, Гумиста II, нижние слои Эшерского городища, холм Верещагина и упомянутые кромлехи). Все они, так или иначе, квалифицированы как крупные поселения с могильниками протогородского (предгородского) типа.

Хочу привести еще один историко-археологический факт, по моему мнению, говорящий о близости к древнеабхазскому этнокультурному миру наименования Айи. Речь идет **о** толковании одного высказывания упомянутого Аполлония Родосского: «Айя стоит и теперь твердо и внуки живут в ней тех мужей, коих он (Айэт) посадил поселенцами Айи и хранят они отцов столбцы (по греч. «кирбы» - Г.Ш.), а на столбцах начертаны пути и пределы моря и суши, пути для всех, кто вокруг света ездит». (А. Родосский, Аргонавтика, IV, 275-280).

Из прессы и научных публикаций последних 30-40 лет известно, что между Сухумом и Псоу-Хашпса выявлено несколько загадочных, но письменных знаков надписей на камне, керамике и металле, сильно напоминающих буквенные начертания известной Майкопской плиты эпохи бронзы. По словам дешифровщика проф. Г.Ф. Турчанинова, эти письмена, обнаруженные в собственно Абхазии, читаются также по методу расшифровки Майкопской плиты. И что важно; в прочитанных текстах неоднократно упоминается город Айя. Во всяком случае, я, как один из открывателей этих знаков, не помню, чтобы к востоку от Абхазии где-нибудь находили подобные предметы с письменами. И потому предлагаю идентифицировать найденные нами каменные плиты с загадочными «кирбами» («столбами») греческих **источников** Аполлония Родосского. А ведь по его **словам «кирбы»** находили **в Колхиде, там,** где **и** город Айя.

О том, **что в** древнейших наименованиях Колхиды четко представлены названия рек и водных ресурсов, толкуемых с помощью абхазо - адыгских языков, уже давно доказанный факт (С. Джанашия, Ш. Инал-ипа, З. Анчабдзе, Ш. Арстаа, Л.Чкадуа и др.).

С учетом сказанного есть основание утверждать, что город Айя древних авторов может быть отнесен к одному из первоначальных названий Сухума. Есть надежда, что и далее **будут** новые открытия, могущие еще больше рассказать о первоначальной истории нашего города, чем и занимаются сегодня археологи.

«Сухумский Вестник», №3, 1999 г.

СЕБАСТОПОЛИС

Появление этого названия непосредственно связано с началом римской экспансии Кавказского Причерноморья и развернувшимися фортификационными сооружениями. Имея в виду один из участков этого строительства, Прокопий Кесарийский писал: «Для устрашения (сагинов) римляне выстроили укрепление Себастополис». Здесь под сагинами подразумевается племя саниги, одна из древне-абхазских этнических групп. Тогда и родилось новое наименование города в Сухумской бухте под названием Себастополис, ибо, как сказал Плиний Старший, под ударами местных племен Диоскурия уже лежала в развалинах. Та же картина тогда наблюдается в Питиунте и на Эшерском городище. Похоже, что отныне название Диоскурия сменилось на «Себастополис», и это было связано с воцарением на высшем римском престоле императора Октавиана - Августа. После этого в разных местах огромной римской империи один за другим стали появляться новые города, как правило, под названием Себастополис, Себаст, что означает «Величественный», «Возвышенный», в честь

императора Августа. Так было **в Малой Азии** – Каппадокии, Карии, Фригии и других местностях. **Так** и **существовало** долгое время название нашего города с вариациями: Себастополис. Сканосколполи, Сант–Себастьян, Севаст и т. д.

Себастополис упоминается и в средневековых грузинских источниках. Так, священнослужитель Староафонского монастыря Евтимий Атонели (955-1028 гг.) писал: «Отправились они (апостолы Симон Канонит и Андрей Первозванный) оттуда (из Осетии) и прибыли в город Себаст». Другими словами, писатель конца X-XI вв., имея в виду события I века, упоминает одно из наименований древнего Сухума - Себастополис. Знакомство с источниками показывает, что это название просуществовало до XVIII в. К тому времени русская императрица Екатерина II, как поклонница эллинской культуры, желая восстановить утерянные и забытые названия античных городов Российской империи, создала Комиссию по переименованию городов и населенных пунктов. В итоге, решением Комиссии название нашего города Себастополис по (незнанию исторических фактов) было перенесено в Крыму-Херсонес, т. е. город в Сухумской бухте потерял одно из своих древних наименований (Пачулиа В.П. 1989, с.18).

Цхум - Цхом - **одно из названий Сухума эпохи средневековья.** Насколько нам известно, впервые термин «Цхум» зафиксирован в трудах уже упомянутого грузинского служителя церкви X-XI вв. Евтимия Атонели (955-1028 гг.). Имея **в** виду деяния двух апостолов - Симона Кананита и Андрея Первозванного, священнослужитель пишет: «Отправились **они** (апостолы - Г.Ш.) оттуда (из Осетии) и прибыли в город Севаст (Себастополис античных авторов - Г.Ш.), который нынче именуется Цхум». Вслед за ним Леонтий Мревели (XI в), описывая те же события, сообщает, что они (апостолы Симон Кананит и Андрей Первозванный) пришли в страну Абхазия (Апхазети) и город Себастос, ныне именуемый Цхумом. Джуаншер - историк XI в. - пишет, что Мурван Кру прорвал город Апшилети - Цхум, при этом автор имеет в виду события VIII в. (735-38 гг.) Получается, что до VIII в. название Цхом не

существовало. В пользу сказанного говорит произведение Константинопольского **патриарха** (IX в.), где читаем, **что** «Севастополь является местом кафедры Архиепископа Абасгии», но не Цхом. Таким образом, грузинские и византийские источники с большей долей вероятности могут утверждать, что название города Цхум-Цхом появилось не ранее конца X-XI вв. Далее. В произведении грузинского автора XIII в. «История и восхваления венценосцев» читаем, что «царица Тамара иногда же летом бывала в Абхазии - Гегути и Цхуми». Знаток древних наименований Кавказского Причерноморья Г. Шакирбай считает, что название Цхум восходит к топониму «Цҟыбын - Цкэбын - Тҟәбын, что находится на восточной окраине нынешнего Сухума. Как видно, в основе этого названия лежит корень - кэ, характерный морфем для абхазо-адыгского языкового мира, означающий «тухлый» или «со специфическим запахом». Такой точки зрения придерживается археолог М. Трапш, многие языковеды и автор этих строк.

Сухум. Полагают, что это наименование могло быть связано с каким-то туркизированным составным словом, вроде бы «су» - «вода», «кум» - «песок». Если оно верно, то случай этот мог произойти не раньше 1454 года, когда впервые турки высадились в районе Сухумской бухты. Французский путешественник Жан де Лукк, побывавший в Абхазии в 1629 году, город ему был известен как «Эскисумун», что в переводе с турецкого означает «Старый Сумун» (Сухум) и локализует его в районе р. Гумиста, где действительно на левобережье этой реки сохранились развалины. Известно, что в 1578 году на остатках Себастополиса турки построили мощное укрепление под названием «Сухум - Кале» («Сухумская крепость»). По свидетельству французского путешественника Пейсонеля, в середине XVIII века Сухум-кале выглядел как «небольшой городок, расположенный в бухте, куда пристают суда всякого размера... В Сухуме есть две мечети, баня и числится около 3000 жителей; больших судов нет, но жители имеют 20 маленьких судов, которые совершают рейсы по берегу моря. Бухта оберегается маленькой крепостью с четырьмя

бастионами, вооруженными 50 **пушками;** гарнизон состоит из янычар, под командованием паши».

Имеется план крепости, составленный в 1812 году после занятия крепости русскими войсками (рис.33). В это время крепость еще целиком сохраняла прежний вид, существовавший при турках. Она имела четырехугольную форму с выделяющимися пятиугольными бастионами по углам, предназначенными для обстрела вдоль стен. Главные ворота находились по северо-восточной стене; вторые ворота были у юго-восточной стены и теперь не существуют. Постройки крепости группировались в юго-восточной части башни, они были деревянные, за исключением кирпичной мечети. Трехэтажный деревянный дом князя был пристроен к стене, обращенной к морю. Там же стояли склады для провианта, в середине крепости - пороховой погреб. В крепости было четыре колодца. Снаружи укрепление было обведено широким водяным рвом, а кроме того, прикрывалось болотистым пространством, перерезанным осушительными каналами.

Поселение начиналось на берегу моря, и было отделено от крепости небольшим ручьем. Здесь же было кладбище. Море и тогда наступало на крепость, подмывало восточный бастион у главных ворот. Водой крепость снабжалась с помощью водопровода, проведенного из источника, находящегося в I км, в современное Остроумовское ущелье.

Стены крепости построены без фундамента, имеют толщину более 2 км. По описанию путешественника 30-х годов XIX века, профессора Одесского университета Нордмана, нынешняя Сухумская крепость окончательна построена в 1724 году турками. Одна сторона четырехугольного укрепления примыкает к морю, другие окружены болотом. Над выходом в ворота имелась турецкая надпись: «В благополучное правление его величества царя царей, великого султана, которого высочайший двор и держал немало, не уступая державе Александра Македонского и Дария - счастливого царя, блистающего на земле красотою, народами, славою и правосудием и при любезном зяте сего царя, верховном визире государства, против

всех врагов и злодеев по высочайшей воле выстроена сия великая и неприступная крепость, твердость подобная большой птице Сунне, летающей высоко на Кавказской горе. Господь бог да умножит благополучье на самом свете великого государя, но его священная особа служит золотом покоя и тишины на земле и да утвердит навсегда наместником его великого и благоразумного визиря, как виновника народного благоденствия».

По словам исследователя Сухумской крепости Л.Н. Соловьева,... эта... надпись, пытающаяся пышными фразами скрыть действительное печальное положение вещей Оттоманской державы XVIII века, уже склоняющейся к своему упадку, дополняет впечатление, производимое крепостью. Крепость является выразительным памятником наиболее мрачной эпохи турецкой империи. (Соловьев, 1947 с. 146).

25 июля 1806 года у стен Сухумской крепости появился турецкий флот, предназначенный для расправы с абхазскими боевиками. Но то, что увидел начальник турецкой эскадры, не настраивало его к сражению. Артиллерия крепости была в состоянии полной готовности, а у стен стояло 25 тыс. вооруженных абхазцев и их союзников - убыхов и абазинцев... Враг вынужден был отступить» (Соловьев, 1947, с. 145). Через четыре года абхазский правитель в лице Георгия Сафарбея-Чачба-Шервашидзе подписывает договор о присоединении Абхазии к России. Интересно отметить, что название нашего города как Сухум-Кале, упоминает в одной из своих работ Энгельс, связанной с военными событиями на Кавказе (К. Маркс и Ф.Энгельс, т.34,с.39).

С начала XIX века до 1936 года столица Абхазии именовалась «Сухум».

С 1937 по 1992 год, т.е. за время вхождения Абхазии в состав Грузии, город называли «Сухуми» - по образцам окончаний грузинских наименований (по образцам: Тбилиси, Кутаиси, Батуми), т.е. то время, когда активно шла кампания грузинизации исторических наименований собственно Абхазии.

С сентября 1993 года, т. е. со времени приобретения

независимости Абхазии столица вновь приобрела название «Сухум».

Сегодня столица Республики Абхазия официально имеет два равнозначных названия - «Аҟәа» - «Сухум».

АКУА. Прямого письменного подтверждения о существовании города древнейшего периода под названием Акэа пока что не имеется. Зато есть целый ряд косвенных указаний, наводящих на мысль о наличии такого наименования где-то в районе современного Сухума.

Начнем с надписей на предметах. Существует мнение, согласно которому наиболее ранние упоминания Акэа встречается на монетах конца эллинизма (II-I в. до н.э. При этом имеется в виду серия золотых монет с надписью греческими буквами «Басилеос AKOI», т. е. «Царь AKOI» (Д. Копанадзе, Н. Голенко, З. Анчабадзе и др.).

В этом вопросе еще дальше пошел проф. Г. Турчанинов. По его мнению, «потомок Колхидского царя Айэта - Саулак Плиния Секунда (I в.), затем Басилеос Саулак колхидских монет и царь Саулак из Сухумской надписи 1952 года есть одно и то же историческое лицо». Далее. Судя по расшифровке того же Турчанинова, название Акэа встречается и на Эшерской известняковой плите. Последняя найдена в кладке башни II-I вв. до н.э. Эшерского городища. Стало быть строители уже не имели малейшего представления о надписи, т.к. этот бесценный письменный памятник во время строительства башни был превращен в обычный стройматериал. Поэтому, есть основание полагать, что абхазское название существует как минимум 2100-2200-лет.

Позже, в слоях III-IV в. н.э. Пицундского городища найдена стенка местной амфоры с надписью «AKI». Первооткрыватель этого памятника археолог Р. Рамишвили надпись увязывает с местной ономастикой (МАГК, IV с. 118-119).

Знаток названий Кавказского Причерноморья Г. Шакирбай и археолог М. Трапш, слово Акуа объясняют как гидроним «минеральный серный источник – Адзкэа, т. е. тухлая («серная») вода. Действительно, на римской дорожной карте (Табула

Пеутингериана), **восходящей к событиям** II-III вв. н.э. под Себастополисом (совр. Сухума), отмечено наличие нескольких источников (Трапш, 2, с. 216). Эта карта длиной 6 м., 82 см., при ширине 34 см. хранится в Австрийской национальной библиотеке Вены. Что касается письменных сообщений относительно названия Акуа, то о них можно говорить лишь с 18 в. Так, в докладной записке барона Тотлебена, составленной в начале 70-х годов 18 века, сказано, что в руках абхазского владетеля, среди прочих укреплений находятся крепости Рухи и Аку.

Спустя 12-14 лет после этого немецкий путешественник Рейнеггс, упоминает крепость «Аку», как часть современного Сухума. (Дзидзария, I, с. 17).

Историк и один из вдохновителей очередного набега на Абхазию, мегрельский князь Нико Дадиани, описывая события начала 19 века, рассказывает: «Мы прибыли в Тхубун, т. е. Цхум, совершенно сожгли и опустошили город и окрестные его деревни, а равно и дворец Шервашидзевых; оттуда прибыли в крепость Аку, где отдыхали в продолжение четырех или пяти дней, достаточно уставшими от битвы». Всем известно, что название Акуа, по сравнению с другими наименованиями этого же города (Диоскурия, Себастополис и т.д.) значительно реже встречается. На наш взгляд, оно объясняется тем, что переписка и делопроизводство в Абхазии, как правило, вели инородцы. По понятным причинам, создатели этих документов и авторы разных воспоминаний отдавали предпочтение более известным наименованиям города (Сухум, Себастополис, Цхум). Что касается самих абхазов, то они всегда свой город называли АКУА. В связи с этим небезынтересно отметить, что абхазы, беседуя между собой, когда речь заходит о нашей столице, никогда не скажут «Сара Сухум сцоит», а произносит «Сара Акуа сцоит» - «Я иду в Сухум».

Далее. У абхазов есть стародавняя поговорка, связанная с богатством нашего города Акуа: «Аҟәагьы ахьы ҭоуп» (т. е. Златообильная Акуа). При этом обращает на себя внимание созвучье этой фразы с древнегреческим эпитетом Колхиды

«Златообильная Колхида» (Аполлоний Родосский «Аргонавтика»), с той лишь разницей, **что в абхазской** поговорке объект назывался Акуа, в греческой фразе название страны-Колхида.

В этом нет ничего неожиданного: ведь название Айя когда-то ассоциировалось с Колхидой, и наоборот. В то же время древний Сухум некогда назывался Айя. Стало быть, эпитет «Златообильный» в равной степени мог быть отнесен стране Колхиды, полумифическому городу Айя, и реально существующему Акуа. На это верно ориентирует приведенная абхазская народная поговорка. Ведь не случайно Плиний Старший писал: «В Колхиде царствовал Айэтов потомок Саулак, который, получив во владение землю, добыл, говорят, огромное количество золота и серебра, в земле племени суанорум, вообще в своем государстве, славном золотыми рунами (Плиний, 14).

И, наконец, есть еще одна версия по поводу интерпретации топонима Акуа. Некогда корень Аҟә-а для абхазского и адыгского языков был общим и означал «ущелье», «овраг» (Джанашия, III, 1959, с. 123; Шакирбай, с. 171-178). Это восходит по крайней мере к эпохе, когда они (абхазы и адыги) не были еще дифференцированы, т.е. до завершения дольменотворчества (конец средн. бронзы около 3500-3200 лет назад).

ЕЩЕ РАЗ О ДИОСКУРИИ.

Диоскурия, наряду со многими городами Черноморского бассейна, **в** конечном итоге является продуктом Великой Греческой колонизации VI вв. до н.э. Но греки никогда не основывали свои города и поселения в безлюдных местах, ибо они, прежде всего, занимались торговлей и ремесленничеством, играли посредническую роль между аборигенами и заморскими центрами; они стремились вывозить металл, дары недр и т.д.

Поэтому, прежде чем где-то обосноваться, греки

предварительно объезжали эту землю или как-то осведомлялись о ней. Об этом свидетельствует и полумифическое, полуреальное плавание аргонавтов в Кавказское Причерноморье еще во II тыс. до н.э. **Один из** циклов этого предания повествует, что Диоскурия была основана участниками похода аргонавтов - братьями-близнецами Кастором и Полидевком. Другой же вариант гласит: город построен не самими Диоскурами, а их возничеми - Рекой и Амфистратом на месте проживания гениохов. Поэтому страна и называлась Гениохией. Во всяком случае, так пишет выдающийся географ античного времени Страбон (I в. до н.э. - I в. н.э.).

Согласно другому греческому источнику, южный сосед Диоскурии - Фазис (современный Поти) основан также колонистами из Милета во главе с организатором (ойкиста) по имени Фемистагор. Первопричиной колонизационной деятельности греков была нехватка земли. Подсчитано, что лишь 19% площади Греции являлись пригодным для обработки. Неслучайно греческие поселения, как правило, возникали вдоль морских берегов, где были плодородные почвы, богатые ресурсы. Сохранилось на этот счет образное выражение великого Платона (V в. до н.э.): «Грекам принадлежала часть земли от Фазиса до Геракловых (Геркулесовых) столбов (район современного Гибралтара - Г.Ш.) и они расположены вокруг моря подобно тому, как лягушки и муравейники живут вокруг озера».

Земля, **на которой возникла Диоскурия.**

Что нам известно о ней? К счастью, на этот вопрос прямо отвечает латиноязычный писатель Помпоний Мела, родом с Пиренейского полуострова. В своем произведении «О строении Земли», завершенном в 44 г., он сообщает: «Диоскурия основана на земле гениохов Кастором и Полидевком, прибывшими в Понт с Язоном». Ясно, что здесь автор ссылается на какой-то древний, не дошедший до нас источник, так как между аргонавтами и Помпонием Мела лежат около 1200 лет. Но П. Мела не ограничился одним этим сообщением. Далее он пишет: «А на земле синдов самими жителями основан город Синд».

Общеизвестно, что синды - **одно из** раннеадыгских **племен,** проживавших в районе современной Анапы. А еще раньше другой греческий автор, Гераклид Понтийский (ученик Платона и Аристотеля) знал, что Фазис задолго до прихода греков (т. е. значительно раньше VI в. до н.э. - Г.Ш.) населяли гениохи. Получается, что гениохам принадлежали просторы Диоскурии и Фазиса, т. е. земли Восточного Причерноморья или, выражаясь другой географической номенклатурой, почти вся Колхида.

Гениохи. Кто они?

По мнению профессора П. Ушакова, гениохи, как и другие их соплеменники, в том числе ахеи (жители современного района Большого Сочи), были связаны с более древними народностями Малой Азии. Академик Г. Меликишвили пишет, что «игани», или «иганиехи» - племенное название, часто встречающееся в урартских клинообразных надписях VIII- VII вв. до н.э., являлись воинствующими племенами. Они проживали в окрестностях озера Чалдыр, что в 10 км к северу от современного турецкого города Карс. В то же время ученый считает, что гениохи античных авторов являются потомками «игани» или «иганиехи» урартских клинописей. Если это верно, то родословие гениохов занимало и современную часть Малой Азии.

Г. Меликишвили считает, что племена керкеты (жители северо-восточного Причерноморья раннеантичного времени) являлись предками черкесов (керкесы- черкесы). Керкеты были соседями гениохов с севера. Действительно, этноним «гениох» постоянно встречается у раннегреческих писателей – логографов. Псевдо-Скилак (IV в. до н.э.), чье произведение опирается на источники VI-V вв. до н.э. (Гекатей Милетский, подлинный Скилак Кариандский, Геланик Митиленский и др.), пишет, что за ахейскими племенами с юга живет народ гениохи. Комментаторы этого автора считают, что гениохи - значительное племя, некогда занимавшее и часть нынешней Абхазии, преимущественно предгорья. Само слово «гениох» с древнегреческого переводится как «возничий», т. е. это греческое прозвище местного населения (в истории тому много примеров).

Знал ли Геродот гениохов?

Есть основание полагать, что гениохов знал и «отец истории» Геродот (V в. до н.э.). По его словам, они являются «северными соседями колхов от Фазиса до Кавказского хребта». Ученые давно обратили внимание на то, что Геродот часто опускал названия городов, местностей и т. д., где он долго проживал (например, в северо-причерноморском городе Ольвия он жил длительное время, но ни разу не приводил его название). Непонятно также, почему Геродот не называет город Фазис, о котором не раз писали его предшественники. Так что неупоминание гениохов в тексте Геродота не значит, что их не было. За предложением «северные соседи колхов» непременно скрываются гениохи.

Много пишет о гениохах Страбон (I в). По его словам, они жили в северо-восточном Причерноморье, по соседству с зигскими (раннеадыгскими) племенами. Согласно этому автору, гениохи и зиги живут морским разбоем, для чего у них есть лодки под названием «Камары», по-гречески «крытые лодки», в которых вмещаются по 25-30 человек. Страбон далее пишет, что гениохи были известны и под названием «камариты» (слово, производное от названия лодки). Они снаряжали целые флотилии, часто нападали на чужие корабли, грабили города и страны. Как видно, они господствовали на море. Иногда им помогали жители Боспорского государства (Крым и его окрестности), порой даже предоставляя гениохам свои корабельные стоянки, и рынок для сбыта добычи. А иной раз цари Боспора оказывали организованное сопротивление этим пиратам.

В свое время выдающийся римский поэт Овидий (I в.), сосланный в западное Причерноморье - в Томах (современная Констанца, Румыния), писал: «Гениохи и ахейцы разгуливают по восточной и южной сторонам Понта. Они тем не менее не оставляют в безопасности и западные берега Понта». А по Страбону «гениохи похищенных людей предлагают отпустить за выкуп, извещая об этом их родных... У гениохов было четыре царя, им подчинялись так называемые тираны, а тем- скептухи

(«жезлодержатели»), на самом низу оставался простой народ».

Римский ученый-энциклопедист Плиний Старший (I в.) локализует гениохов в нескольких местах: в окрестностях Трапезунта, за рекой Абсар с одноименной крепостью, к северу, у Себастополиса - Диоскурии и т. д., затем добавляют, что гениохи различаются многими названиями. По его словам, они берут свое происхождение у гениохских, или Кораксийских гор. В свое время Л. Соловьев и Ю. Воронов провели тщательное обследование Пацхирской крепости путем раскопок. Как известно, это укрепление расположено при входе в Цебельду. Исследователи склонны считать, что понятие «Кораксийская» античных авторов и Пацхирская крепость нашего времени - название одной и той же местности.

О гениохах пишет также известный иудейский историк Иосиф Флавий (I в), а Дионис Периегетт (II в.) прямо указывал, что за ахейцами живут гениохи. Даже Плутарх (I в.) знал о существовании «престола гениохов».

Греческий автор Аппиан (II в.) в своей книге «История Рима» писал, что Митридат Великий, направляясь в Северное Причерноморье (Боспорское царство), остановился в Диоскурии, у дружески принявших его гениохов, где он зимовал - заготовил лес, строил корабли, ковал оружие, собрал большое количество хлеба. Там он и задумал немалое дело. Гениохи официально не входили в состав Понтийского царства. Но поэт и писатель I в. Лукан убеждает, что «гениохи - это государство в Понте». Завершая высказывания древних авторов по поводу гениохов, уместно привести слова анонимного автора V в., доказывающего, что гениохи жили южнее Апсара (р. Чорох) и в районе современного Б. Сочи. Говоря о местах их обитания, нельзя не вспомнить раннеполитическое объединение - княжество гениохов II в. н.э., что расположено южнее Трапезунта, у реки Пританис. У них был довольно хорошо известный царь - Анхал.

Арриан, как военачальник, присланный в восточное Причерноморье в 131 году императором Траяном, строго фиксирует, что Себастополис (Диоскурия) стоит на земле

санигов, у которых был царь Спадаг. Многие исследователи (З. Анчабадзе, Ш. Инал-ипа, М. Трапш, Ю. Воронов, М. Гунба, Г. Амичба, О. Бгажба и автор этих строк) считают, что саниги - это часть былого Гениохийского общества. Значительно позже потомки этих санигов фигурируют как садзы между Гагрой и Адлерским районом.

РА, № 147, 25-26 декабря 1999 г.

Теперь о смысловой стороне названия «Диоскурия». Естественно, это грецизированное название. О том, как себя называли аборигены, остается для нас загадкой. С приведенным мифом согласуется сообщение писателя и географа I в. Помпония Мелы. Он пишет, что Диоскурия построена на земле гениохов. Значит, и данный автор знал название окрестного населения Диоскурии - гениохов. Преобладающее число ученых считают, что гениохи - прямые предки апсило-абазго-санигских племен. Отметим, что Диоскуры являются сыновьями Зевса - верховного божества древней Греции. Этих близнецов считали покровителями моряков и мореплавания, спасителями при кораблекрушении. Диоскуров считали также символами смены жизни и смерти. Далее предание гласит, что братья - Диоскуры после их смерти были перенесены в качестве звезд - близнецов на небо. Они изображались в остроконечных войлочных головных уборах, увенчанных 8 - конечными звездами, и на конях, ибо они постоянно блуждали между светом (Олимп) и тьмой (преисподней). Существует много скульптурных изображений Диоскуров. К наиболее выдающимся памятникам мирового искусства относят Диоскуров из Монте-Ковалло в Риме. В то же время в Батумском музее хранится золотая скульптурная фигурка одного из Диоскуров, видимо, Поллукса. (Рис. 38, 1-2).

...Шли годы, десятилетия процветания Диоскурии. Ее экономическое и военно - политическое влияние на окрестное население становилось более ощутимым. Около IV в. до н.э. тогда, когда жил и творил вышеупомянутый Псевдо-Скилак,

произошла кровопролитная война на территории современной Эшеры, разумеется, не **без** участия жителей Диоскурии и гениохов. Очень похоже, что победа осталась на стороне последних. Все это видно из Эшерской древнегреческой надписи на бронзовой плите IV в. до н.э., обнаруженной нами в 1975 г. Древнее этого письма на металле еще нигде не найдено во всем Черноморском бассейне. (Рис.35).

В конце эллинизма (II-I вв. до н.э.) Диоскурия и окрестное население - гениохи переходят под покровительство могучего Понтийского царства во главе с выдающимся полководцем и царем Понта - Митридатом VI. С его разрешения город Диоскурия начинает чеканить свои монеты (рис.38, 4), имевшие хождение по всему Причерноморью, вплоть до границ скифского царства на западе (Ольвия - совр. город Николаев). На лицевой стороне монеты - две шапки Диоскуров, увенчанные звездами, на оборотной стороне - жезл (символ) Диониса с трехстрочной надписью «Диоскуриада» (говорят, что в районе Келасура их находили килограммами). Интересно отметить, что на гербах владетельных князей Абхазии - Шервашидзе - Чачба часто находили свое отражение шапки Диоскуров (рис.38, 3). В связи с этим расскажу еще об одной уникальной находке в Эшере, сильно перекликающейся с диоскурским монетным изображением: во время наших раскопок обнаружен обломок местной черепицы, на котором в виде клейма нанесен жезл - наподобе того самого символ Диониса, что встречаем на диоскурской монете (рис. 37[а]). Не все, наверно, знают, что любимый символ Митридата VI - друга и покровителя Диоскурии и его окружения - был жезл Диониса. По данным древнегреческого писателя Аппиана (II в.), понтийский царь, гонимый римским полководцем Помпеем, отвергнутый родным зятем - армянским царем Тиграном Великим, нашел себе приют только у диоскурийцев - гениохов. Здесь он провел свою последнюю зиму (66-65 гг. до н.э.). Есть обоснованное мнение, что в ту пору войска Митридата стояли на единственно хорошо укрепленном месте Диоскурии - Эшерском городище, где найдены соответствующие археологические материалы

(керамика, монеты). Потом он, «задумав великие свои дела», отправился морем к своему сыну Фарнаку в Пантикопей (Керчь). Но измена последнего заставила некогда могучего царя покончить жизнь самоубийством, точнее, он приказал рабу убить его мечом. Так и закончилась третья Митридатовская война с Римом (74-63 гг. до н.э.).

Как и следовало ожидать, с уходом войска понтийского царства с берегов Кавказского Причерноморья, в том числе Диоскурии, местные племена, нужно полагать, оказались под игом римских захватчиков. Тогда же и возникает вопрос об официальной замене греческого названия Диоскурия… Самый последний, кто из античных писателей упоминает Диоскурию - Стефан Византийский (VI в.). Отныне с исторической сцены сходит этот выдающийся город - полис на Кавказском Причерноморье, о котором прославленный греческий географ Страбон писал, что «Восточное море оканчивается у Диоскуриады, в этот город собирается 70 народностей. Все они говорят на разных языках, но все они кавказцы. Около Диоскуриады протекает река Харес (Гумиста?)..».

В силу общих исторических явлений некогда пышная греческая колонизация исчерпала себя, а вместе с ней и Диоскурия - продукт почти этой же колонизации. На развалинах Диоскурии появляется новый город - Себастополис.

По мнению многих исследователей, гениохи, на земле которых стояла Диоскурия, скорее всего, относились к абхазо-адыгоязычным племенам. Митридат, приближаясь к Северному Причерноморью, заключил союз с меотскими (раннеадыгскими) племенами, с помощью которых сразу же овладел Боспорским царством. И в дальнейшем намеревался совершить с севера, через дунайские области во вражеский Рим, но неожиданная измена родных сыновей (сначала Махара в 65 г., потом Фарнака в 63 г.) заставила Митридата покончить жизнь самоубийством. Вот один из эпизодов, рассказанный историком митридатовских войн Аппианом (II в.). «Митридат воевал с отпавшими колхами, скоро они подчинились. Остаток лета и целую зиму он заготовлял лес, строил корабли и готовил оружие… Митридат, зимуя в

Диоскурии, задумал немалое дело и не такое, на которое мог бы решиться человек. Так он прошел через землю гениохов, дружески принявших его…».

Римляне укрепляют позиции на Кавказском **побережье.**

С гибелью Митридата VI (63 г.до н.э.) римляне в первую очередь приступили к сооружению оборонительных линий - крепостей и башен - для дислоцирования своих воинских частей. Имея в виду эти постройки, выдающийся историк древнего мира - Прокопий - Кесарийский (VI в.) пишет: «…для устрашения сагинов (санигов) римляне выстроили укрепления Себастополис…»

Есть все основания полагать, что эти постройки входили в систему т. н. Понтийского лимеса («Понт» - море», «лимес» - пограничная дорога). Считают, что такое активное строительство началось с приходом к власти Октавиана - Августа. Он, как и последующие императоры, большое значение придавал укреплению северных границ империи с варварскими племенами и превращению этих краев в свою надежную опору.

Октавиан - Август был провозглашен императором (принцепсом) в январе 27 года до н.э. Но учитывая, что реализатором его военных планов, особенно на востоке, был его зять Агриппа, назначенный на должность правителя пограничных дел в 17 году до н.э., т.е. к строительству фортификационных сооружений интересующего нас региона, в том числе древнего Сухума, должны были приступить не ранее названной даты, т. е. 17 г. Нам известны многие населенные пункты, где были осуществлены подобные постройки в Абхазском Причерноморье: Гудаа (Гудаква - Зиганис)в Гальском районе, Питиунт (Пицунда) в Гагрском районе и на территории нынешнего Сухума, где, по словам римского писателя - энциклопедиста Плиния Старшего, Диоскурия под ударами гениохов лежала в развалинах. Нужно полагать, что воинственное племя гениохов с уходом из Диоскурии и гибелью дружественного им Митридата враждебно стало относиться к римлянам. Наши раскопки на Эшерском городище показали,

что примерно к этому же времени относится разгром и уничтожение на правом берегу Р. Гумиста оборонительных стен этого древнего города.

«В Аква лежит золото».Обращает на себя внимание следующее: во всем черноморском бассейне название Себастополис получил лишь единственный город - крепость на месте нынешнего Сухума, т. е. там, где прежде стояла Диоскурия, построенная в честь легендарных братьев-близнецов Поллукса и Кастора их возничьими - гениохами. Вряд ли все это случайно. Похоже, что со стародавних времен это место было каким-то знаковым. Вспомним, сообщение Стефпана Византийского о том, что Диоскурия прежде была известна как столица царя златообильной Колхиды - Айэта). Вряд ли случайна также и абхазская поговорка « Аҟәа ахьы ҭоуп». (« В Акуа лежит золото» - в смысле несметное богатство - золото хранит Акуа).

Уникальная находка каменной плиты.

Что подтверждают данные письма? Итак, Себастополис, как одно из названий исторического Сухума, впервые упоминает Плиний Старший (I в.): «От Диоскурии следует город Ираклий. От Себастополиса он отстоит на 70 тыс. шагов». (Мы еще не знаем местонахождение города Ираклия - Г.Ш.). Трудно утверждать, знал ли Плиний о совпадении место нахождения Диоскурии и Себастополиса. Что касается нынешнего Севастополя - города моряков в Крыму, как выше отмечено ведет нас как к известной путаницей администрации времен русской императрицы Екатерины II, когда название города Абхазского Причерноморья–Себастополиса из устья р. Басла ошибочно было перенесено в Крым и там закрепилось. То, что первоначально это название действительно относится к Сухумской долине, подтверждается данными письма. По этому поводуисторик и крупный администратор- военачальник Флавий Арриан, сам побывавший на месте Сухума, писал: «миновав Астелеф (бассейн р. Кодор –Г.Ш.) раньше полудня, мы прибыли

в Себастополис. Поэтому в этот же день успели выдать жалование солдатам, осмотреть коней, оружие, прыганье всадников на лошадях, посетить больных, проверить запас хлеба, осмотреть стены крепостей и обход рвов. Себастополис назывался Диоскуриадой, крлония Милета».

По счастливой случайности сам факт пребывания Флавия Арриана в древнем Сухуме был подтвержден дополнительной находкой каменной плиты метрического характера в 1896 году в черте Сухумской крепости. Вот как описывает находку этого выдающегося эпиграфического памятника один из старейших археологов Абхазии Л. Соловьев: «Летом 1896 г. в Сухуме, близ старой крепости строили набережную Российского пароходного общества. Наткнулись на остатки какого-то каменного сооружения, напоминающего мол. Последний был разобран строителями. При этом местный краевед В. Чернявский случайно спас одну каменную плиту с хорошо сохранившейся надписью, которая была заделана в древнюю кладку мола. Надпись глубоко была вырезана в камне и в углублениях сохранилась красная краска, которая была покрыта для большей видимости письма. Содержание его очень краткое и в целях экономии труда и места слова надписи передавались в сокращенной форме: «Адриан через Флавия гёорт сей соорудил». (Рис. 46, 3). Безусловно, это место посетил Флавий Арриан и оно отмечено каким-то крупным строительством римлян. Находка исчезла после смерти Чернявского и лишь на основании сфотографированной надписи известный русский академик, эпиграфист М. Ростовцев подтвердил точность перевода».

В той же западной части Сухумской крепости, примерно там, где находился ресторан «Диоскурия», был найден еще один письменный памятник, который по словам ныне покойного профессора Г. Турчанинова, читается надревнеабхазском языке. Текст в его чтении звучит примерно так: «Пород (крепость) его соорудил в Акуа Саулах, царь* великий из Лыхны. Страна гор».

Находки, свидетельствующие о времени существования Себастополиса.

По данным археологических раскопок, к началу н.э. относится сооружение многих фортификационных объектов в Сухуме, прежде всего на набережной. Земляные работы археологов 1958-1959г.г., вскрыли многие постройки, в том числе, восточную часть крепости, состоявшую из основной стены с башнями и укреплениями (контрфорсы) I века. Эта же дата была подтверждена нашими раскопками в крепости, где вскрыли слой с деревянным настилом начала н.э. Выясняется, что западное укрепление, стыкующееся с восточной стеной, выходит далеко за пределы набережной, в сторону моря.

Еще М. Трапш доказал, что в восточном укреплении прослеживаются остатки бани с керамическим полом. В целом же длина комплекса древних стен превышает 200 метров, при толщине 2,25 м., а стены башен имеют толщину 3 м. К югу, на морском дне крепости водолазами найдены остатки многих других сооружений. Среди находок - жернов от ручной мельницы, каменная ступа, остатки амфоры и другой керамической и каменной посуду, особенно из устьевой части р. Гнилушка (по-абхазски «Дзяпш»), где многие, включая зимний шквал 1998 года, рыбаки находят целые и частично фрагментированные амфоры местного характера (некоторые из них хранятся в Абхазском институте).

Раскопки прежних лет в западной части Сухумской крепости дали материалы I-III вв. Это отдельные фрагменты южно-черноморских амфор с включениями черных частиц, правда, их не всегда отличишь от местных, колхидских амфор. Есть еще амфоры с белым ангобом и гофрированными стенками (импортные), синопские изделия, краснолаковая посуда (миски, чашки, блюда, кубки), множество монет республиканского и имперского периода, первых веков н.э. На одном кубке - изображения сцены охоты на цаплю, дельфина, рыб, птиц; на другом импортном сосуде - люди в масках, виноградные листья с гроздьями и т.д. Подобные изображения имеются на драгоценной Пицундской чаше I в. из золота и серебра, открытой нами в 1960 году и хранящейся в сейфе Абхазского госмузея.

В слое I-II вв. Сухумской набережной обнаружены часть помещения из булыжников на известняковом растворе, жилой дворик с хозяйственным помещением, колодец, облицованный булыжниками, также на известковом растворе. (Кстати, известковый раствор - изобретение римлян, только в их пору его начали применять в строительном деле в античном мире и одними из первых здесь были древние сухумцы). В этом слое найдены остатки водостока, внутри которого лежали ручки косской амфоры I в. н.э. Под ними - материалы более раннего периода, т. е. на этом участке Сухумской набережной мы имеем неоднократные примеры смены культурных слоев эпохи Диоскурии - Себастополиса. Во время раскопок М. Трапш в крепости была найдена целая гончарная печь для обжига керамической посуды, равной которой пока еще нет на всем Кавказском Причерноморье. Печь имела ширину 6,25 метра при длине 5 метров, из окрестностей печи происходят глиняные светильники, на одном из них - изображение «трех граций». Находка экспонируется в одном из залов античной археологии Абхазского госмузея. (Рис.47, 2).

Слои рубежа новой эры, т. е. раннего этапа истории Себастополиса, иллюстрирует вымостка на деревянных столбиках. К первым векам н.э. относятся в крепости косточки персика, скорлупы грецкого ореха, а из памятников искусства - статуэтка человека по пояс с лентовидной портупеей через правое плечо и круглым предметом на руке (рис. 45, 29). По нашему мнению, эта оригинальная скульптура принадлежит местному мастеру.

Но этим не ограничивается строительное дело периода Себастополиса. На северо-западной окраине Сухума, на участке гр. Одинец, в 1959 г. М. Трапш раскопал сторожевую башню начала н.э. Она в плане квадратной формы, ориентированная по сторонам света, внутренний размер 5,47$_x$ 5,4 м., снаружи - 6,45 х 6,30 м. Толщина стен одинаковая - 0,9 м. Кладка сложена из булыжника и ломанного камня на известковом растворе с примесью толченного кирпича. Башня стоит прямо на грунте, без фундамента; сохранившаяся часть стен по углам имеет

затирку швов. От башни в разные стороны отходят стены. Внутри башни, во втором культурном слое, среди прочих находок выявлены четыре светильника местной работы. Один из них - с надписью на древнегреческом языке: «Странник, поклоняйся владыке Гермесу- Меркурию ради спасения» (рис. 47, 17). Если учесть, что Гермес и Меркурий являлись охранявшими путешественников божествами торговли, соответственно, греков и римлян, то следует полагать, что светильник принадлежал проживавшему в Себастополисе греческому или грецизированному местному (гениохийскому?) купцу, которому приходилось разъезжать по чужим странам. (Интересно вспомнить, что еще Чернявский, местный краевед XIX века, видел в горах Абхазии указательные стрелы с буквенными знаками). Не следует забывать, что диоскуры являлись в то же время покровителями моряков и мореплавателей.

Продолжая разговор о находках в этой башне, надо отметить, что под материалами римской эпохи шли более ранние предметы: чернолаковые сосуды, обломки местных пифосов, амфор и др. Как видно, и на этом прослеживается связь культурных слоев Диоскурии и Себастополиса.

ОБ АРЕАЛЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ КЕРАМИКИ В VI-V. ДО Н.Э.

1. Племена древней Абхазии, так же как и многие жители Причерноморья, издавна были связаны с миром Эллады. Эта связь подтверждается археологическими и письменными источниками, а также устным народным творчеством абхазов. Ниже пойдет речь об одной стороне этих вопросов, а именно: о времени и месте распространения античных изделий в крае в начале Великой греческой колонизации.

2. По новейшим археологическим открытиям, самые ранние греческие изделия, обнаруженные в Абхазии, датируются

серединой - второй половиной VI в. до н.э. Они выявлены в окрестностях древнего Сухума - Диоскуриады (Эшерское городище). Это, главным образом, столовая и тарная посуда (тарелки с розетками, т.н. полосатая керамика, остатки амфор и т.д.), происхождение которых связывается с ионийским кругом.

3. По тем же данным, не позднее последней четверти того же века на Абхазское побережье стал проникать аттический импорт. Весомым подтверждением этого является находка чернофигурной амфоры типа панафинейской, расписанная на сюжет древнегреческой мифологии силен, менады, боги, квадрига), с надписью «НИКОН». Вещь найдена близ Эшерского городища в захоронении приусадебного типа. В погребальный инвентарь входят образцы скифского звериного стиля, бронзовые колокольчики и т.д. (Рис. 33-А).

4. В конце V-IV вв. до н.э. греческий импорт получает более широкое распространение не только на прибрежных поселениях и городов (Диоскуриада, Эшера, Гюенос), но импорт проникает и в глубь страны, неоднократно зафиксированный на памятниках, расположенных вдоль перевальных путей (Цебельда, Шубара), издавна связывавших население Абхазии с северокавказскими племенами. Примечателен в этом отношении погребальный комплекс V-IV вв. до н.э. из реки Пхи (Краснодарский край, раскопки Н.В. Анфимова). В состав инвентаря входили аттический шлем, боевой топор, тип которого большей частью встречается в окрестностях древнего Сухума. Как видно, еще до начала эллинизма греческий импорт свободно проникал в среду древних жителей Абхазии и сопредельных районов, обстоятельство, которое следует объяснять мирным характером взаимоотношений греческих поселенцев-торговцев с аборигенами.

Археологический сборник. Тезисы «Мецниереба», Тбилиси, 1979, с. 128-132.

К ИСТОРИИ АБХАЗИИ В РАННЕАНТИЧНУЮ ЭПОХУ.

По данной теме существуют, два источника: письменные и археологические. Письменные источники, как известно, малочисленны, к тому же противоречивы. Что касается данных археологии, то благодаря многолетним полевым исследованиям, особенно последних лет, в наличии у специалистов имеется солидный материал, позволяющий широко и в ряде случае, в по-новому осветить многие вопросы истории края.

Литературные источники. Из дошедших до нас памятников этого рода необходимо назвать труд Гекатея Милетского «Землеописание», не позже VI в. до н.э. В этом сочинении, как известно, среди прочих племен Кавказского Причерноморья упоминаются племена кораксов, которые справедливо локализуются учеными на территории Абхазии. У другого писателя - Псевдо Скилака - в этом районе названы гениохи, проживающие по соседству с кораксами.

Здесь же дается перечень городов интересующего нас региона: город Диоскурия и эллинский город Гюэнос, отождествленные с территорией нынешних Сухума и Очамчира. Отсутствие названия этих городов у Гекатея Милетского некоторыми авторами объясняется тем, что Гекатей не ставил себе целью писать о греческих населенных пунктах; наоборот, он, следуя принципам логографов, больше увлекался описанием не греческих, а варварских племен. Поэтому не - упоминание Гекатеем названных центров еще не дает основания отрицать существование их в VI в. до н.э. Этому не противоречит и литературная традиция о том, что Диоскуриада есть колония Милета. Как известно, Милет был окончательно разрушен в 494 г. до н.э. Следовательно, если признать версию о том, что Диоскуриада, Гюэнос и другие города основаны выходцами из Милета, то нужно признать существование их в VI в. Но очевидно и то, что все такие центры того времени описаны в трудах современников.

Вот те сведения древних авторов об интересующем нас районе в VI-V вв. до н.э. Как видно, их не так уж много. А между

тем перед учеными стоит целый ряд вопросов, на которые следует ответить. В первую очередь к ним относятся: 1. Состояние местного общества накануне греческой колонизации; 2. Время и условия возникновения греческих поселений и их характер; 3. Взаимоотношение греческих поселений с местными племенами и т.д. На все эти и другие вопросы можно ответить, только опираясь на археологию. Итак, переходим ко второму источнику.

Археологические памятники, В данном случае мы берем районы, в которых впоследствии образовались известные в науке древнегреческие поселения. К ним относятся Эшера, Сухум и Очамчира. Охарактеризуем каждый в отдельности.

1. Эшера. 1. Эшерское городище. Площадь ок. 4 га. Раскопками установлено, что оно было заселено с древнейших времен (найдены кремневые скребки, резцы, отщепы, галечные сколы, бронзовые изделия - сечка лопатообразной формы, бляшка со змеевидными изображениями колхидско-кобанского типа, ладьевидной формы зернотерки, глиняная посуда пифосы, горшки, кубки), характерные для культуры местных племен с древних времен включительно I тыс. до н.э., и многое другое.

Начиная с VI в., во всяком случае где-то в середине века, на территории будущего городища возникло поселение, жители которого пользовались, наряду с многочисленными местными керамическими изделиями, и греческой привозной посудой. К ним относятся: чаши с розетками, фрагменты ваз, полосатые амфоры, миски, чернофигурные и краснофигурные изделия, число которых составляет около 10% по отношению к местной керамике. Раскопанная площадь не позволяет окончательно говорить о былом размере этого раннеантичного поселения. Но нужно полагать, что оно занимало площадь не менее полгектара.

2. Холм Верещагина. Расположен на расстоянии около 1 км к СЗ от Эшерского городища. Имеется поселение с текстильной керамикой предантичной эпохи, могильник со вторичным обрядом захоронения в больших пифосах («оссуарии»); с инвентарем колхидско-кобанской бронзы; клад боевого оружия из бронзы и железа, датированный VIII—VII вв.

до и. э. Оттуда же происходят многочисленные украшения (ножные кольца, булавки, зооморфные фигурки и т. д.).

Вотличие от Эшерского городища греческий импорт появился здесь не ранее V—IV вв. до н. э., хотя сколько-нибудь серьезных раскопок там еще не производились.

3. Назовем еще один памятник Эшера, характеризующий положение местного общества в предантичную эпоху. Это **поселок Кутышьха**, находящийся около 2 км к востоку от городища, где известны кромлехи, продолжавшие функционировать еще в I тысячелетии до н. э.

4. Памятники предантичной и раннеантичной эпохи Сухума. **Сухумская гора.** Здесь выявлена бронзолитейная мастерская, клад бронзовых топоров и поселение, функционировавшее на протяжении всего I тысяч. до н.э Греческий импорт прослеживается только с V в.

5. Гуадиху. Рядом с ним находится другое местное поселение с могильником, известное в литературе как Гуадиху, где представлены памятники со времени энеолита и бронзы, о чем шла речь выше. Раскопан обширный могильник с многочисленным боевым оружием (копья, кинжалы, топоры, секиры и т.д.). С V в. в погребениях появляются перстни-печати. Греческий импорт (керамика) также не ранее V в. до н.э.

6. Красный маяк. К кругу памятников древностей Сухума относится также Красный маяк, где давно уже было известно поселение предантичной эпохи с «текстильной керамикой» и могильник, большая часть которого смыта морем. Могильный инвентарь, как Сухумской горы, так и Гуадиху состоит из многочисленного боевого оружия. И здесь греческий импорт не ранее V в. Сухумская набережная известна только до слоя V в.

7. Устье реки Беслетка, где со дна моря была извлечена известная сухумская надгробная плита второй половины V в. до н. э. (430—420 гг.) — прямой признак наличия в этом месте греческого некрополя. Более поздним временем V-IV вв. до н.э. датируется недавно найденная терракотовая статуэтка богини земледелия рис. (33-Д).

8. Очамчира и ее окрестности. Отсюда известен клад

меднолитейщика (заготовки бронзовых орудий, сырьевые материалы), поселение с текстильной керамикой, как и во многих других местах древней Колхиды. По известным **на** сегодняшний день археологическим **материалам,** античное греческое поселение здесь возникло в нач. VI в. до н.э.

Таков общий обзор археологических памятников, намеченных нами трех районов предантичного времени, где позже, в VI—V вв. до н. э., возникли греческие поселения, которым в районе Эшера и Сухуми соответствует Диоскуриада, а в Очамчире - город Гюэнос античных авторов. Все эти материалы относятся к абхазскому варианту колхидско-кобанской культуры и ее традиции. Носители этой культуры занимались многоотраслевым хозяйством (земледелие, металлургия бронзы и железа, ремесло, скотоводство, солеварение и т. д. и т. п.), **а** в социальном отношении, местное общество находилось на уровне родового строя с намечающейся классовой дифференциацией. Поселения занимали участки на холмах и на побережье, между которыми прослеживается незаселенное пространство, предназначенное, видимо, для пастбищ скота, охоты, местонахождения святилищ и т. д. В военном отношении население было обеспечено всеми видами оружия того времени, главным образом, местного производства, но это не мешало им приобретать привозное оружие. В духовном отношении наряду с родовыми или племенными святилищами функционировал культ больших камней-мегалитов, наиболее ярко нашедший свое отражение на упомянутых уже Эшерских кромлехах, где осуществляли необычные погребальные церемонии, шествия по кругам и т. д. Соблюдение всего этого ритуала вряд ли мыслимо без наличия соответствующей касты жрецов.

Вот, собственно, те некоторые штрихи материальной и духовной культуры местного населения накануне Греческой колонизации. Здесь следует сказать словами Энгельса, что это было общество, когда земля принадлежала всему роду, коллективу, где каждый отдельный человек выступал как звено коллектива, а каждый взрослый мужчина был воином. Но, тем

не менее, как выше было сказано, в VI веке в крае появляется греческое поселение, видимо, и не одно. В этом плане возникает вопрос: как и при каких условиях происходил этот процесс на территории сильно военизированного общества? Иначе говоря, мирным или насильственным путем? Нужно полагать, что образование греческих поселений могло происходить в мирных условиях, и они преследовали главным образом, торговые цели. В противном случае эллины должны были задерживаться только в приморской полосе, но никак вдали от нее, в среде аборигенного населения. В связи с этим небезынтересно вспомнить, что там, где первые взаимоотношения греков с местными племенами носили немирный характер, - греки выбирали для поселения лишь приморскую часть, а там, где была возможность, основывались на мысах, высоких морских берегах, на островах и лишь потом переходили на материк (пример Западного и Северо-западного Причерноморья - Истрия, Березань и др.).

Из-за отсутствия масштабных и квалифицированных гидроархеологических исследований соответствующих морских бухт в Сухуме и Очамчире трудно категорически утверждать, где сначала основывались греческие поселенцы - на побережье или на холмах. Одно ясно: коль греки осмеливались отрываться от морского берега и основывали свои поселения на определенном расстоянии от моря (например, Эшерское городище), то логично предложить, что они селились и вдоль берега. Поэтому отсутствие до сих пор в нашем крае известий о береговых греческих поселениях VI в. не есть отсутствие их вообще, а лишь результат слабой изученности побережья, а также результат действия моря.

Говоря о характере первых греческих поселений, нельзя не вспомнить, что среди материалов VI-V вв. до н.э. вообще отсутствует греческое вооружение и лишь к концу V-IV вв. относятся несколько шлемов из Эшера и Келасури. Оно и понятно, ибо в интересующем нас районе наряду с кораксами жили и гениохи, известные своими дальними морскими походами, с которыми приходилось считаться и Боспорским

царям. О преимущественно торговом облике Первых греков - переселенцев говорит отсутствие у них производства на месте, хотя земледелие среди диоскурийцев существовало, по крайне мере, с конца V в. до н.э. Поэтому есть основание полагать, что греки селились при крупных поселениях, где уже имелись традиционные центры ремесленного производства и обмена, приобретая нужную им землю у представителей родовой аристократии, разумеется, за определенное вознаграждение. Это неудивительно, ибо, говоря словами А. Иессена, большую роль в выборе поселений Греки придавали не только физической, но и экономической географии (А.А.Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947, с. 54, 81). Так было по крайней мере в VI в. в Эшере, и это поселение было связано с ионийцами. С V в. к ним, видимо, присоединились выходцы из Аттики (аттическая керамика). Как было выше сказано, с V в. греческие поселения заметно расширялись на территории Сухума, Эшера и Очамчира. Более того, с конца VB. греки стали проникать в самые отдаленные уголки страны (Шубара, Цебельда). Пройдет еще полвека и Диоскурия впервые на Кавказском Причерноморье начнет выпускать свою стандартную тару.

В Сб., Проблемы греческой колонизации..., Тбилиси, 1979, с. 339-345.

Погребение VI в. до н.э. близ **Сухума.**

Весной 1977 г. западнее г. Сухума, на высоте 61 м от уровня моря, близ Эшерского городища было доследовано грунтовое захоронение. Могильная яма округло-четырехугольной формы (3х4 м), глубиной 0,80 –1,20 м (с учетом склона). Примерно в середине ямы прослежены остатки человеческих костей. Среди них находились одна золотая и две серебряные привески, обломки черепков из местной глины; обломки от кинжала или ножа и др. Костяк был ориентирован на северо-восток. Справа

от него 0,80 м стояла раздавленная чернофигурная амфора. В 1,50 м к югу от амфоры лежала крышка от нее (следы ограбления?). Слева от центрального захоронения лежал мужской костяк хорошей сохранности, головой к северо-западу. Слегка согнутые руки положены на животе. К востоку от него, вплотную примыкая один к другому, лежали костяки лошадей, ориентированные головами к северо-востоку и другие остатки животных, а также многочисленные украшения. Мы заложили шесть шурфов вокруг могилы с целью установления характера памятника. В 35 м-х к югу от основного раскопа, на глубине 0,40-0,45 м была найдена бронзовая пластинка с узорами. Профессор Н.И. Бурчак-Абрамович, изучавший кости животных, дал о них следующее заключение: «К животным костякам относятся три лошади (одна мелкая, ослиного типа, возможно, мул; две другие-лошади среднего размера, тонконогие, верховые, т.е. нерабочие; один молодой бычок и одна свинья». (Рис. 33-А).

Переходим к характеристике погребального инвентаря. Уздечный набор. Три железных удила с петлевидными концами, каждое из которых снабжено парными трехпетельчатыми железными псалиями. Два аналогичных железных псалия с бронзовыми удилами найдены на Куланурхвском могильнике VI в. до н.э. с конским захоронением. Такой же псалий найден в Карачаево–Черкессий АО в могильнике VI в. до н.э. Кызыл-Калине. Весьма сходные железные удила зафиксированы в Кармир—Блуре, где они находились вместе со скифскими предметами, в развале оборонительной стены VI в. до н.э. Удила эшерского типа известны также в хорошо датированных комплексах (VI в. до н.э.). Поднепровья. Вместе с удилами и псалиями найден массивный кабаний клык с отверстием в головной части (рис. 33-А, 21). Его поверхность хорошо отполирована, на одной стороне изображение хищного животного, выполненное в скифском зверином стиле. По определению проф. Н.И. Бурчак-Абрамовича, «это, несомненно, по общей фигуре зверь кошачьей породы вроде льва. Мощная голова, широко раскрытая пасть, хвост и т.д. говорят в пользу

этого. Вместе с тем, изображение сильно стилизовано, скорее собачьего типа. Зверь готовится к прыжку на добычу». Длина клыка 9 см, при максимальной ширине 1,8 см. Места соединения передних ног с туловищем и конец хвоста переданы в виде головы грифона. Очень близкие встречаются среди памятников искусства скифо-савроматского мира; например, на клыках из Поволжья (Блюменфельдский курган А 12), датированный концом VI в. до н.э. Говоря о смысловой стороне изображения хищного животного на клыке, интересно вспомнить некоторые высказывания скифологов о том, что краеугольным камнем космогонии и мифологии скифов являлось представление о многочисленных перевоплощениях, в которых предстает каждое божество. Давно установлено, что, пытаясь изобразить одно из божеств своего пантеона, скифский мастер был вынужден снабжать свое изделие атрибутами различных существ, в которые последовательно воплощалось это божество. Поскольку было распространено представление о том, что часть выражает целое, то нередко мы встречаем изображение лишь образа (например, вместо птицы - ее голова, клюв или когти, вместо лошади - ее копыта и т.д.). Это положение хорошо прослеживается на нашем экземпляре, в частности, вместо грифа нанесены его крылья. Но эта деталь подчиняется общей конфигурации композиции. Вместе с удилами зверя девять бронзовых колокольчиков (рис.33-А,11), из них один круглый. Большой колокольчик (высотой 9 см с устьем 4х6 см) снабжен петлей для подвешивания и имеет боковые прорезы, форма цилиндрическая с округлыми плечиками и резко согнутыми краями. Поверхность украшена горизонтальными полосками с поперечными швами. Остальные восемь колокольчиков лежали среди черепных и шейных позвонков лошадей. Они цилиндрической формы с петельками для подвешивания и боковыми прорезями; украшены рельефно выступающими узорами, внутри имеют железные язычки. По-видимому, они служили украшениями голов и шей лошадей.

Прямые аналоги мы встречаем среди материалов Сухумской горы, Красного маяка, Ткварчели и многих памятников

Закавказья, Передней Азии и южно-русских степей эпохи раннего железа. Представление о месте колокольчиков на сбруе коня дают изображения всадников с копьями на ассирийских и урартских каменных изваяниях. Так, на рельефе царя Ашшурбанипала (668-631 гг. до н.э.) конская упряжь состояла из уздечки, кожаного ремня, охватывающего шею лошади в виде ошейника и подпруги. На нем хорошо видны колокольчики типа эшерских. Большой колокольчик подвешен на месте соединения головы и шеи коня, а маленькие (их около 14 экз.) украшали ленты уздечного набора. Примерно в 0,6 м к востоку от колокольчиков были найдены две серебряные подвески и одно очкообразное украшение из золота.

Две серебряные подвески. Одна из них фрагментирована. Другая диаметром 2,8 см из круглой проволоки толщиной 1,5 мм. Концы проволоки сплющены и отдаленно напоминают схематично выполненные головки животного (лебедь? змея?). На одной из подвесок была подвешена очкообразная привеска шириной 1,8 см из золотой круглой проволочки. В могильной яме найдено несколько обломков глиняных изделий: среди них венчик от лепного горшка темно-бурого цвета с мелкими включениями. Отсюда же извлечено шесть обломков от железных полос, возможно, фрагменты кинжалов и наконечников копий.

Чернофигурная амфора (рис. 33-Б-33-В). Высота ее вместе с крышкой 0,70 м, диаметр 0,265 м, диаметр дна 0,22 м. Нижняя часть амфоры украшена лучеобразно расходящимися узкими листьями («корзина»). Над ними полоса черного лака шириной 0,14 м. С двух противоположных сторон тулова светлое поле с сюжетной чернофигурной росписью. Следуя уже разработанной классификации, данную амфору следует отнести к типу А чернофигурных амфор. На одной стороне (А) изображен Дионис в длинном хитоне в сопровождении двух менад, двух сатиров, двигающихся навстречу друг другу (рис.2,а). Пространство между фигурами заполняют свободно разбросанные ветки плюща - один из атрибутов Диониса. Этот же растительный орнамент в виде побега с листьями нанесен на ручках амфоры.

На противоположной стороне (Б) древний вазописец изобразил сцену подготовки к сражению.

С большим мастерством здесь показаны четыре коня, впряженные в боевую колесницу. Впереди лошадей - четыре тяжело вооруженных воина в коринфских шлемах с длинными копьями. Во главе колесницы стоит фигура учителя-наставника в длинном хитоне с подчеркнутыми складками. Обращен он лицом к стоящим перед ним войнам. Сверху между лошадьми и колесницей надпись черным лаком NIKON, очевидно имя мастера-гончара или атлета. Амфора изготовлена в Аттике в конце третьей четверти VI в. до н.э.. Это наиболее ранняя из известных нам чернофигурных ваз, найденных на Кавказе.

Итак, перед нами сложный погребальный обряд, когда вместе с умершим господином погребались слуги, кони и другие животные. Место могилы и отсутствие поблизости некрополя позволяет предполагать, что интересующий нас памятник относится к кладбищам усадебного типа (термин, введенный еще Б.А. Куфтиным более 50 лет тому назад применительно к аборигенному населению Колхиды, в частности абхазам). Обилие ценных вещей говорит о том, что могила принадлежала представителю имущественной верхушки общества, возможно, племенному вождю или, следуя терминологии Страбона, скептуху (скипетродержцу) - представителю социальной верхушки гениохийских племен, известной на Кавказском Причерноморье со второй половины I тысячелетия до н.э. Погребенный в могиле человек был хорошо знаком с эллинской и скифской культурами. На соседнем холме, в 800 м к западу от погребения с середине VI в. до н.э. существовало греческое поселение. Археологические раскопки там показали, что в свою очередь это поселение возникло на земле, где ранее проживали аборигены.

Сб., КСИА, вып.174, 1983, с.33-37.

К вопросу греческой колонизации побережья Абхазии.

1. Абхазия относится к числу стран Причерноморья, чьи связи с внешними культурными регионами восходят к глубокой древности. К таким регионам относятся Средиземноморский бассейн, Ближний Восток и Передняя Азия, Южное и Центральное Закавказье, центральная Азия и Северный Кавказ. Из всех этих связей наиболее плодотворными оказались контакты с античным миром, сыгравшим немаловажную роль в развитии культуры местных племен. Среди других положительных последствий этих взаимоотношений отметим градостроительство (Диоскурия, Гюэнос и др.), которое связывается с колонизационной деятельностью Милета - наиболее крупной метрополии Восточной Греции. Милет как основатель городов прекратил свою деятельность на рубеже VI-V вв. до н.э. Следовательно, основанные милетцами причерноморские города к этому времени должны были уже существовать. В этой связи интересны данные археологии, которые рисуют нам следующую картину.

2. К числу раннеантичных поселений, известных сегодня в Абхазии, относится Эшерское городище, расположенное недалеко от устья реки Гумиста в 10 км от центра Сухуми. Выявленный здесь материал показывает, что со второй половины VI в. до н.э. в этом пункте проживала какая-то часть выходцев из Ионии, а затем, видимо, к ним присоединились переселенцы и из других областей Греции (Аттики). В районе городища на прилегающих холмах (холм Верещагина, Кутышьха, Иордан-Иху, т.н. армянское кладбище и т.д.) проживали сильно военизированные местные племена - носители позднего этапа колхидо-кобанской культуры. Уже в силу этого должна была быть ограничена территория, эксплуатируемая колонистами. Такое же демографическое соотношение засвидетельствовано в окрестностях собственно Диоскурии (Красный маяк, Сухумская гора, Гуад-Иху) и Гюэноса (Очамчира-чайная фабрика, Моква). Правда, в последних материалы VI в. пока мало или почти не выявлены.

3. Исходя из могильного инвентаря, нужно полагать, что эти

местные общества в отличие от Центральной Колхиды, находились еще в рамках традиции военной демократии. Не случайно, что одно из местных племенных объединений - гениохи вплоть до римской эксплуатации было известно у греков как морские пираты, с которыми приходилось вести военные операции Боспорскими царями. Поэтому в первые два века (VI-V вв. до н.э.) греческие колонии на территории Абхазии должны были выступать как торгово-обменные, возможно, в ограниченном виде и ремесленные центры, хотя для утверждения последнего требуется еще фактический материал..

4. Картина резко меняется с IV в. В это время Диоскурия впервые среди городов Кавказского Причерноморья приступила к производству собственной клейменной керамической тары, связанной с возросшим требованием экспорта товара, а ее сельскохозяйственная территория (хора) занимает пространство вдоль берега по линии Гульрипш - Гвандра. Одновременно с этим, границы античных поселений отодвинулись к западу до сектора Гудаута-Псоу, вглубь стран - до горных долин (Шубара, Цебельда и др.).

Тезисы докладов и сообщений, Тб., 1977, сс. 71-73.

ЭШЕРСКАЯ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ НАДПИСЬ И ВОПРОС ЗАРОЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В АБХАЗИИ.

В археологической литературе отмечалось, что летом 1975 года на Эшерском античном городище, в развале строения эллинизма найдено свыше 30 фрагментов разбитой дощечки с греческими письменами. По палеографическим признакам и отсутствием эклектизма надпись датируется концом IV-нач. III вв. до н.э. (Шамба, 1980, сс-54-55. табл. LXXVI, 4). Причиной гибели здания, в котором находилась плита, явился сильный пожар, от которого лопались камни, деформировалась бронза, в пыль превращались деревянные конструкции. Согласно

сопровождающему массовому материалу гибель города произошла в I в. до н.э., т.е. спустя 200-250 лет после изготовления бронзовой плиты. Следует отметить, что холм площадью 4 га. на котором лежат развалины Эшерского городища, носит название «Аблархуа», что переводится как «Горелый холм». (Шамба, 1977, с.29, прим. 11). Видимо, тоже не случайно.

По поводу Эшерской надписи в свое время мы выступали с публикациями на различных форумах в Ереване, Москве, Тбилиси, Ленинграде. По моей посьбе один из лучших знатоков древнегреческих текстов, профессор Ю. Виноградов сделал экспертное заключение по поводу этого письма и передал его мне для публикации. В нем сказано, что «Эшерское письмо на бронзовых дощечках является документом особой важности, типа декрета или исторической хроники. В древности плита была выставлена для чтения и публичного обозрения там, где ее нашли археологи. Текст составлен на грамотном древнегреческом языке (Шамба, 1980, с. 55). Из-за порчи дощечки установить полное содержание письма **без** дополнительных раскопок невозможно, но зато ясно следующее: где-то в районе находки письма после мощного военного столкновения на суше и на море, при участии нескольких воюющих сторон был взят некий приморский пункт (видимо, это и есть Эшерское городище, находящееся в 1,5 км. от берега моря).

Собранные фрагменты письма позволяют говорить, что в них присутствуют 20 букв, т.е. не хватает 5 букв всего древнегреческого алфавита. Уже одно это свидетельствует о богатстве Эшерского письма, серьезности его содержания.

Далее, в тексте идет речь о большой военной акции, в которой упомянуты как минимум три военные единицы со своими наименованиями. По тексту первым идет слово «полис». Под этим следует подразумевать жителей Эшерского городища вместе с Диоскуриадой, т.к. земли Эшеры вплоть до восточных границ нынешнего Нового Афона считались сельско-хозяйственной хорой древнего Сухума. Это уже археологически установленный факт.

Второе слово - гераклийиы: под этим следует подразумевать жителей «южно-понтийского греческого города Гераклея (современный турецкий Эрегли), хотя на это может претендовать и другая Гераклея, вскользь упомянутая Плинием Старшим: «.. .следующий от Диоскуриады город Гераклей. От Себастополя он стоит на 70 тысяч шагов» (VI, 14).

И, наконец, одним из участников эшерского боя было некое царство - «басилеа». Слово это встречается на шестой строке дощечки №1. Оно и является основным предметом нашего исследования. Кого подразумевают составители надписи под этим словом? В литературе уже сделана попытка его объяснения. Так, профессор М. Инадзе еще в 1982 году под словом «Басилеас» подразумевала колхов (Инадзе, 1982, сс. 174-176). Через некоторое время она отказалась от своей идеи и в слове «Басилеас» стала усматривать «Царство Понтийское», имевшее в Восточном Причерноморье определенное влияние. Но историческая реальность такова, что Понтийское царство включило в свою сферу Колхиду, и, вообще, Восточное Приочерноморье, лишь в конце II в. до н.э. Поэтому не правомерно утверждать, что Понтийское царство могло активно вмешаться в дела Колхиды и Кавказского Причерноморья в интересующее нас время т.е. в IV-III вв. до н.э., тем более вступать здесь в бой.

Таким образом, рассматривать колхов или понтийцев, как участников войны с нашей точки зрения, маловероятно. В связи с этим, я, долго изучавший материальную культуру Эшеры и в целом Абхазское Причерноморье считаю, что под словом «Басилеас» в Эшерской надписи следует видеть общество гениохов. Как известно, гениохийцы вошли в историю Причерноморья, как воинственный народ, большей частью известный как пираты. Они держали под своим контролем многие прибрежные области.

Есть сведения, что этот контроль иногда доходил и до западных границ Черного моря, при этом гениохийцы имели свободный вход в стоянки Боспорского царства. Когда говорим о гениохах, не следует забывать свидетельство Геродота (V в.

до н.э) о том, что северная граница колхов достигает р. Фасиса (т.е. Риони); а от Фасиса до Кавказских гор живут соседи колхов, т.е. не колхи (Геродот, 11, 111). Правда, «отец истории» не называет имени этих соседей, но не трудно догадаться, что он имеет в виду гениохов. В подтверждение этой мысли следует вспомнить слова Гераклида Понтийского (IV в. до н.э.) о том, что «...В Фасисе первоначально проживали гениохи (1, с.305). Спустя три века, римский автор Помпоний Мела (1 в.н.э) четко укажет, что Диоскуриада лежит на земле гениохов. Значительно позже, в VI в. н.э. Прокопий Кесарийский напишет, что «.. на правом берегу р. Фасиса живут апсилы» (ВДИ, 1, 1949, Прокопий Кесарийский, 1950).

Как видно, границы геродотовских безымянных соседей колхов и граница апсилов Прокопия Кесарийского совпадают почти один к одному; во всяком случае, их южные рубежи. Как бы разгадывая тайну происхождения гениохов, известный исследователь археологии Колхиды, академик Б. Куфтин более полувека тому назад писал, что древнейшими обитателями Колхиды являлись гениохи.

Теперь возникает вопрос: есть ли у нас основание утверждать, что местное население - гениохи, в IV-III вв. имели какое-то царство? На него нам отвечает Страбон: «Гениохами управляют скептухи («жезлодержатели»), а эти последние сами подвластны тиранам и царям. Так, у них было 4 царя». (Страбон, XI V 6).

Правда эти слова написаны на рубеже н.э., но известно, что многие страбоновские сообщения взяты из более ранних источников. Сегодня нам трудно судить о размерах гениохийских царств, о которых говорит Страбон, скорее всего, они находились на уровне раннеклассовых объединений. Но в любом случае у них прослеживается довольно четкая иерархия, т.е. вертикальное подчинение властей: скиптодержец - тиран - царь. В связи с этим большой интерес вызывает раскопанное нами вблизи Эшерского городища захоронение представителя местной знати с жезлом в виде групповой бронзовой скульптуры местного отлива. Погребальный инвентарь бесспорно говорит о том, что в конце IV-II вв. до н.э. (т.е. время изготовления

Эшерского письма) здесь рядом с античным городом жил, затем нашел свой последний приют один из местных (теперь можем сказать гениохийских) мужей, в чьих руках были сосредоточены функции воина и жреца (Шамба Г.К. 1972, с. 98-122).

Если бы отсутствовали мирные отношения между аборигенами, с одной стороны, и греческими поселенцами города, с другой, то вряд ли мог быть осуществлен такой пышный церемониал по поводу захоронения этого вожака. И такой случай не единичный. В этих и других погребальных памятниках Эшеры, включая район Диоскурии (Сухумская гора, Гуадиху, Красный маяк), и в других местностях повсеместно и часто встречается лучшее военное снаряжение того времени (копья, кинжалы, мечи, стрелы, умбоны, шлемы, щиты и т.д.).

Так могли вооружаться довольно состоятельные слои местного общества, это гениойхийцы, опиравшиеся на мобильные группы воинов, способные сразиться с любой противостоящей военной силой как на суше, так и на море. Видимо, к числу таких сражений и относится битва в районе Эшеры, в конце IV -нач. III вв. до н.э., повлекшая за собой большие жертвы и разрушения, в том числе, гибель города. В этой военной акции гениохи, как коренное население, не могли оставаться сторонними наблюдателями, ибо на их земле пылал большой пожар в прямом смысле этого слова.

Так, благодаря найденной греческой надписи значительно расширились наши представления о местном гениохийском обществе, его строе и военной мощи. В этом смысле у нас есть основание говорить о том, что истоки раннесредневековой абхазской государственности следует искать не только в этнополитических объединениях первых веков н.э. (Апсилия, Абазгия, Санигия, Миссиминия), но и в более ранних объединениях типа «царств», о чем прямо говорится в Эшерской надписи, отчеканенной на бронзе 23 века тому назад.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1

1 - Почва
2 - Суглинки коричневые с остатками палеолита
3 - Глины красновато-желтые
4 -Известняки

2

3

Рис. 1

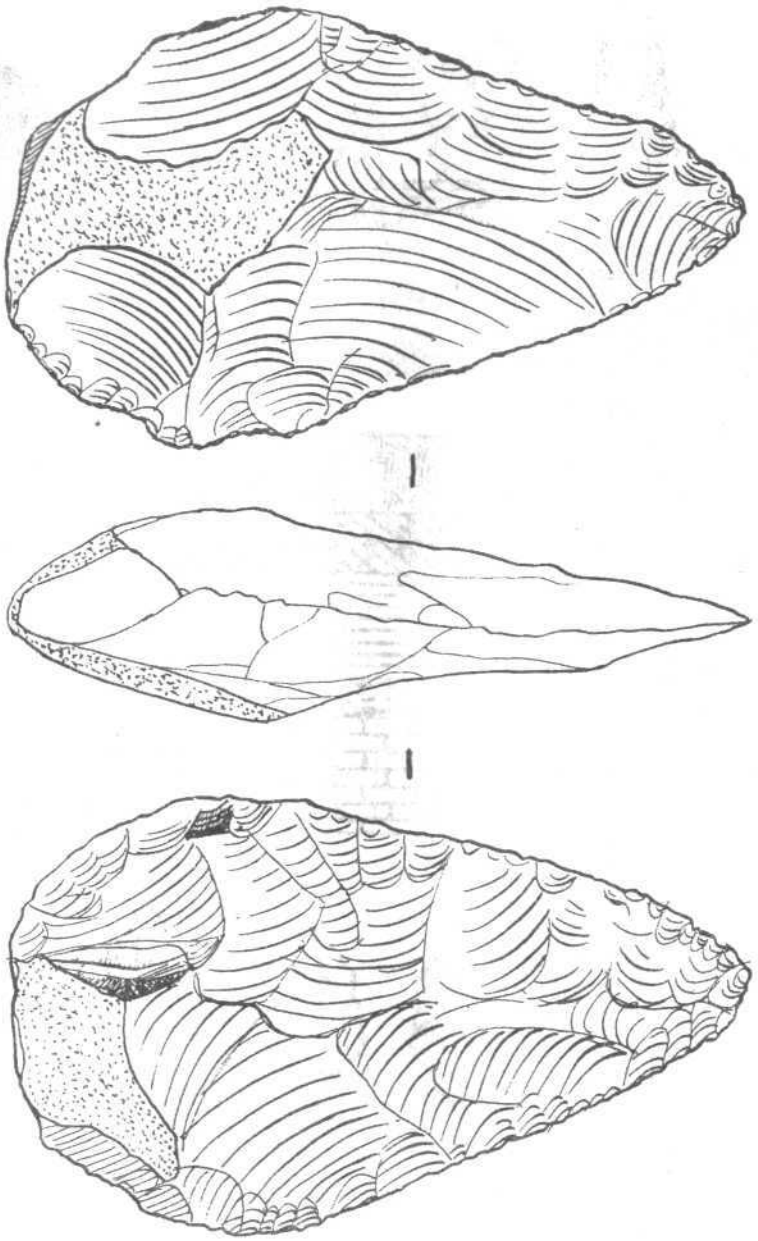


Рис.2

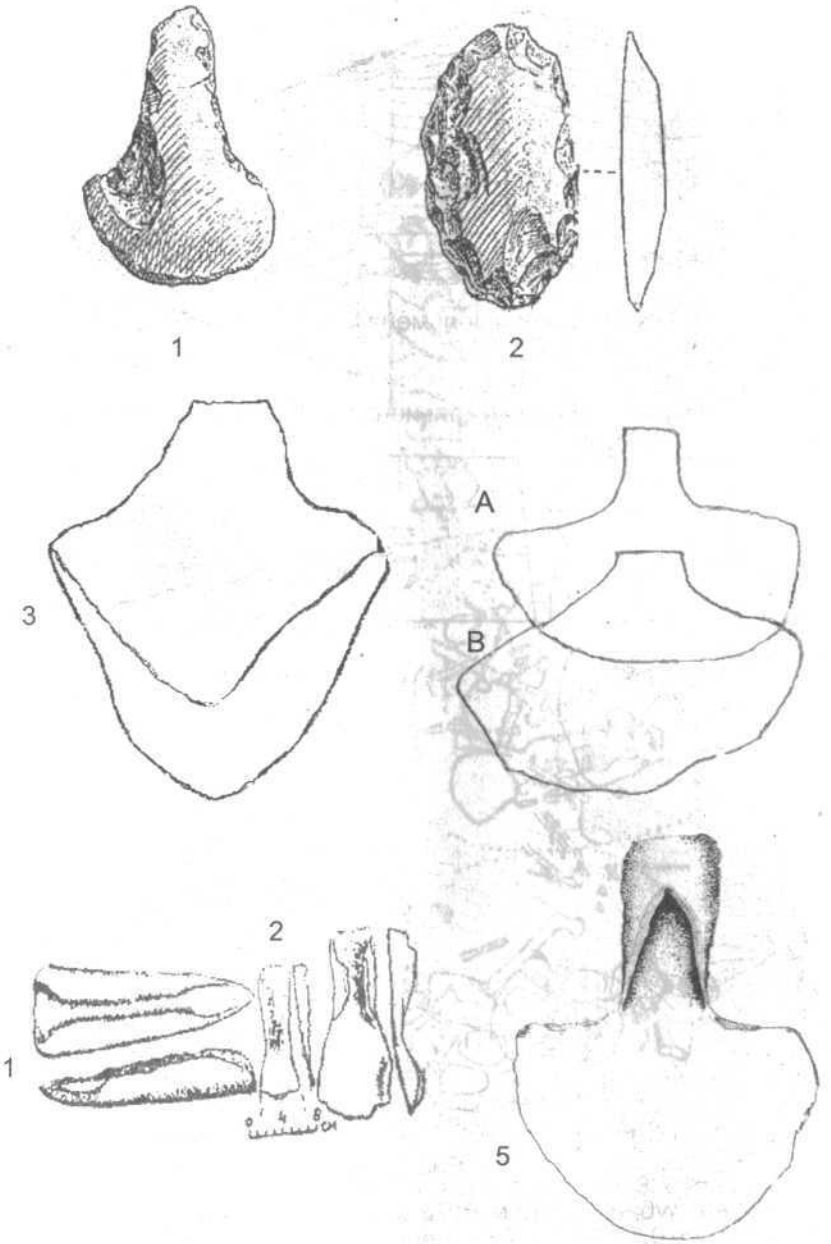
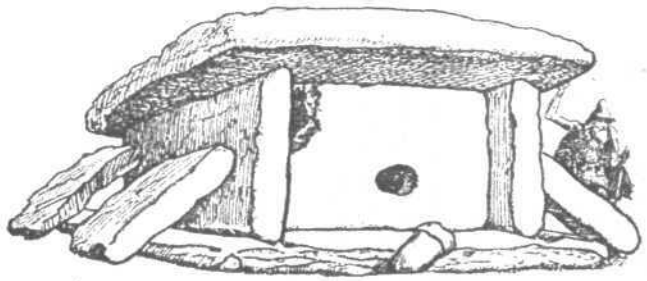


Рис. 2А



1. Реконструкция дольмена № 1 в с. Эшера.

2. Погребения в дольиене № 1 с.Эшера

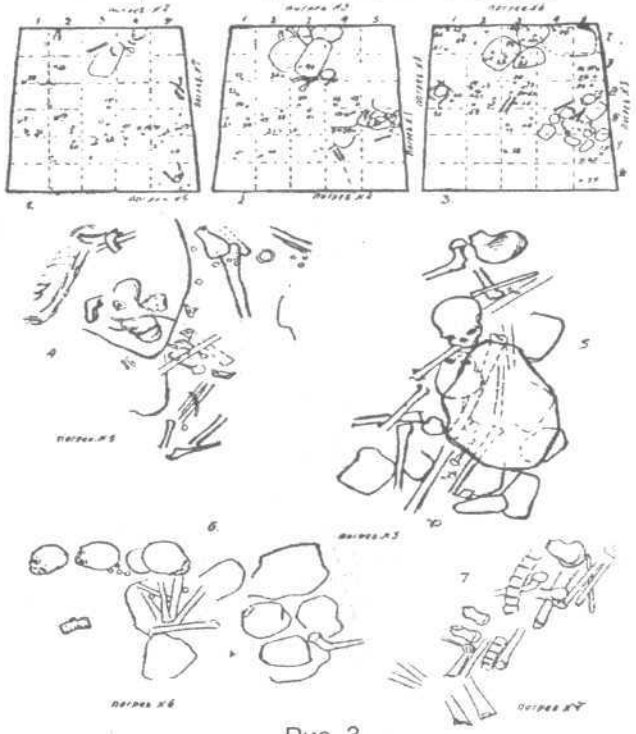
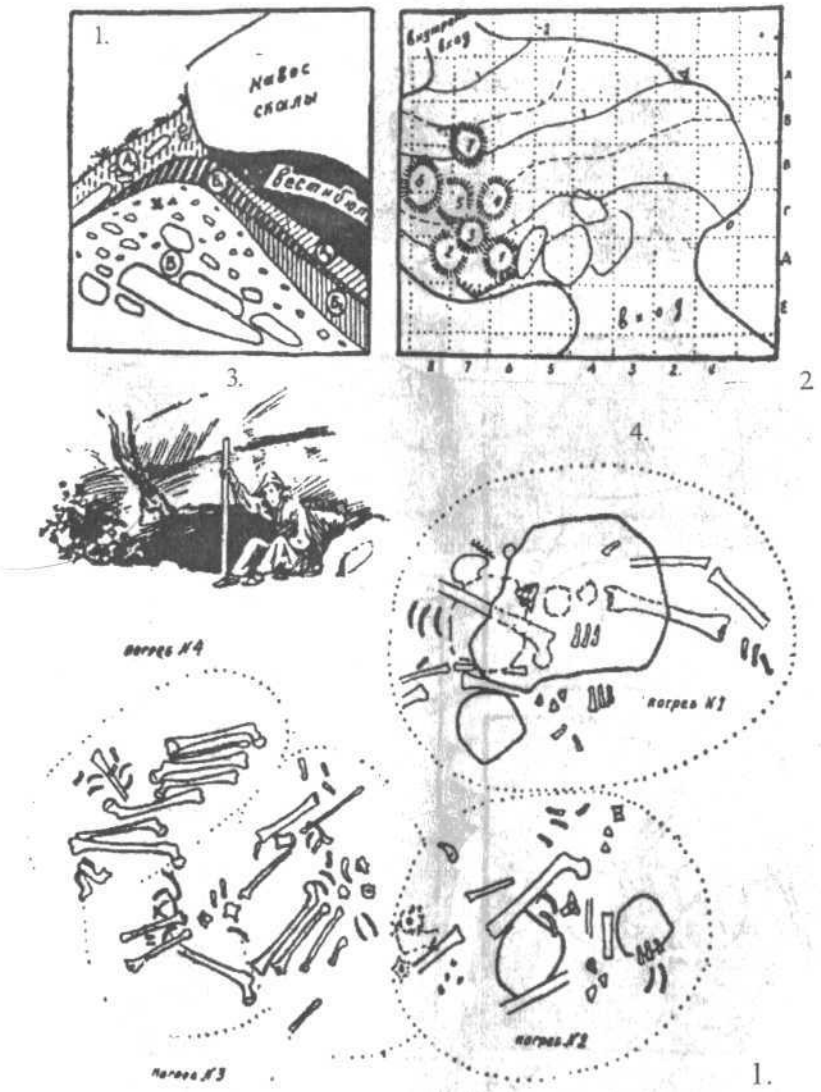


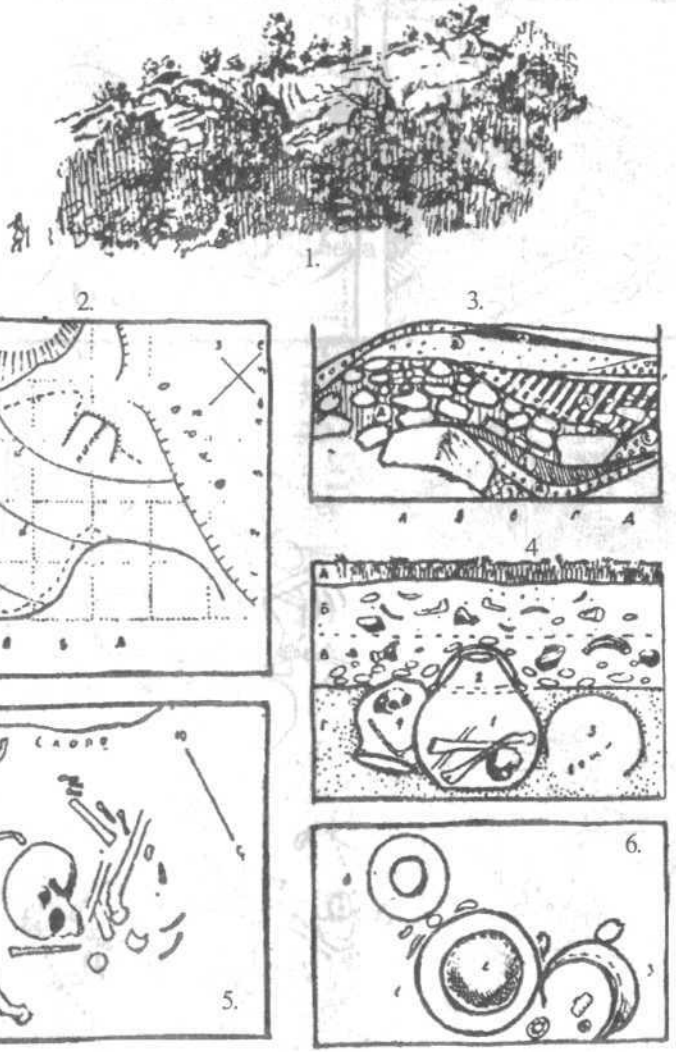
Рис. 3

Расчистка на глубине 0-0,25 м, 2. То же на глубине 0,25-0,50 м, 3. То же на глубине 0,50-0,70 м, 4.Погребение № 1,5. Погребение № 5, 6.Погребение №6, 7. Погребение №7.



1.Вертикальный разрез в пещеру, 2. План раскопки, 3. Вход в пещеру, 4. Погребения №3 1, 4, 5, 3, 2.

Рис. 4



1. Общий вид на Кманский грот, 2. План грота, 3. вертикальный разрез отложений грота, 4, 6. кувшинное погребение в.с Красный Маяк, 5. Погребение у входа в Воронцовскую пещеру.

Рис. 4-1

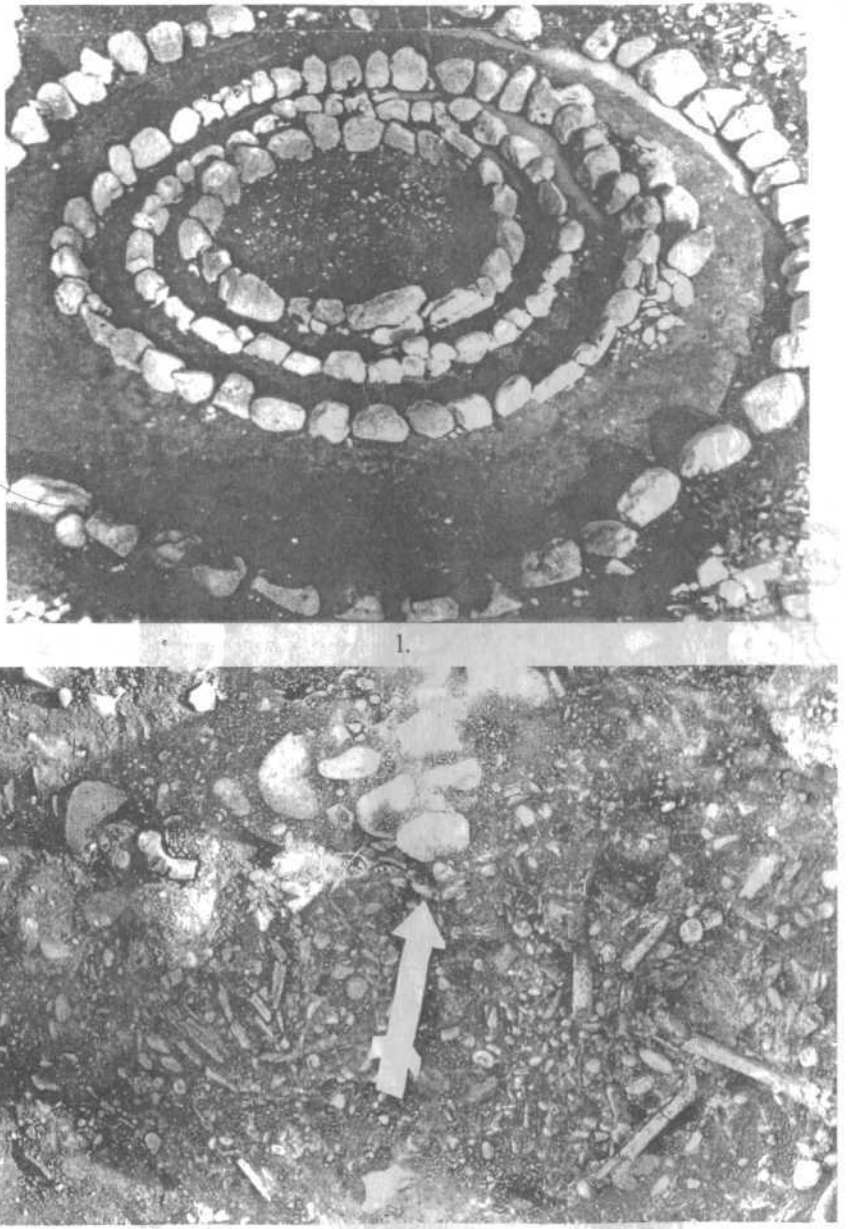
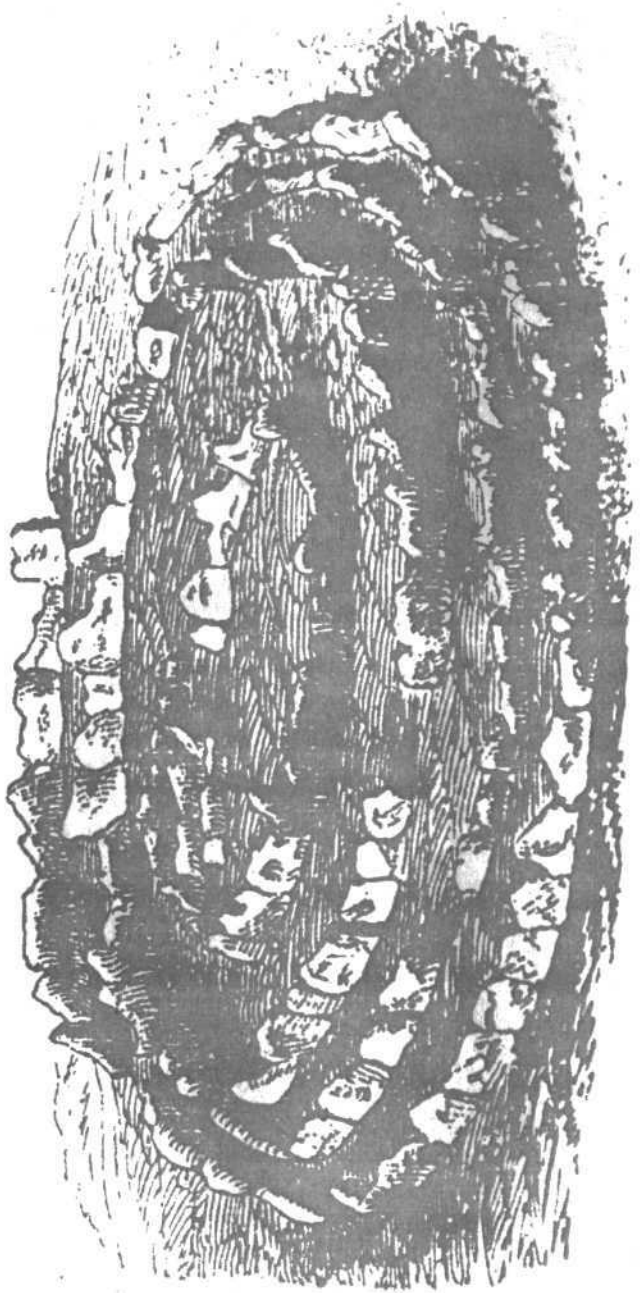


Рис. 4-А



Кромлехъ близъ Николаева, въ херсонской

Рис. 4-Б.

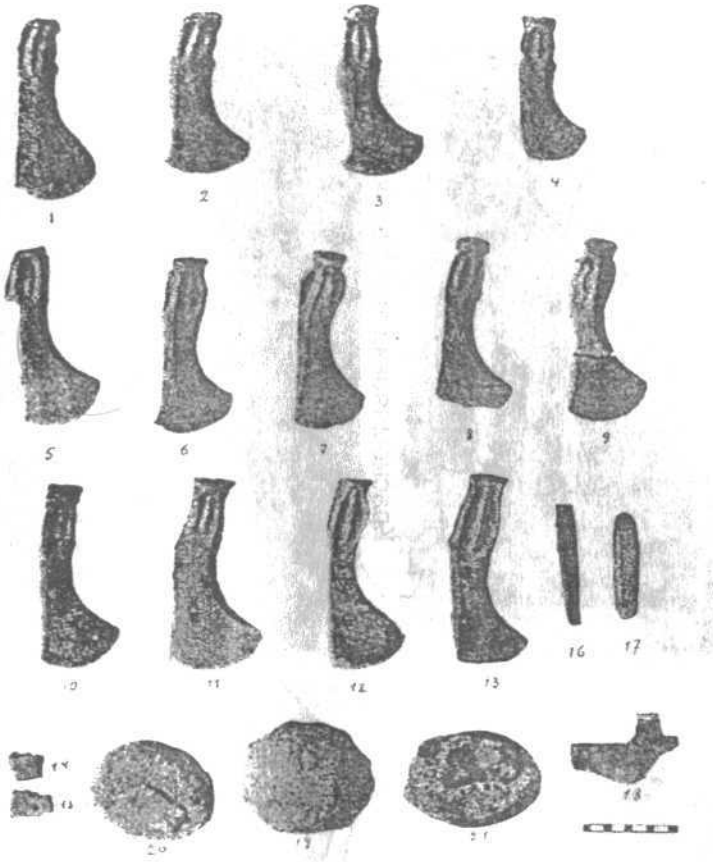


Рис. 4-Б

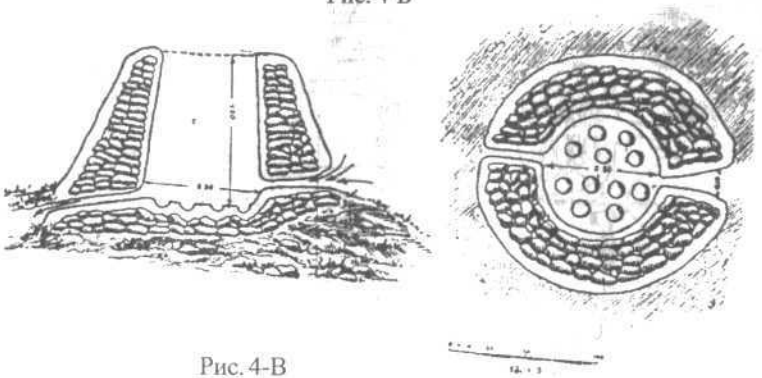
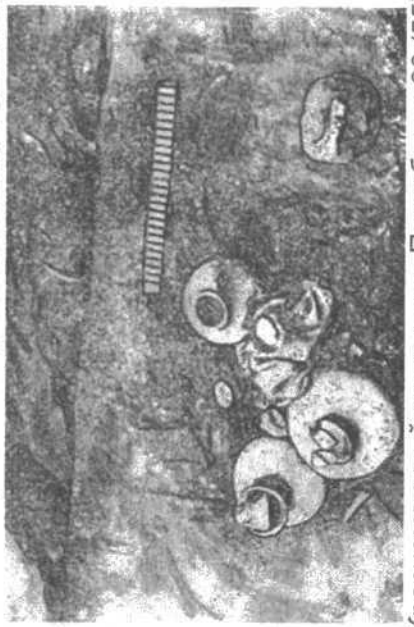


Рис. 4-В

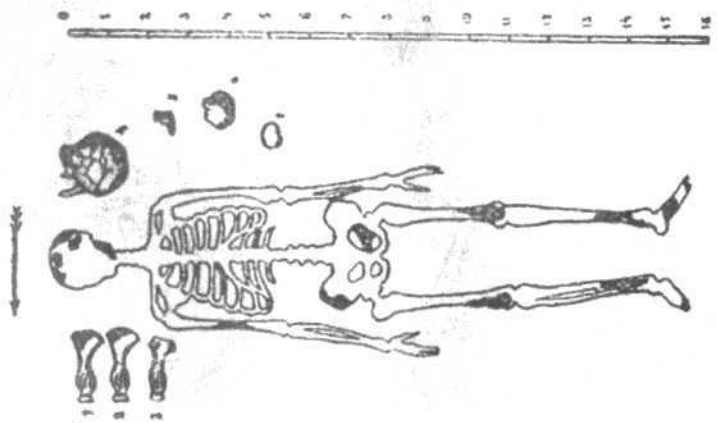
Красномаяцкий могильник. Раскоп V.

2.



Красномаяцкий могильник. Погребение 38 (55).

3.



1.

Рис. 5.

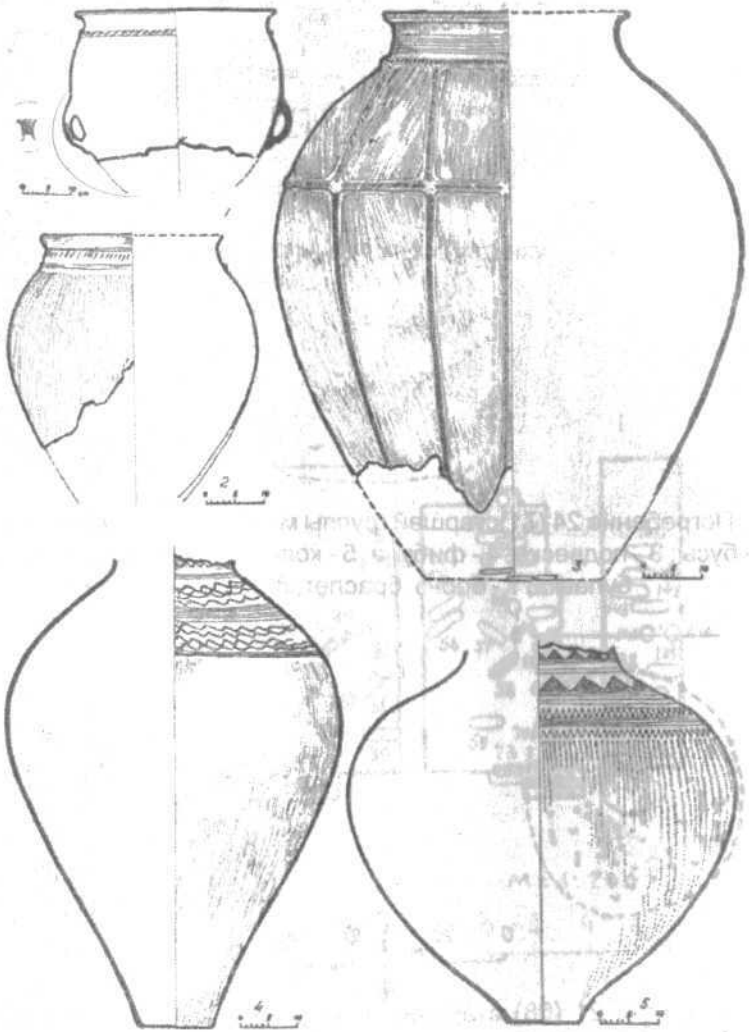


Рис. 6.

Красномаяцкий могильник.Урновая посуда **погребений IX-VI вв. до н.э.**
1 - погр. 55 (80); 2-93 (139); 3-92 **(138); 4 - погр. 90 (136); 5-94 (140).**

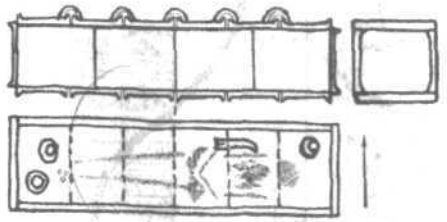
1

1. Погребение 24 (71)старшей группы могильника Гуадиху. 1- кувшин; 2 - бусы; 3 - подвеска; 4 - фибула; 5 - колокольчиковидная подвеска; 6 - булавка; 7 - бронз. браслет; 8 - железный браслет.

Погребение 21 (68) старшей группы могильника Гуадиху. 1 - сосуд; 2 - подвеска; 3 - бусы; 4 - обожженная кость; 5 - уголь.

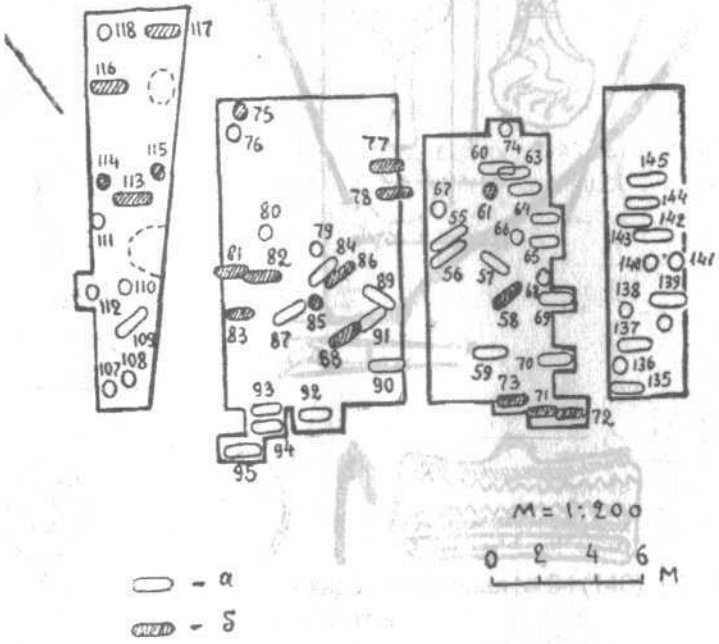
Погребение 23 (70) старшей группы могильника Гуадиху. 1- гривна; 2 - пронизь; 3 - бляшка; 4 - бляшка ; 5 - браслет; 6 - наконечник копья; 7 - нож; 8 - пережженная кость; 9 -уголь.

Рис. 7



1.

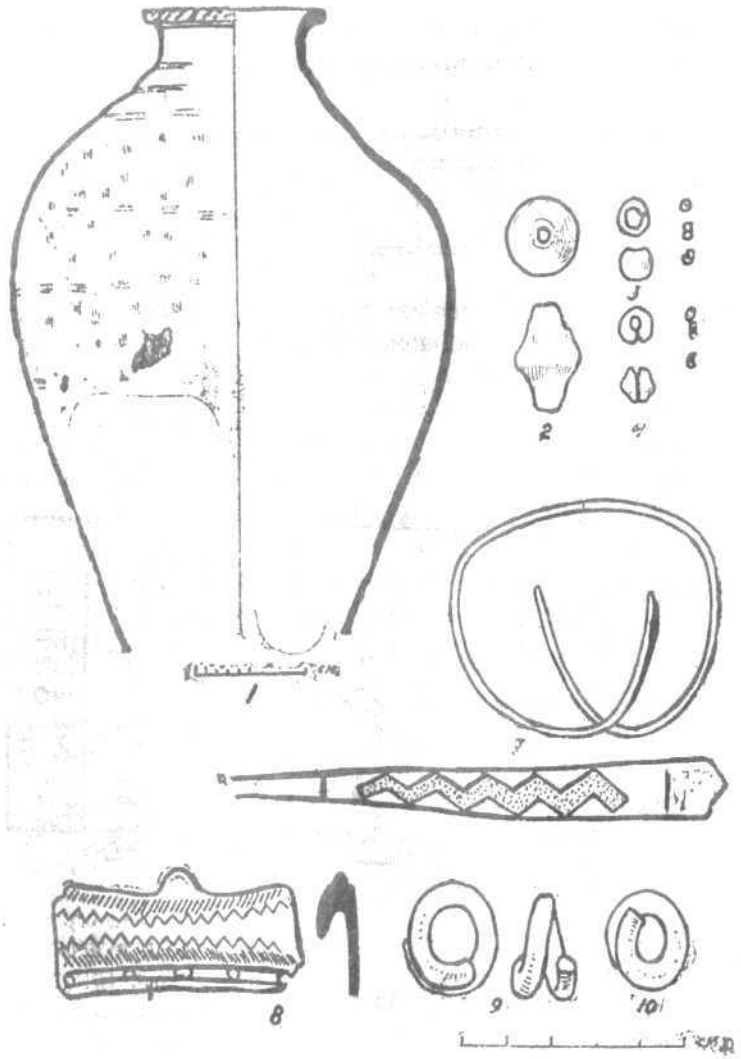
Гробница из могильника Гуад-иху. Черепица. IV-III вв. н.э.



2.

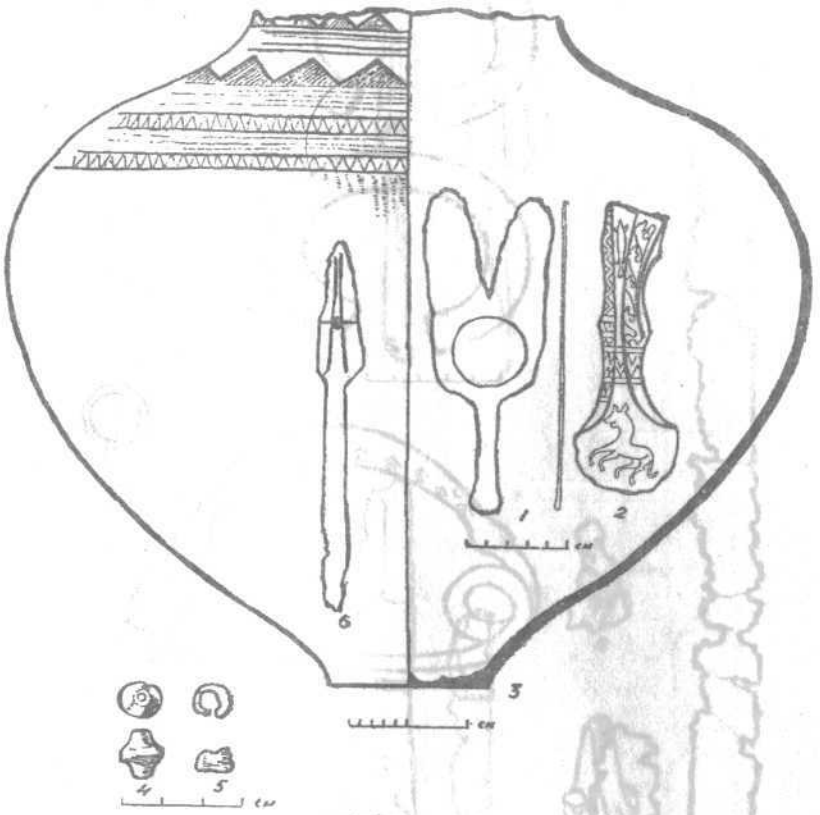
Планы V, VI, VIII, раскопов Красномаяцкого могильника. а - погребение VIII-VI вв. н.э.; б- погребение IV-II вв. до.н.э.

Рис. 8



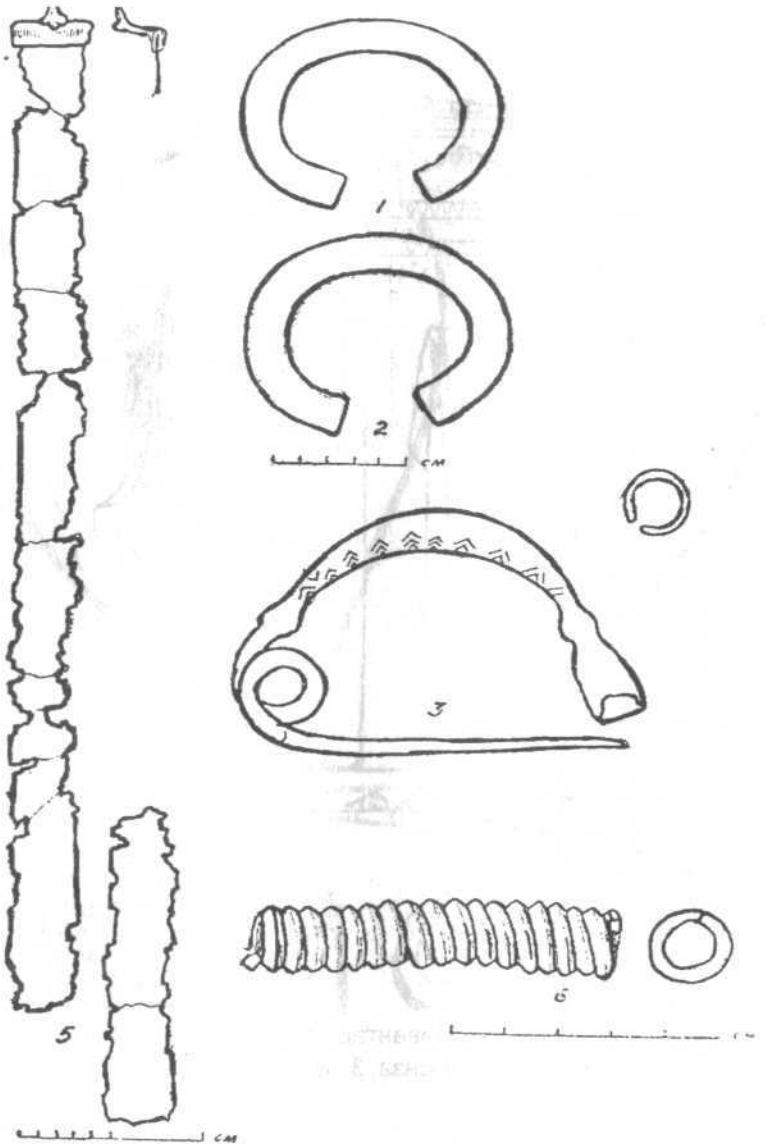
Красномаяцкий могильник. Инвентарь погребения № 47 (66). 1, 2 - глина; 3-6 - стекло, паста; 7-10 - бронза.

Рис. 9



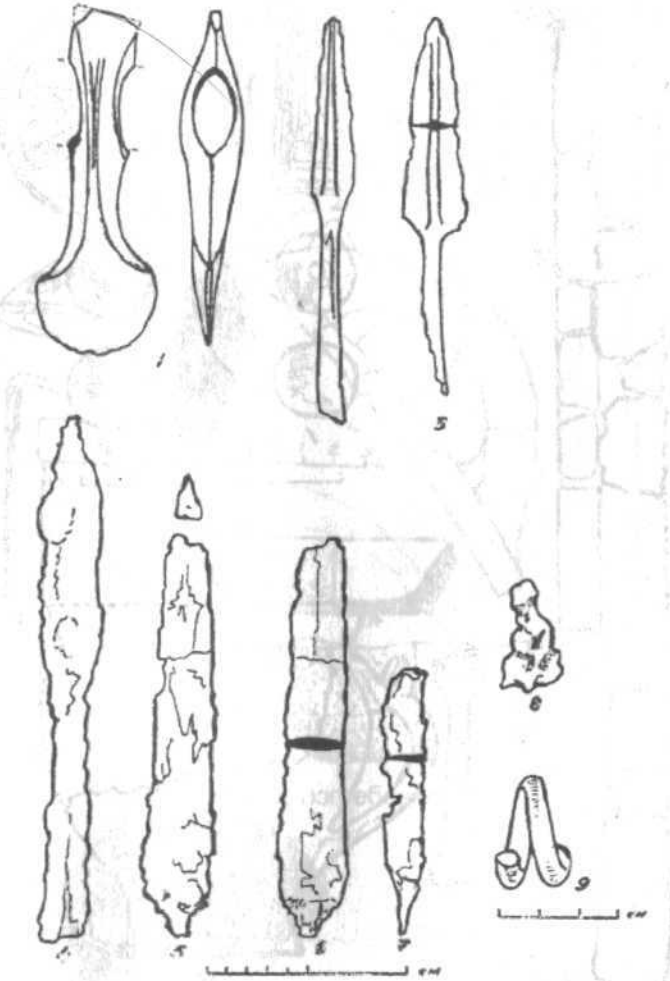
Красномаяцкий могильник. Инвентарь погребения № 94 (140). 1,2, 4-6 - бронза; 3 - глина.

Рис. 10



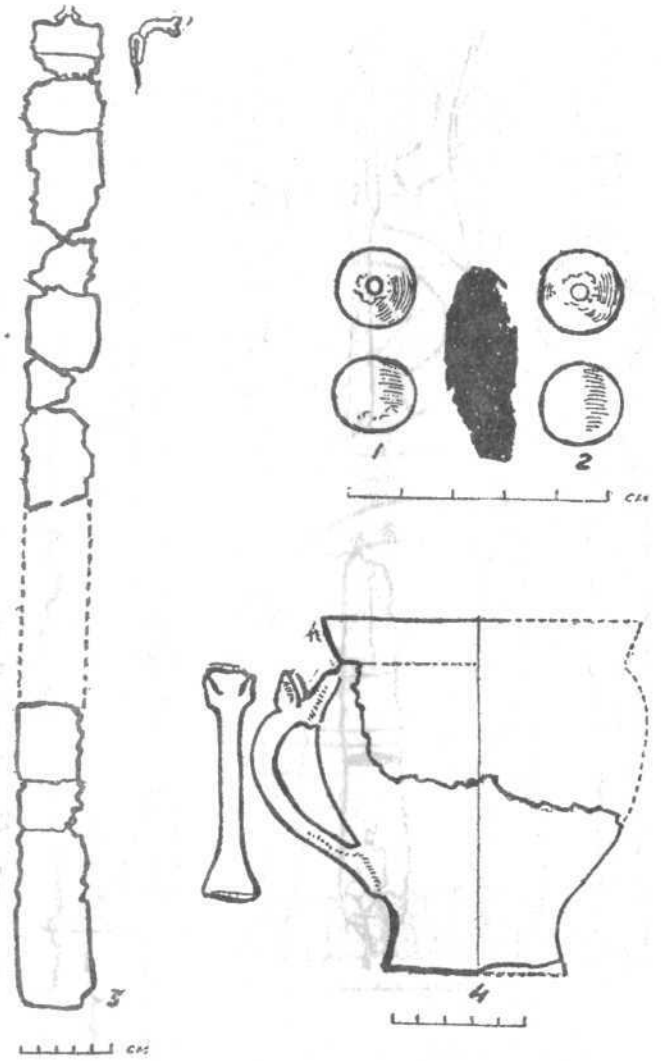
Красномаяцкий могильник. Инвентарь погребения № 62 (92). 1-6 - бронза.

Рис. 11



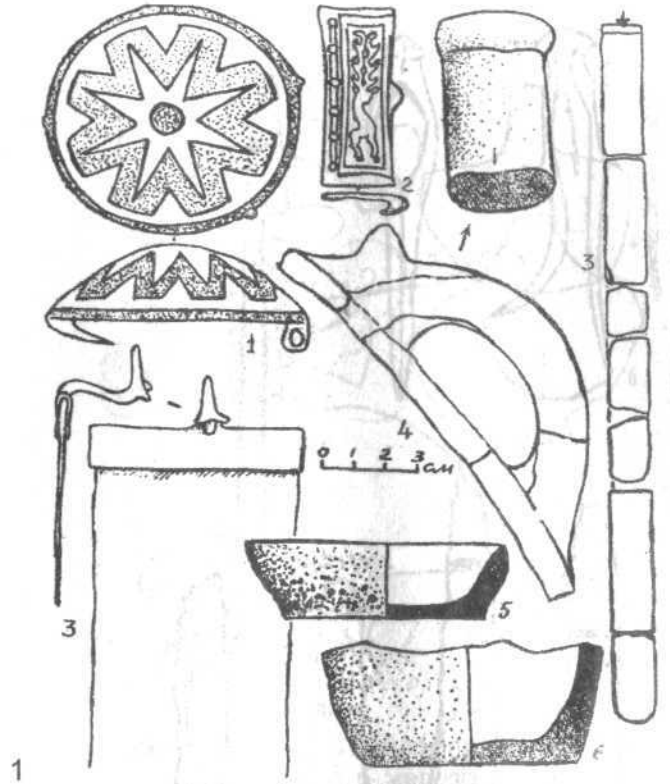
Красномаяцкий могильник. Инвентарь погребения № 43 (62). 1-3, 8, 9 - бронза; 4-7 - железо.

Рис. 12



Красномаякский могильник. инвентарь погребения № 91 (137). 1,2 сердлик; 3,4 бронза.

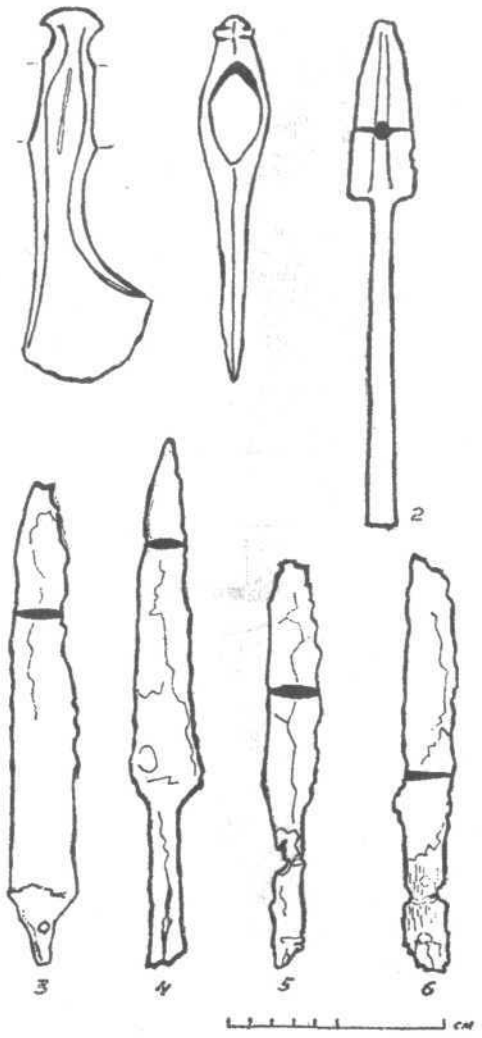
Рис. 13.



Ачадарское погребение.

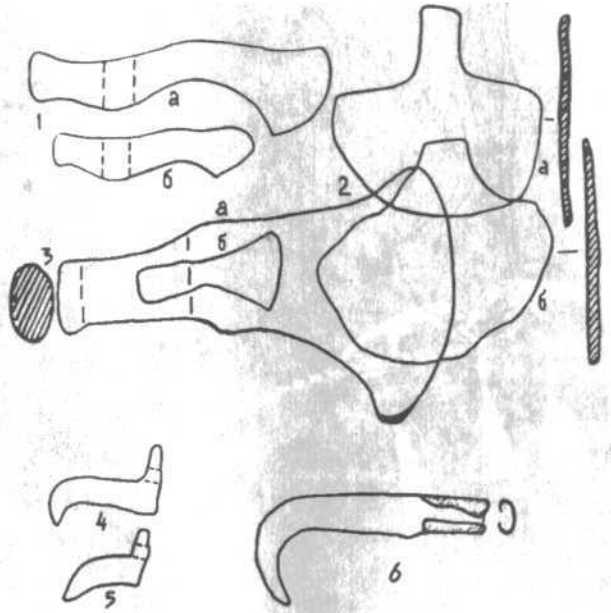
Рис. 14.

Красномаяцкий могильник. Погребение 31 (44). Остатки ткани.



Красномаяцкий могильник. Инвентарь погребения №63 (93). 1, 2 - бронза; 3-6 железо.

Рис. 15



1 - топоры погребальный комплекс; (Бомбора)
а - бронза; б- железо.
2 - Сегментовидные орудия; а - бронза (Гуадиху)
б- железо (Сухумская гора)
3 - топоры; а - бронза (Ачандара); б - железо (Гуадиху)
4-5- Цалды; железо (Сухумская гора).
6 - садоводческая "цалда" (Сухумская гора)

Рис. 16

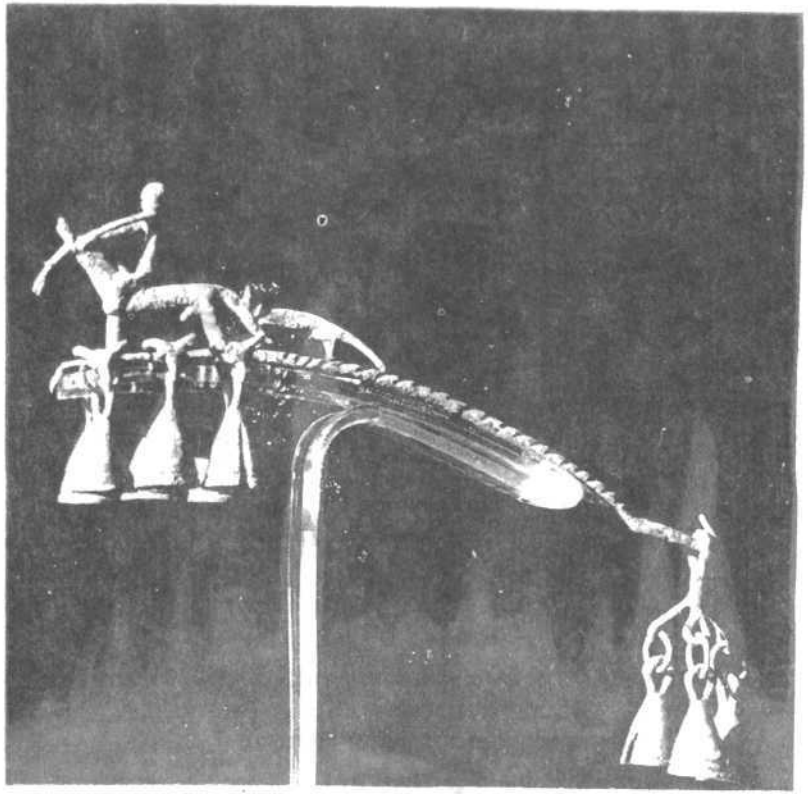
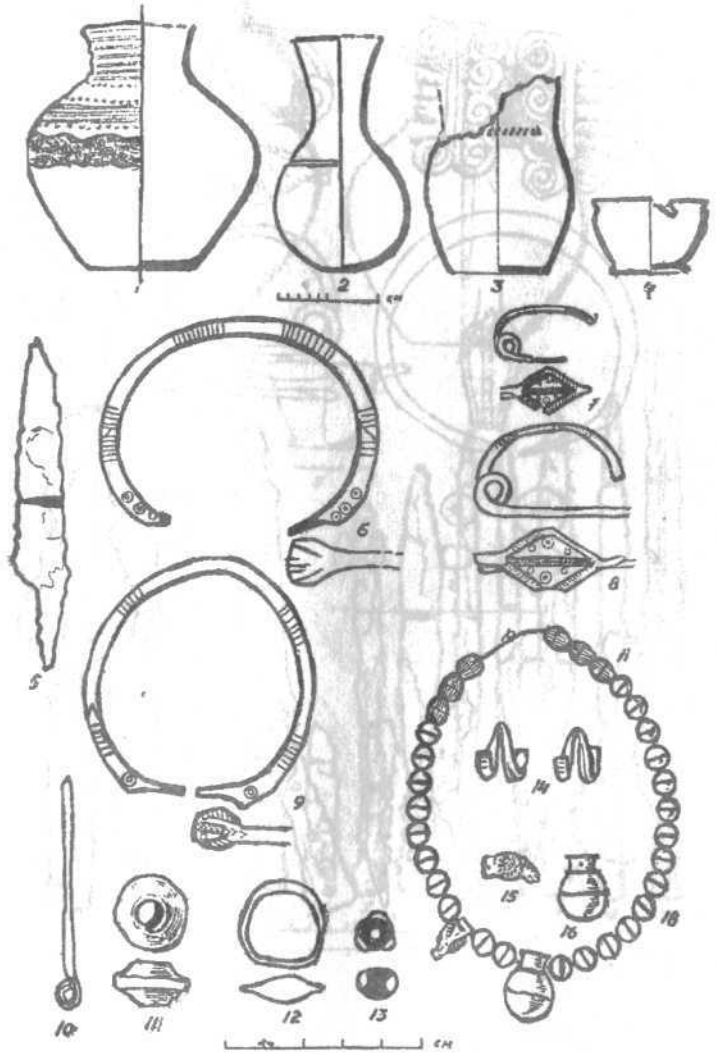
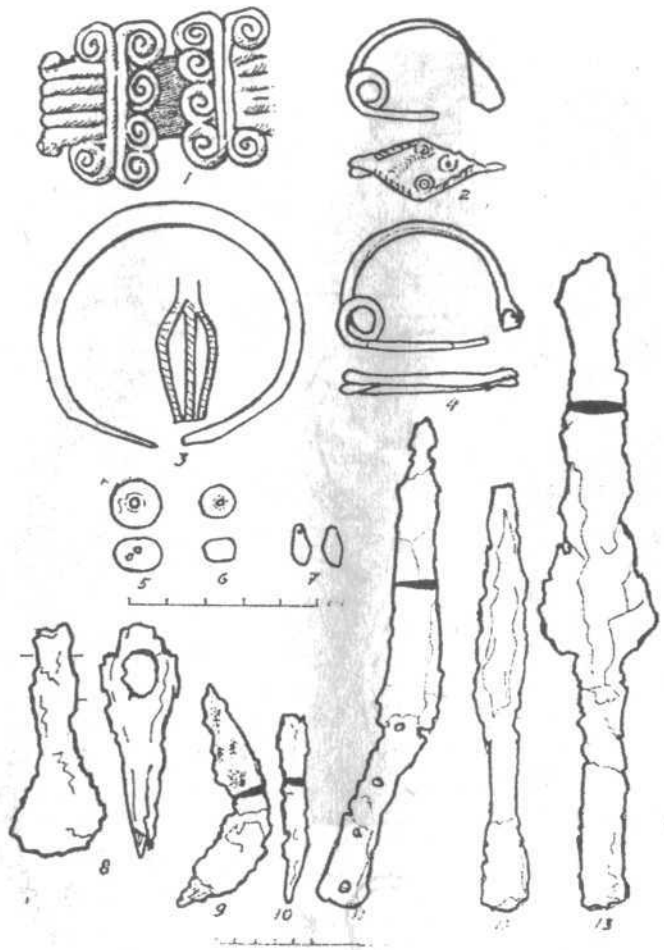


Рис. 17



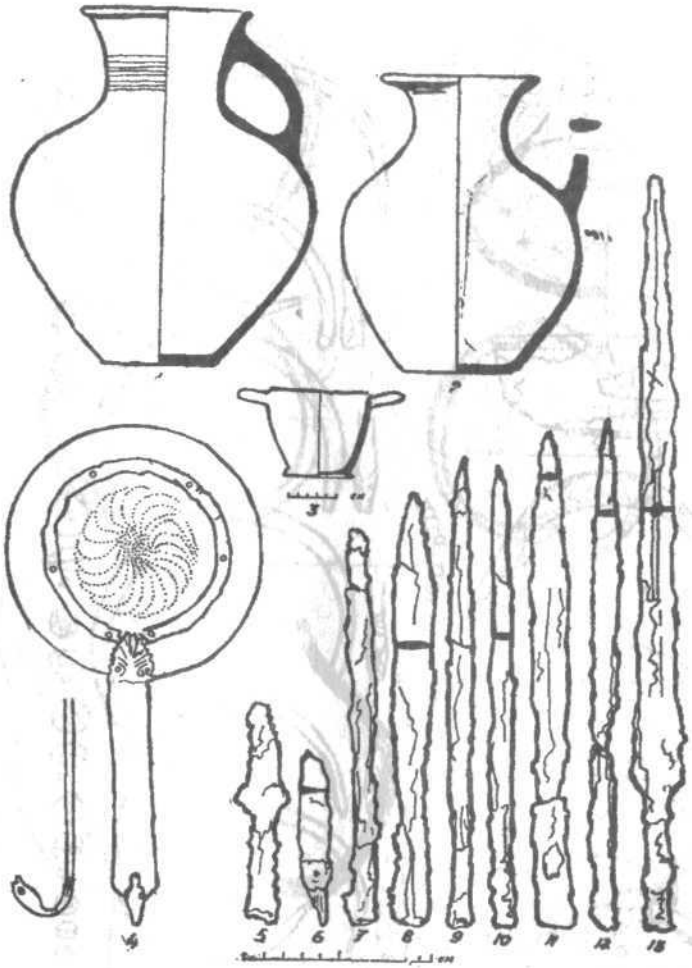
Красномаяцкий могильник. Младшая группа погребений V - II вв. до н.э. Погребение 12 (42). 1-3 - глина; 4 - черный лак; 5 - железо; 6, 8-10 - бронза; 7, 12 - серебро; 11 - свинец; 13 - паста; 14-18 - золото.

Рис. 18



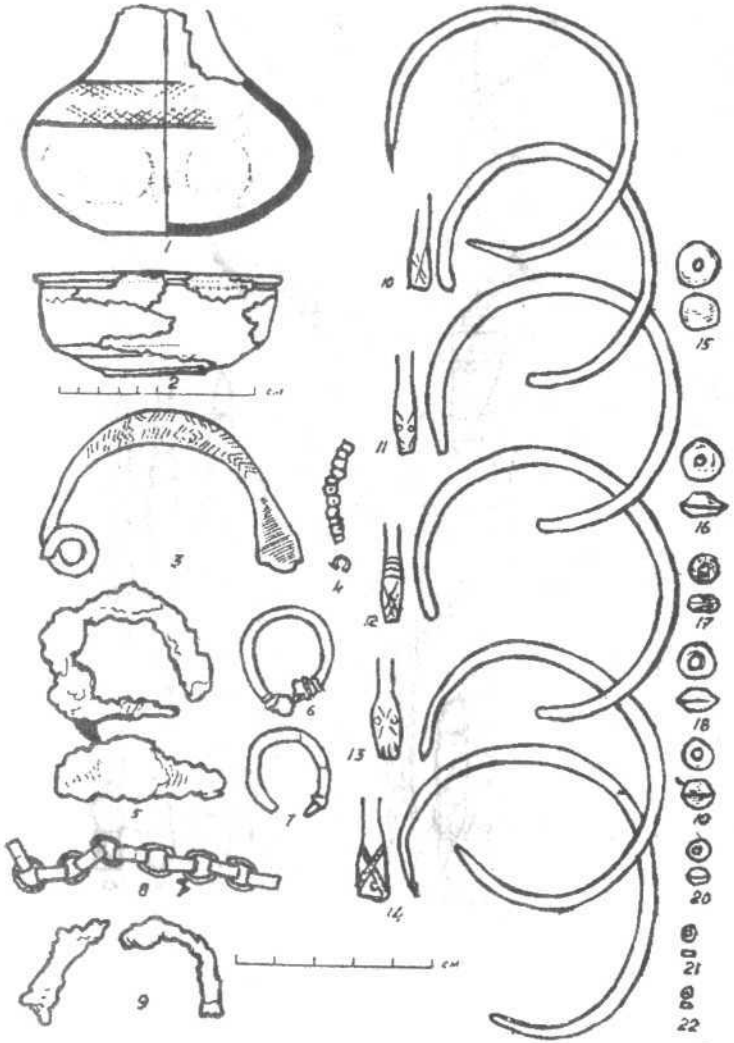
Могильник Красномаяцкий. Инвентарь погребения №4. 1-4 - бронза; 5-6 - стекло; 7 - янтарь; 8-13 - железо.

Рис.19



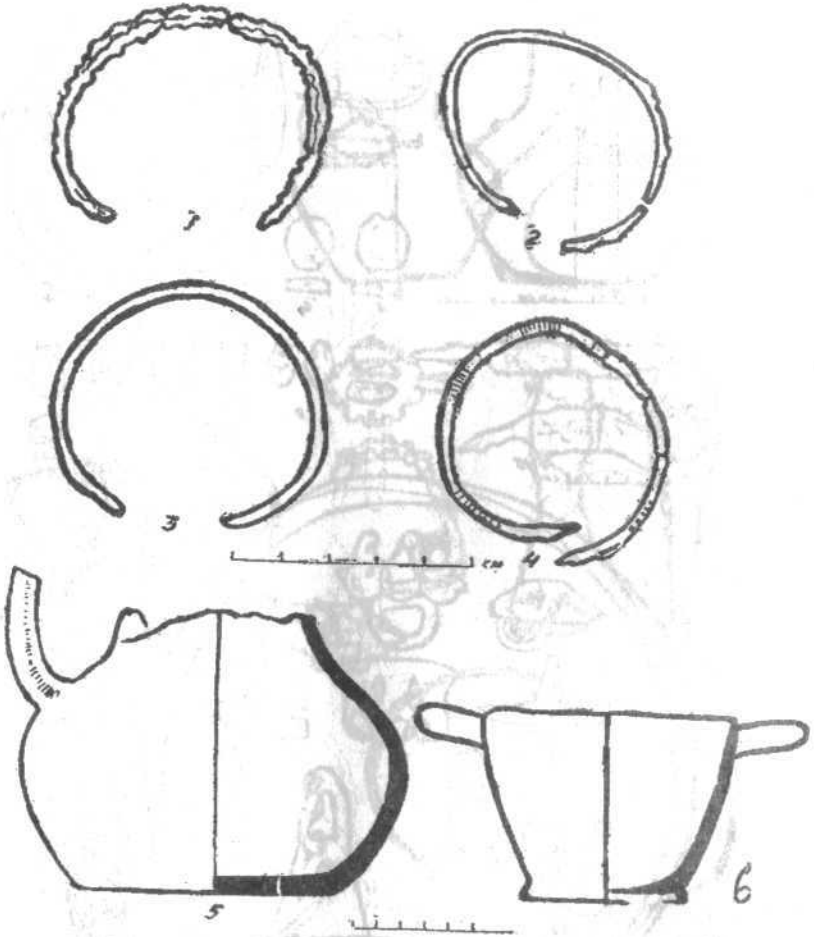
Красномаяцкий могильник. Младшая группа. Погребение 1 (12). 1-3 - глина; 4 - бронза; 5-13 - железо.

Рис.20



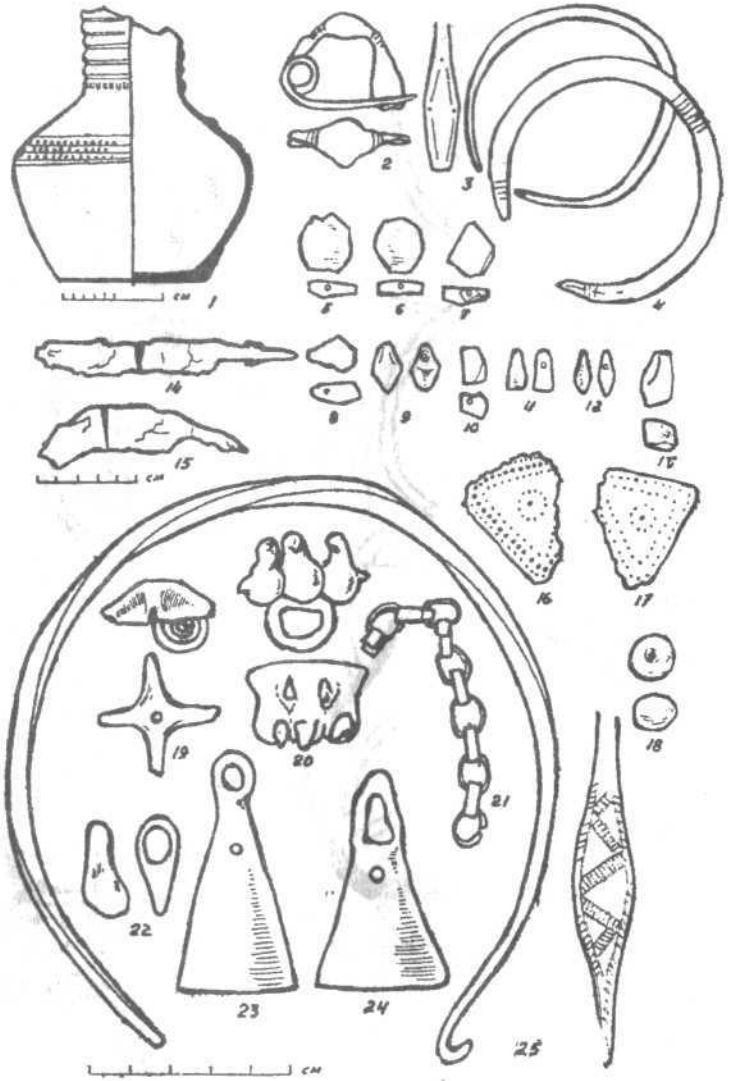
Красномаяцкий могильникю Инвентарь погребения № 26 (35). 1- глина; 2-4, 8, 10-14 - бронза; 5, 9 - железо; 6,7 - серебро; 15-22 стекло, сердолик.

Рис.21



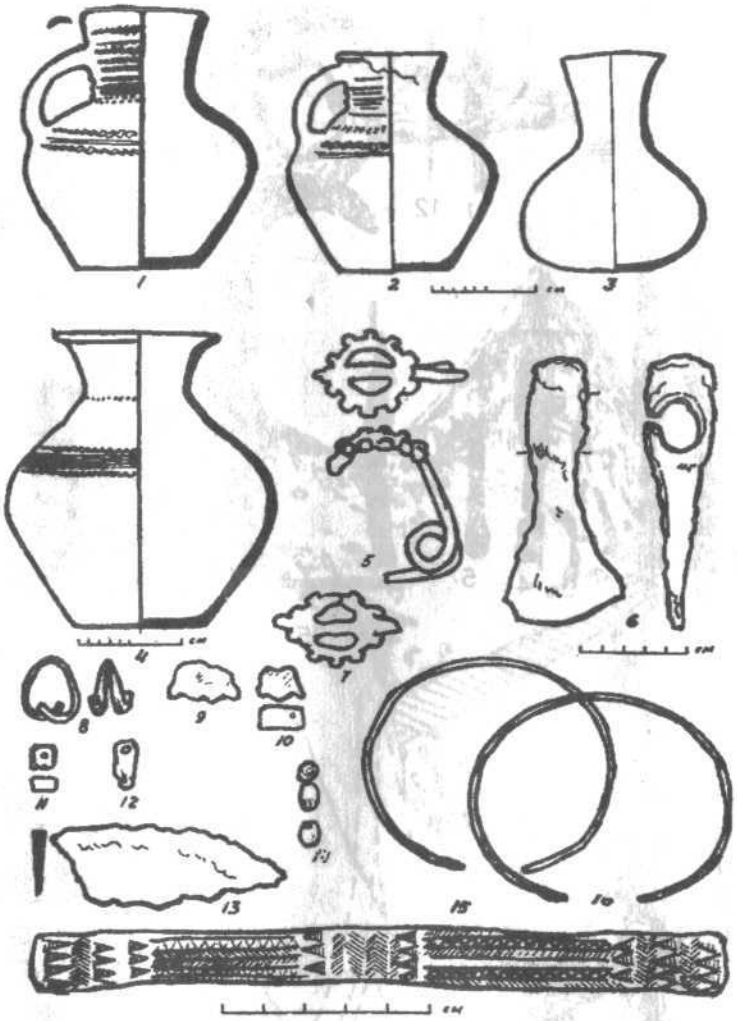
Красномаяцкий могильник. Младшая группа погребение V-II вв. до н.э. Погребение 6 (29). 1-4 - бронза; 5-глина; 6 - черный лак.

Рис.22



Красномаяцкий могильник. Инвентарь погребения № 21 (23). 1 - глина; 2-4, 16, 17, 19-25 - бронза; 5-13 - янтарь; 14, 15 - железо; 18 - сердолик.

Рис. 23



Красномаяцкий могильник. инвентарь погребения № 38 (55). 1 -4 - глина; 5,7,8,15, 16 - бронза; 6, 13 - железо; 9-12, 14 - сердолик, стекло, янтарь.

Рис. 24

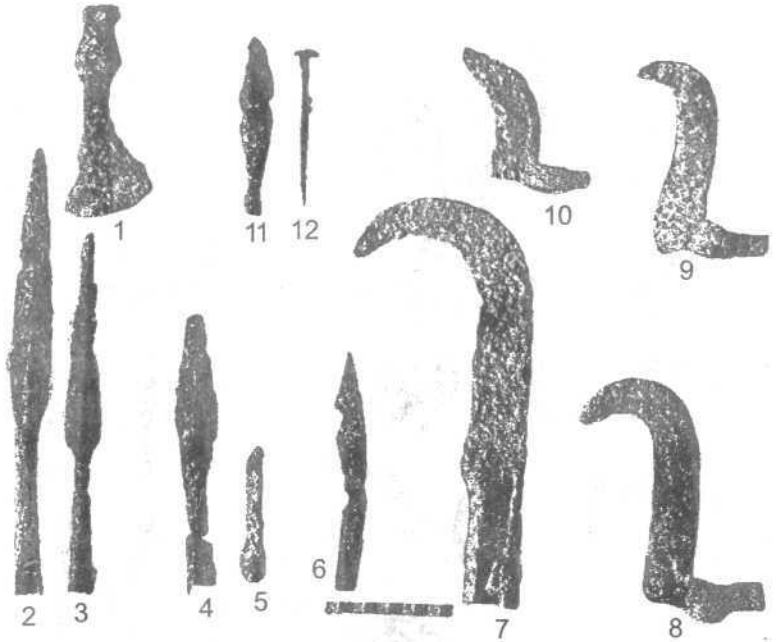


Рис. 25

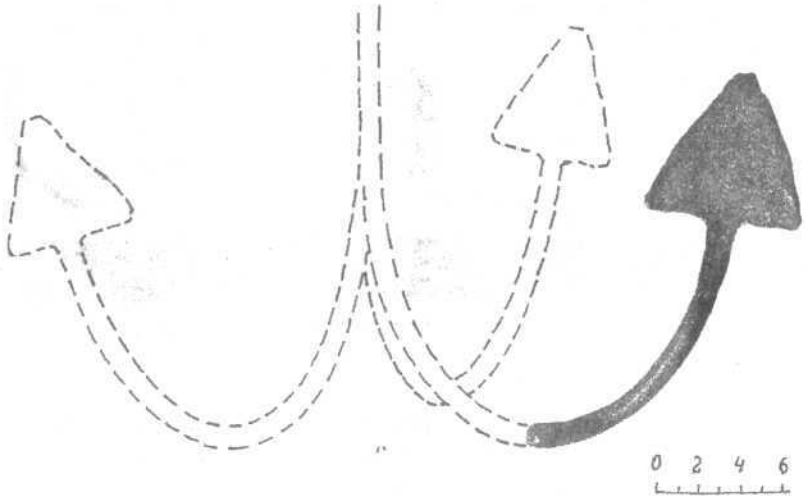


Рис. 26

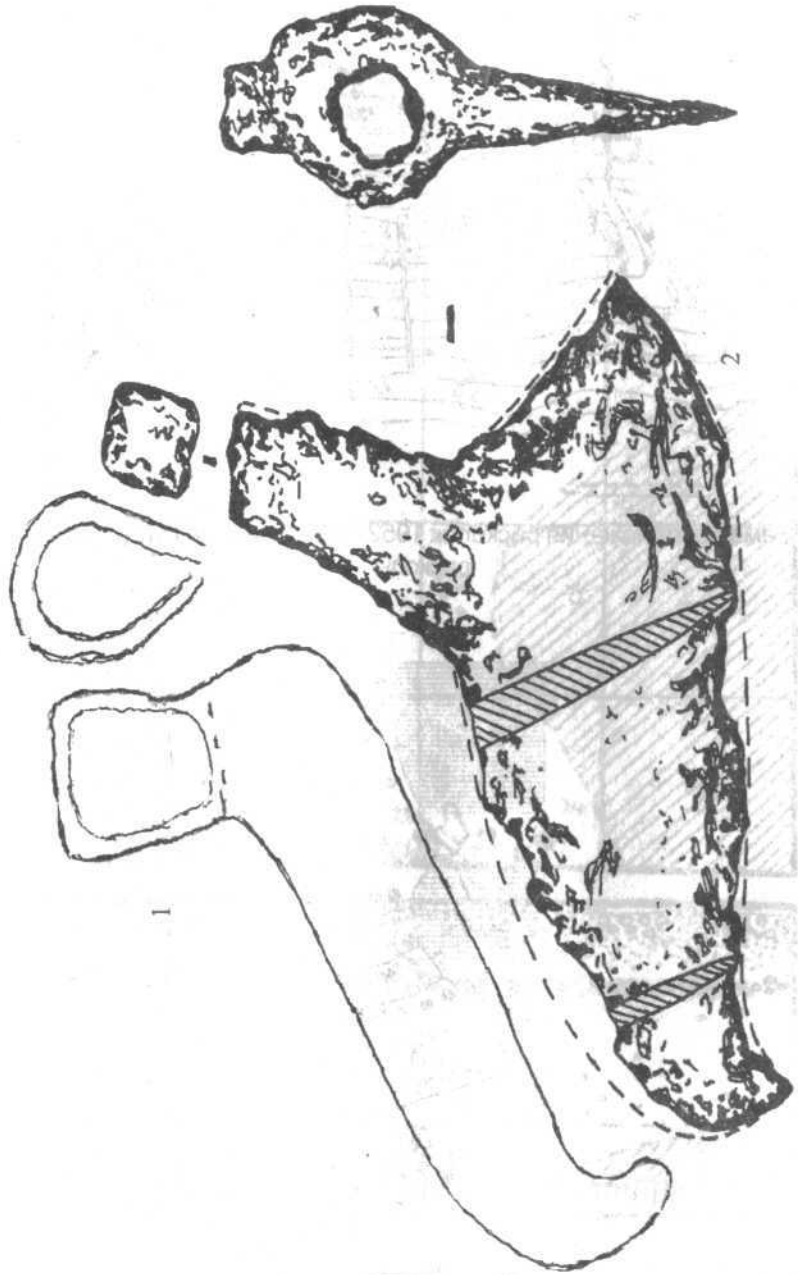


Рис. 27

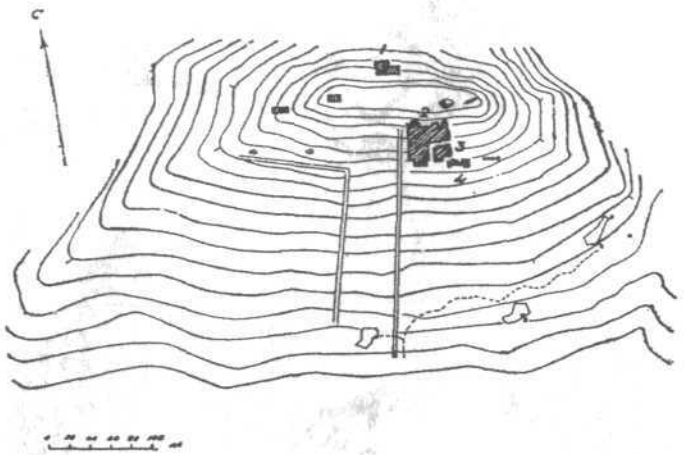
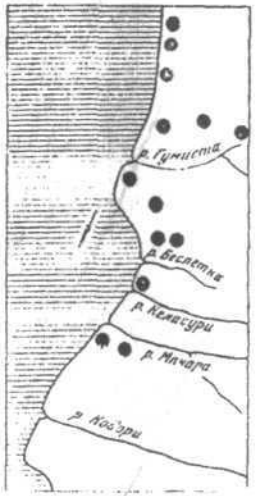


Схема расположения раскопок 1952-1953 г. на горе Гуадиху. 1-4 раскопы

1



2

Рис. 28

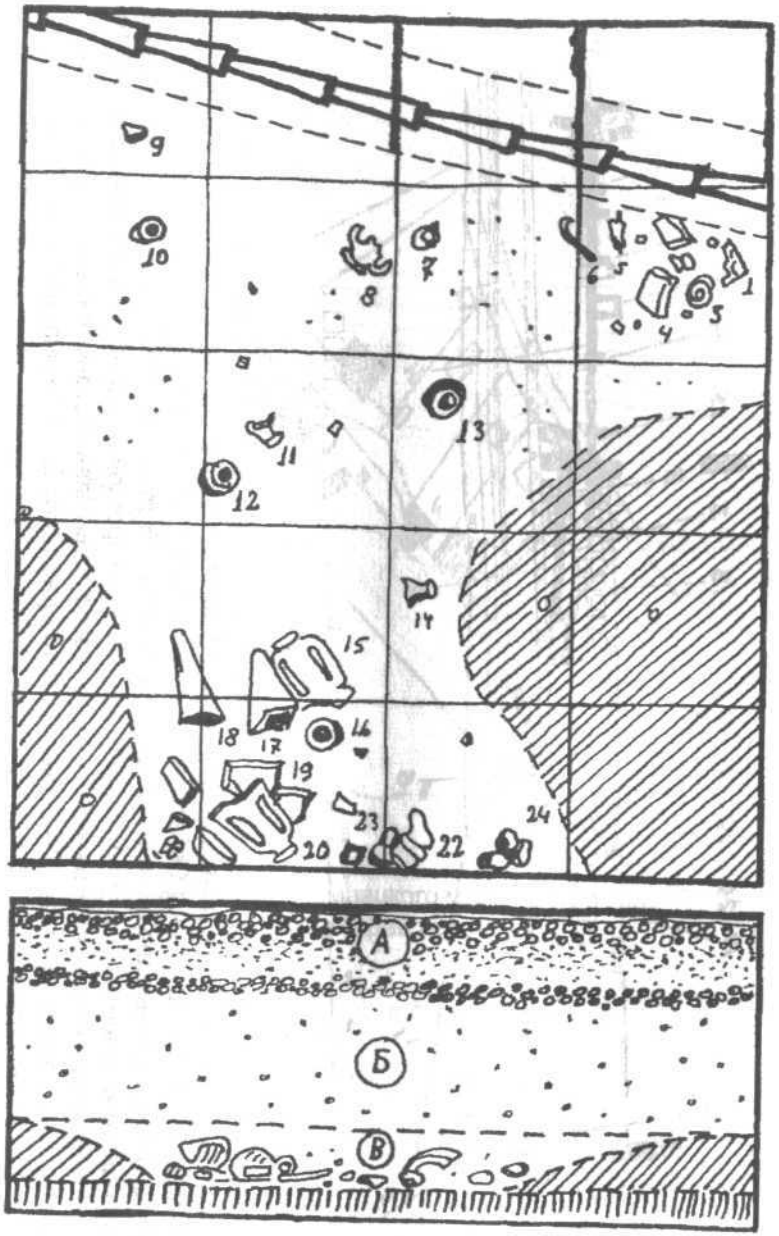
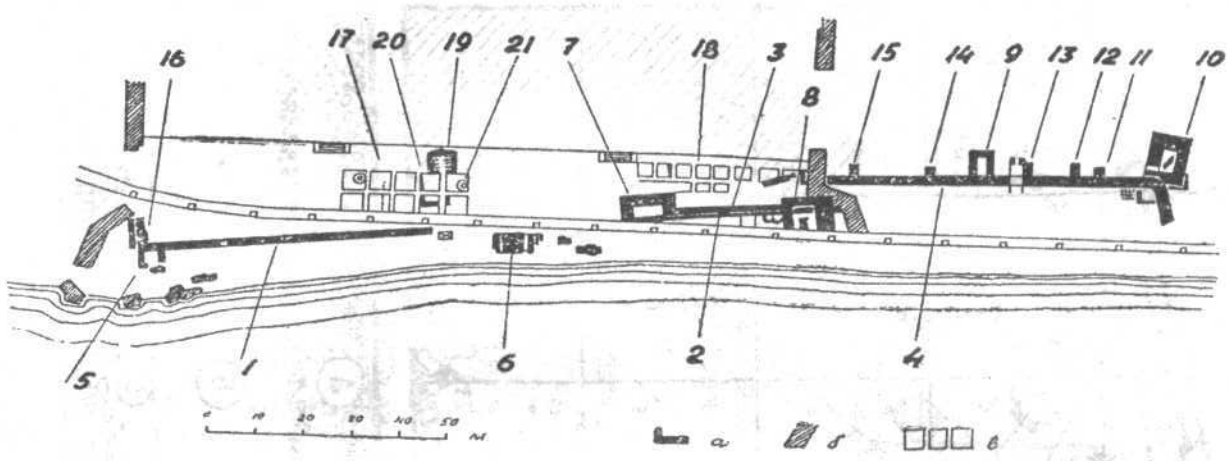
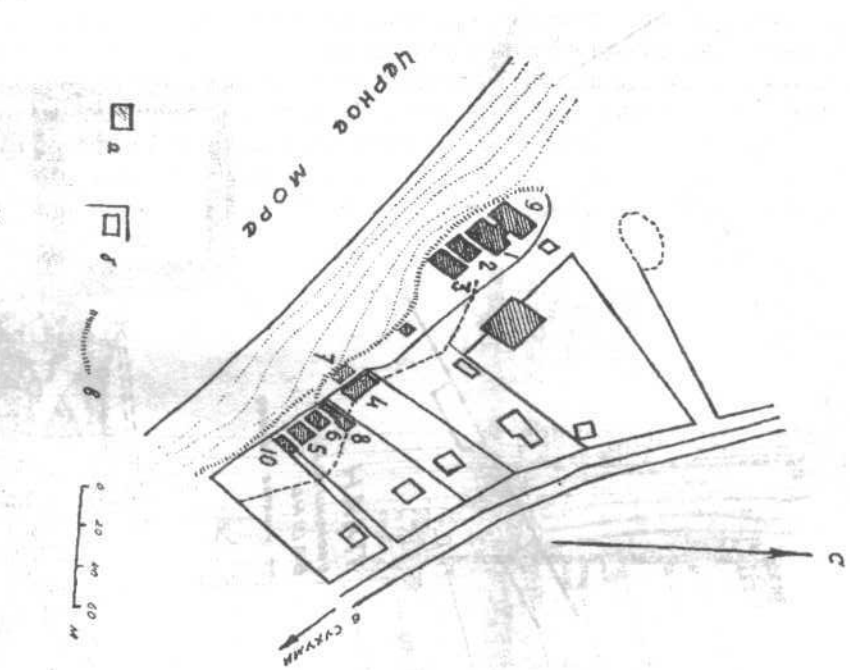


Рис. 29



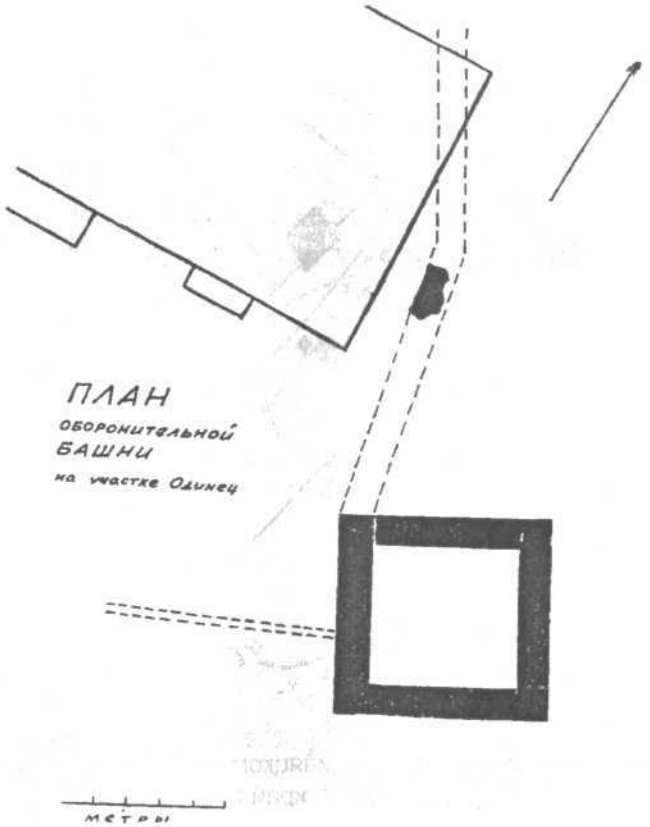
Схематический план исследованного района в Сухумской крепости с расположением комплекса оборонительных сооружений и других памятников Себастополиса (по материалам Л.Н. Соловьева, Л.А. Шервашидзе, М. М. Трапш) стены Себастополиса; б) - стены турецкой крепости; в) - раскоп 1959 г. 1-2 - фрагменты главной стены заподного укрепления; 3, 4 - стены восточного укрепления; 5-6 - башни главной стены заподного укрепления; 7-8 - башнеобразные выступы короткой стены восточного укрепления; 9-10 - башни главной стены восточного укрепления; 11-15 - котрфорсы главной стены восточного укрепления; 16- фрагменты стены начала VI в.н.э.; 17 - раскоп № 1; 18 - раскоп № 3; 19 - гончарная печь; 20 - части стен жилого здания; 21 - колодец.

Рис. 30



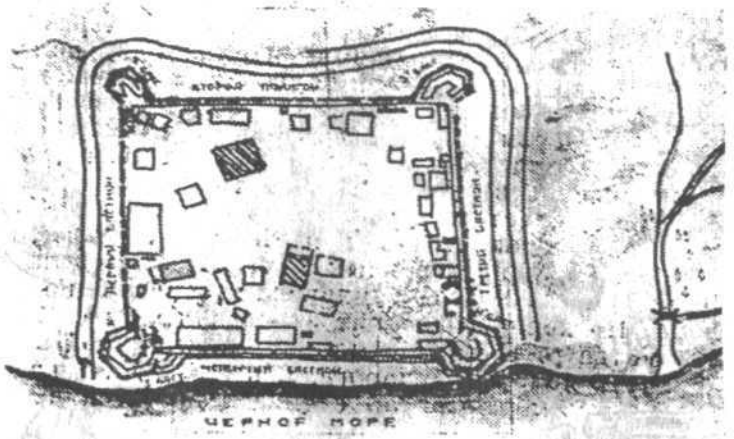
План расположения Красномаяцкого могильника. - раскоп; б - усадьба; в - край террасы

Рис. 31

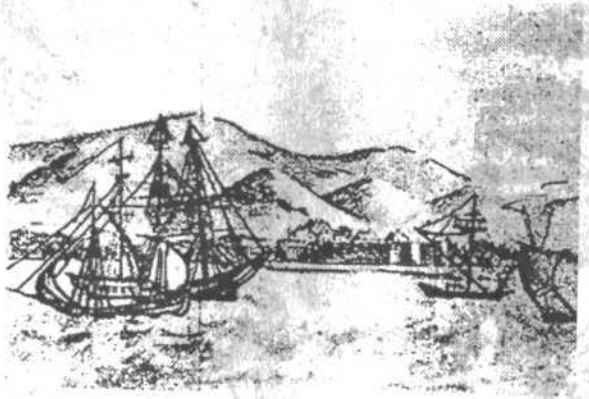


План оборонительной башни на участке Одинец.

Рис. 32



1.



2

Рис. 33

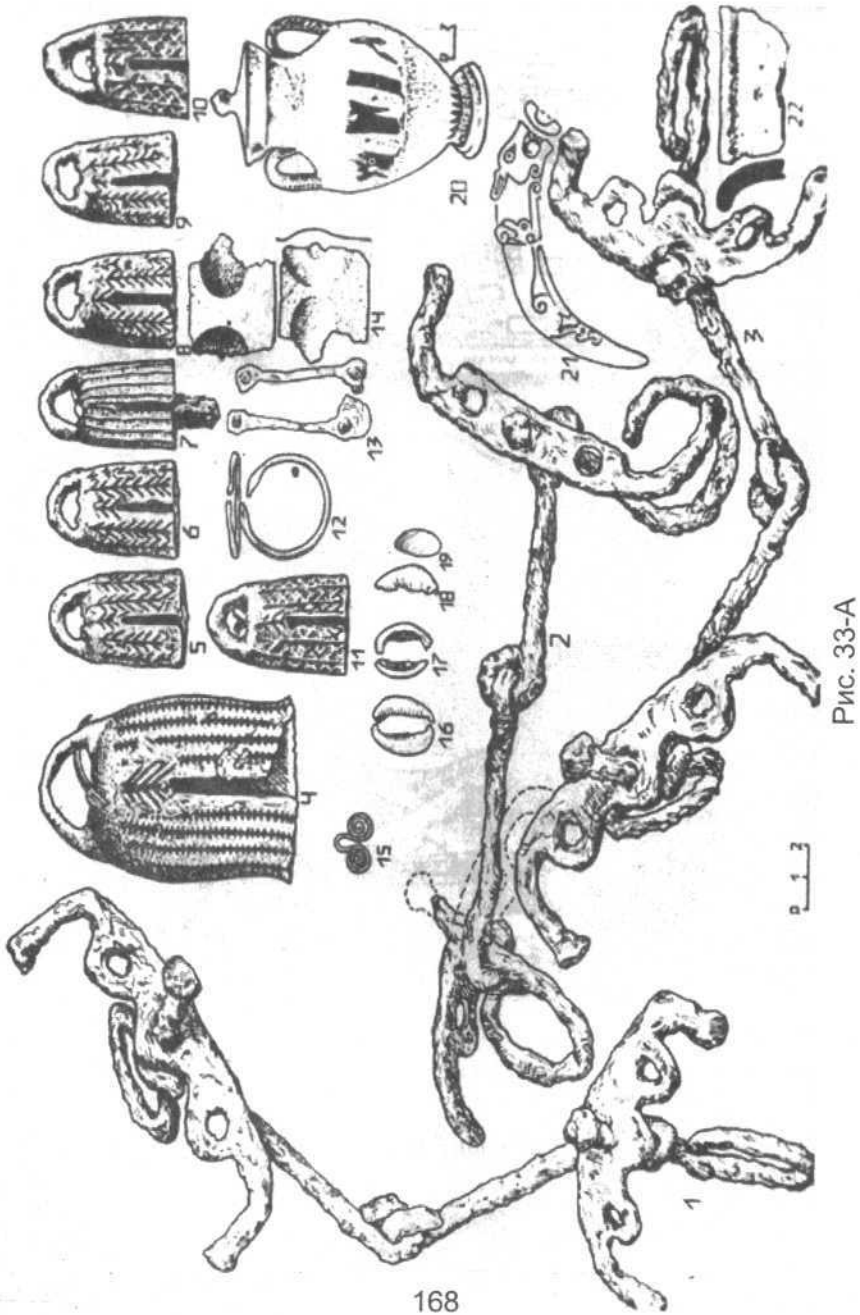


Рис. 33-А

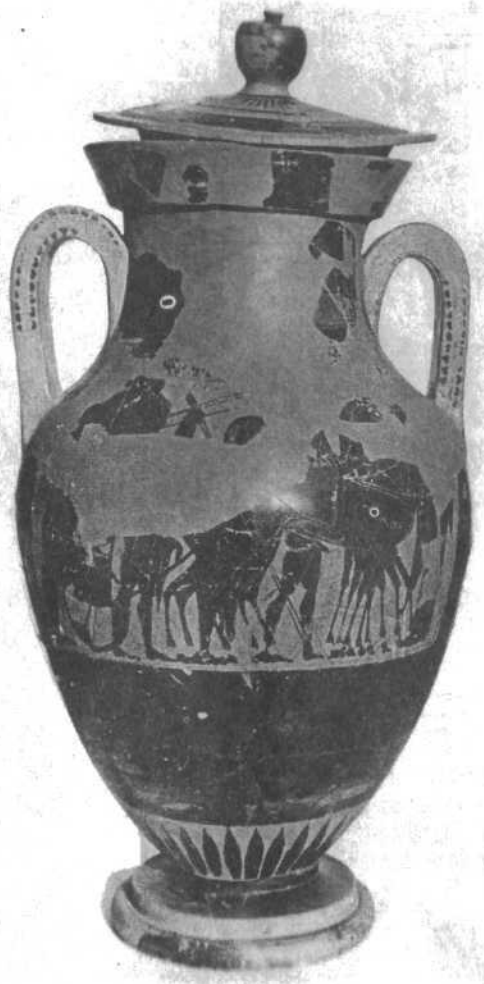
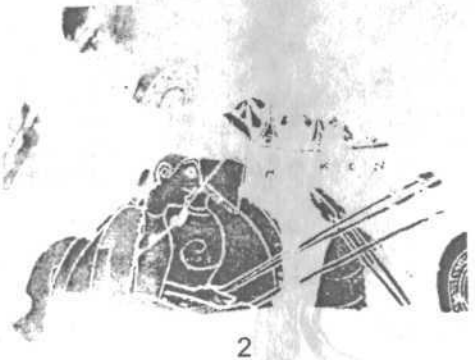


Рис. 33-Б

1

Чернофигурная амфора а -Дионис с менадами и сатирами; б - воины с колесницей



2

Надпись на амфоре

Рис. 33-В.

Рис. 33-Г

Рис. 33-Д

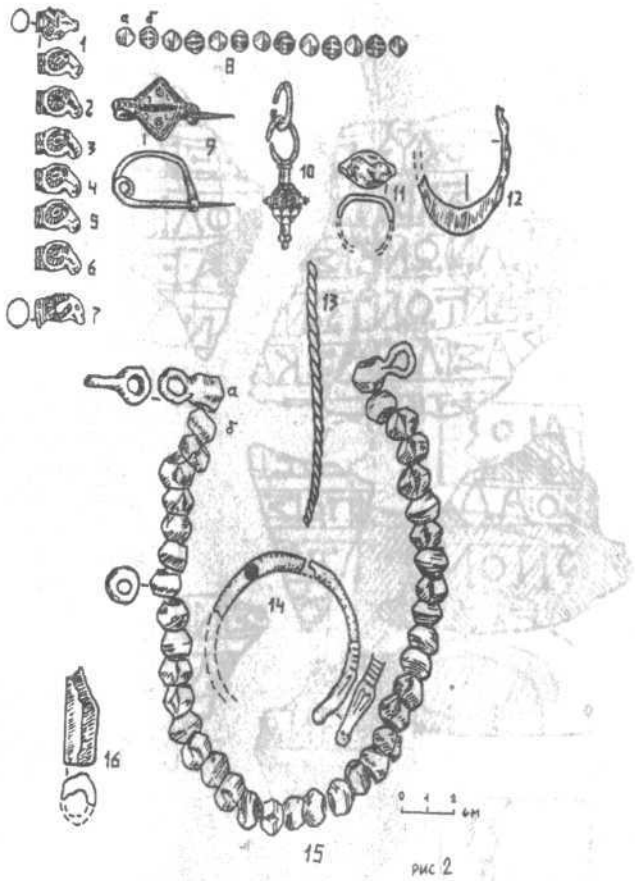


Рис. 34

Рис. 35

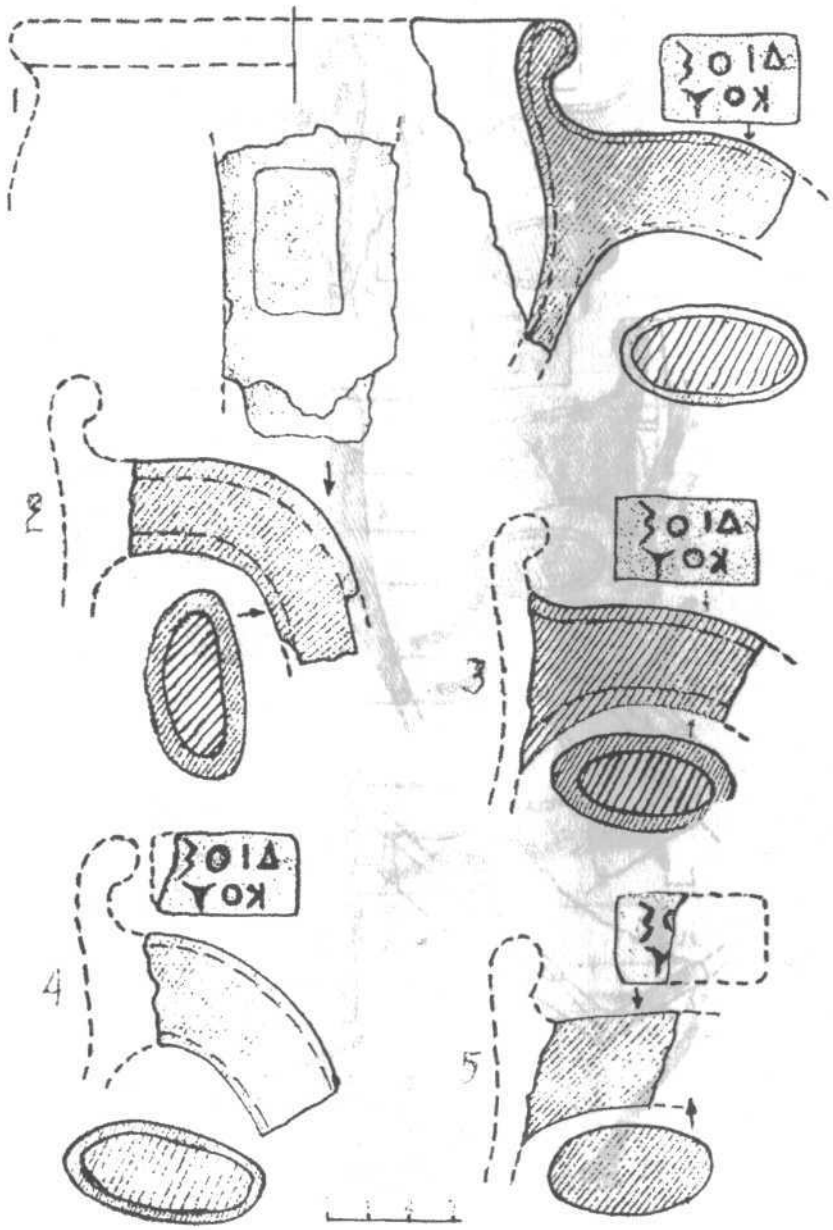


Рис. 36.

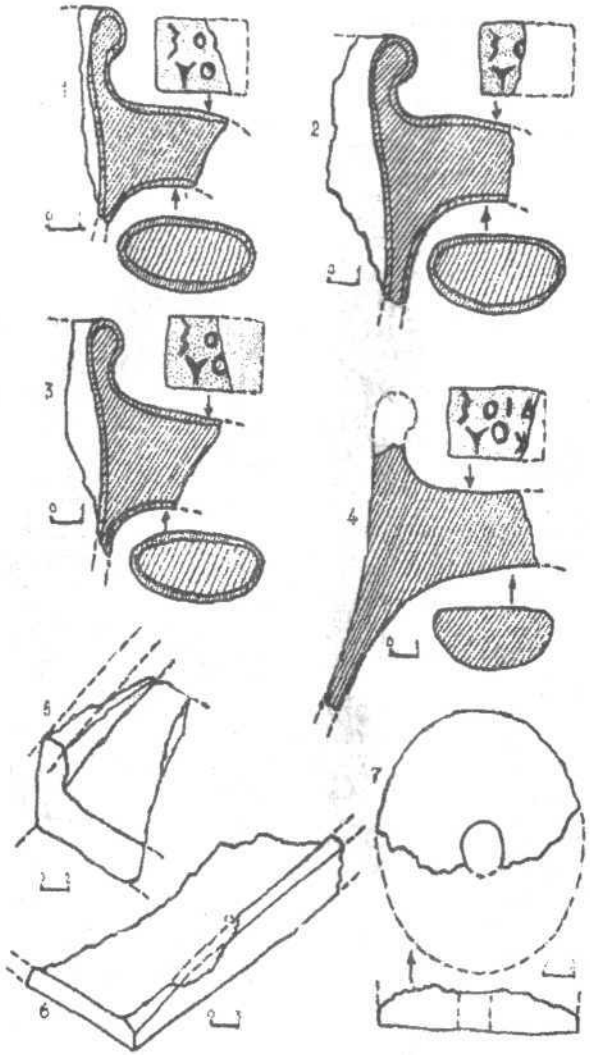


Рис. 37

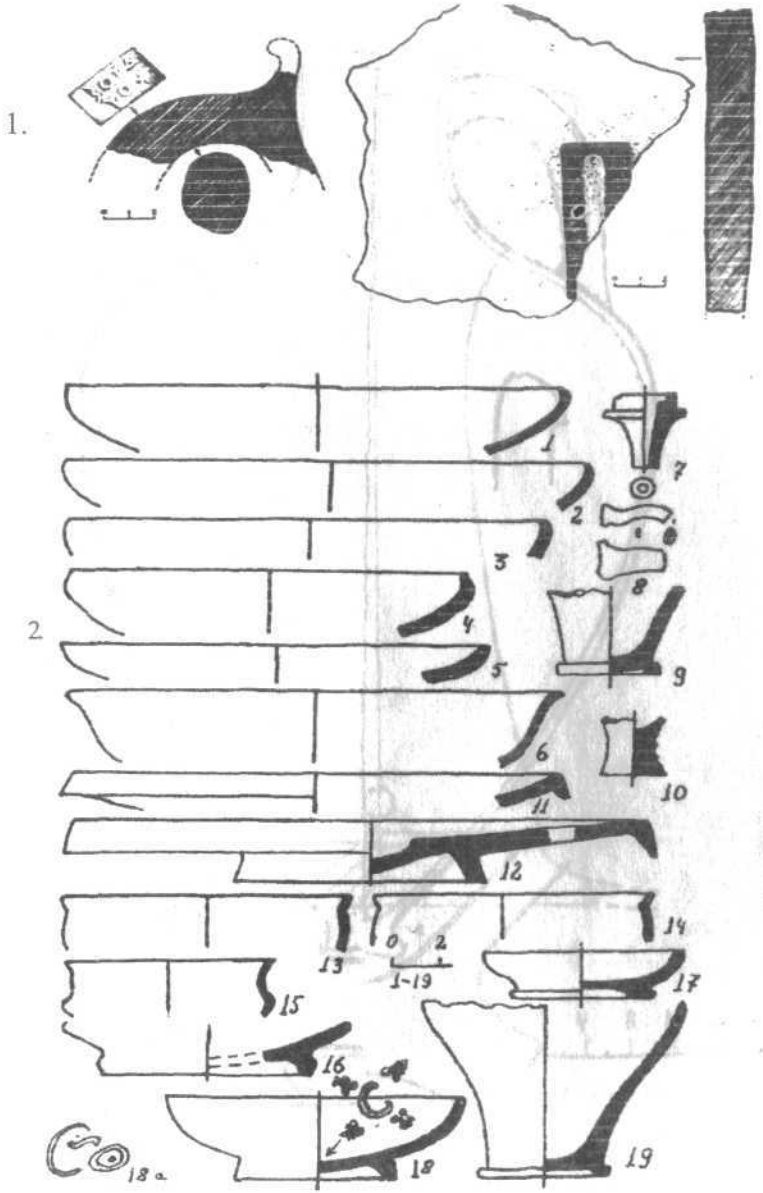


Рис. 37-А

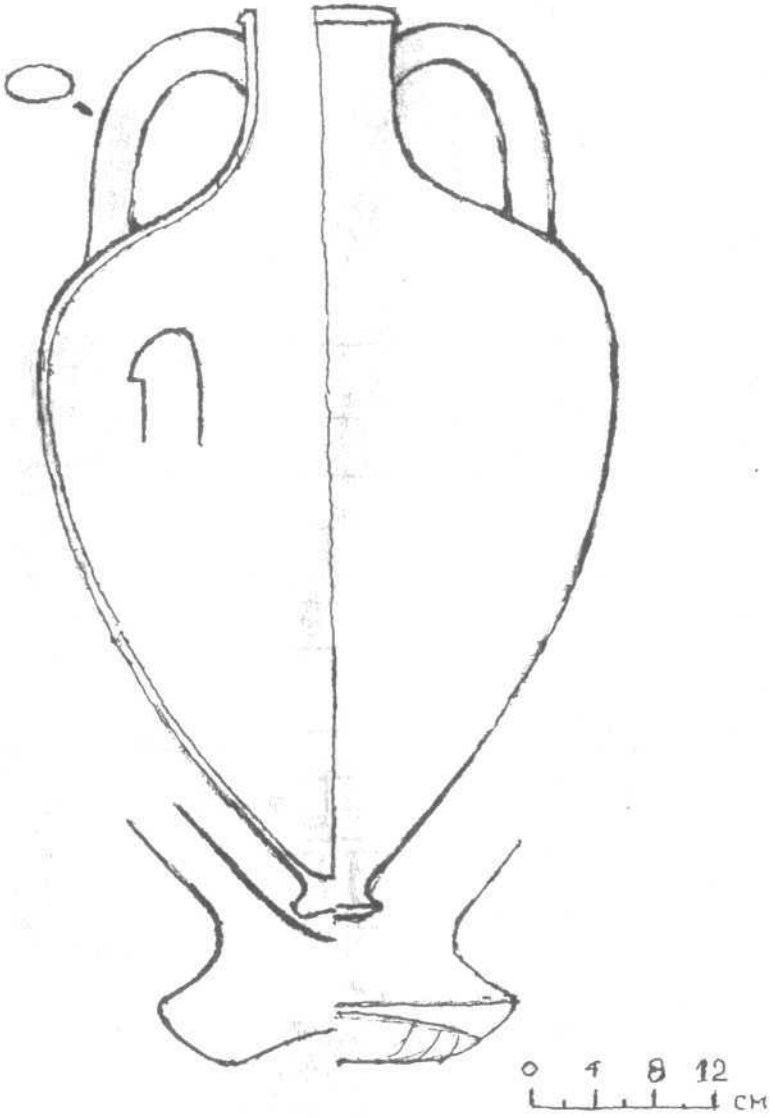


Рис. 37-Б

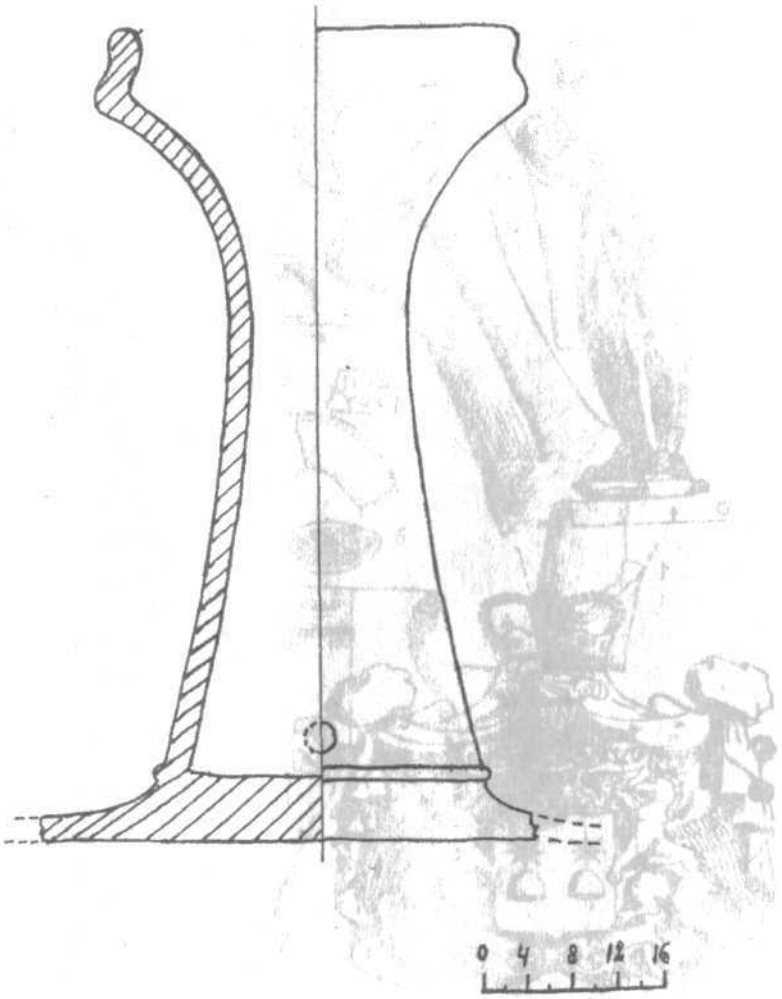
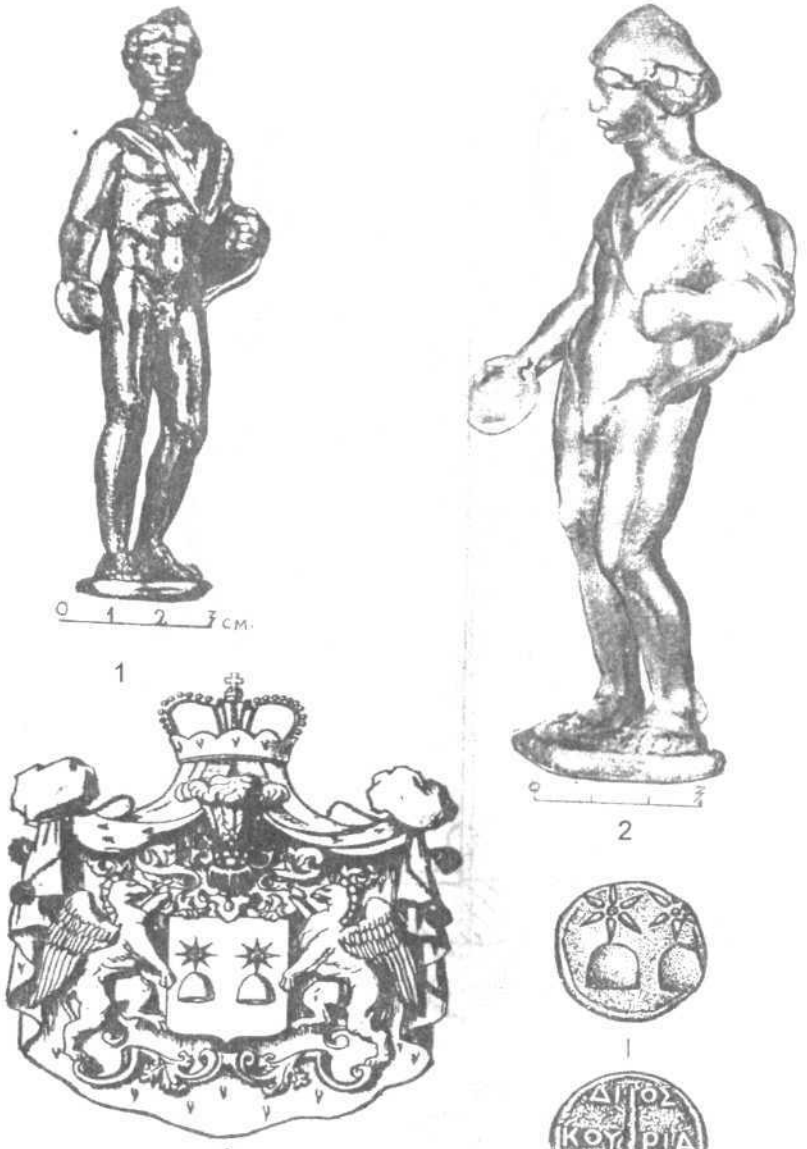


Рис. 37-В



Аҳцәа Чачбаа рабшьҭра агерб, 1895 ишьақәырҕәҕәаз. (ЧГИА СССР аф. 1343, 49-тэи аҭаҿра, ад. 103, аҵәахзаҵә № 1932)

Рис. 38

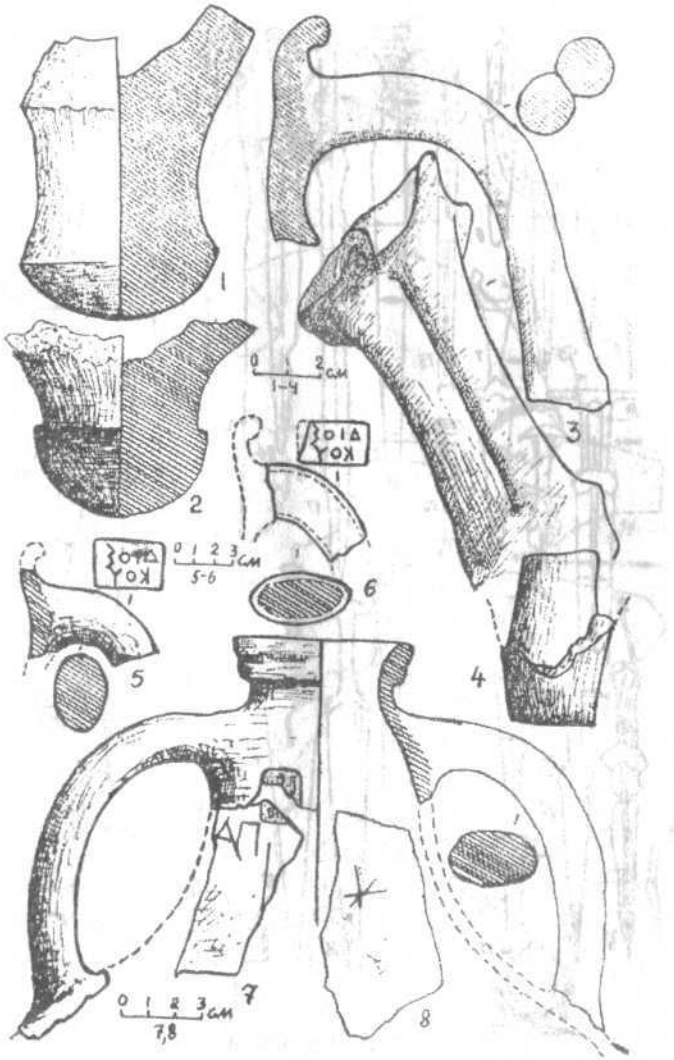
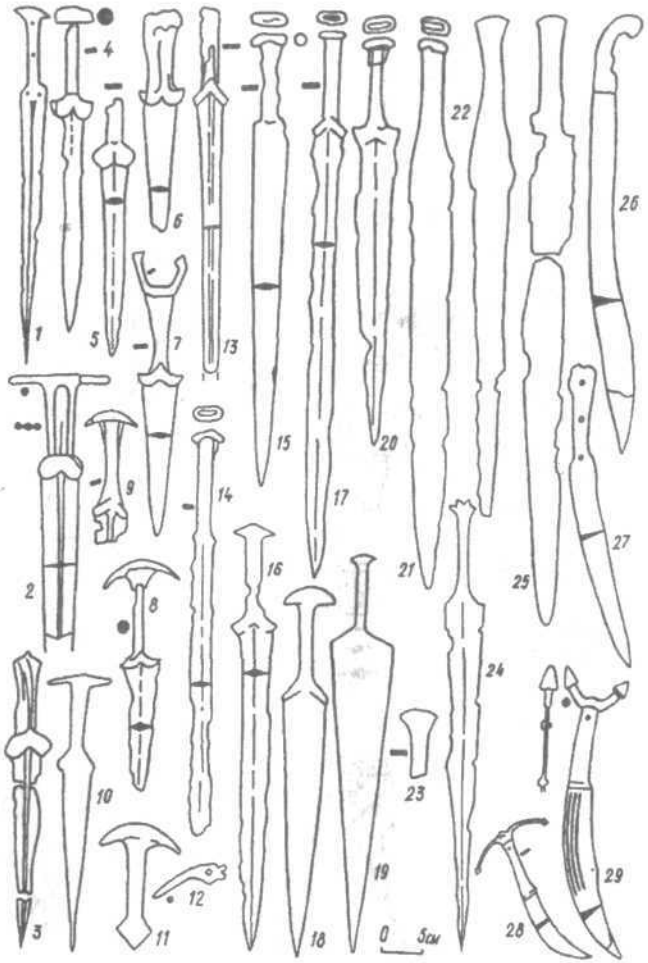


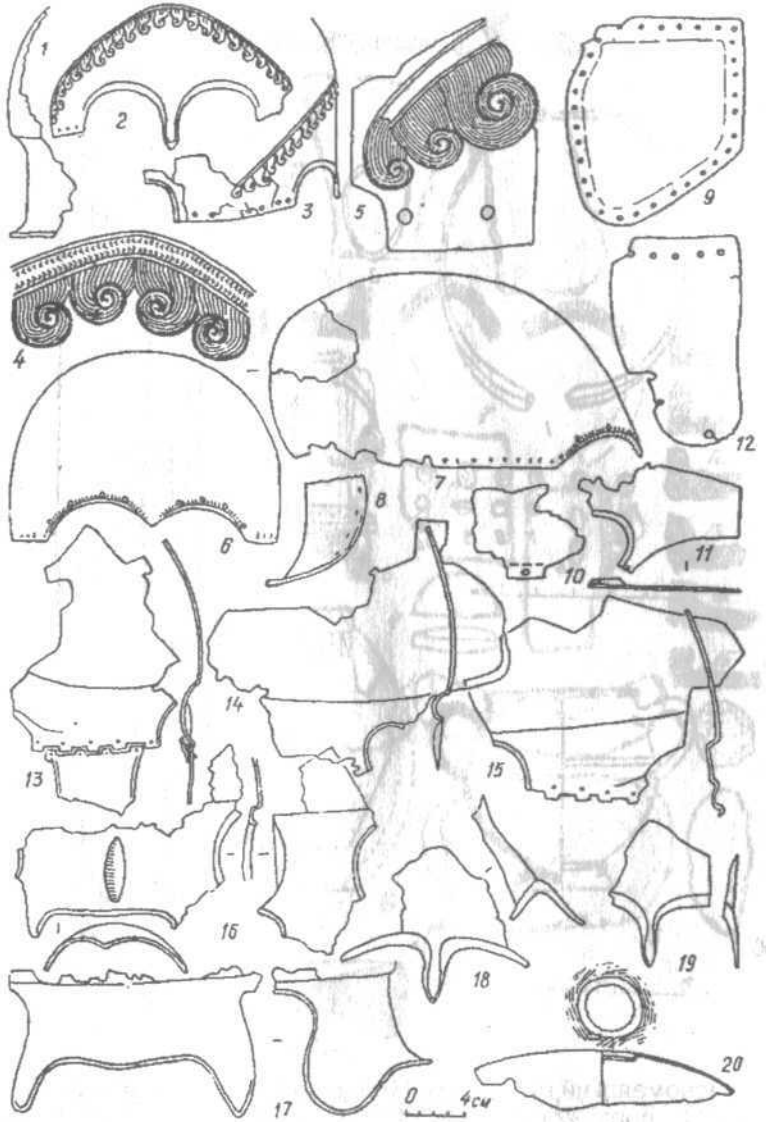
Рис. 39



Мечи и кинжалы

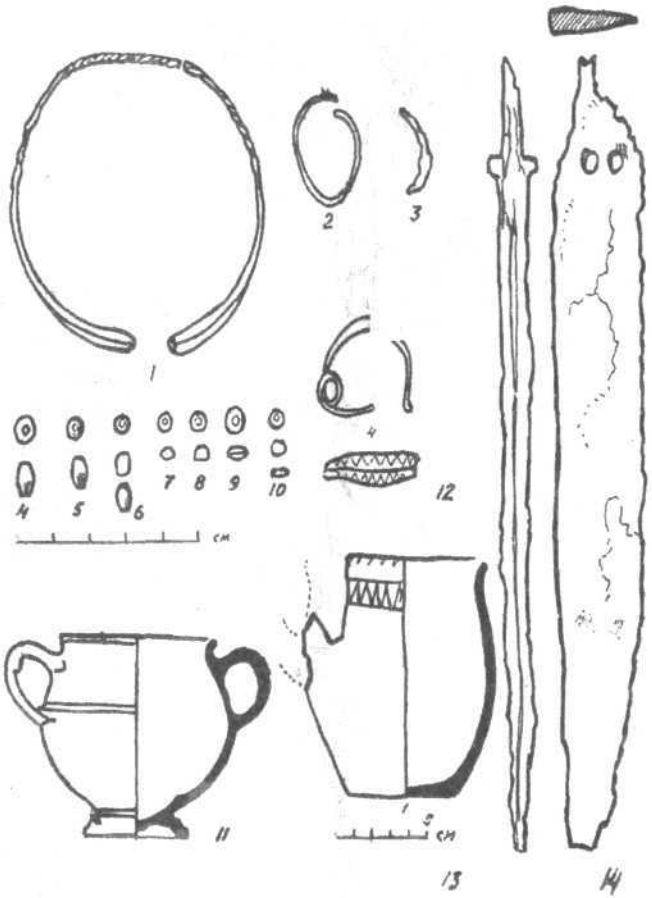
1 - Куланурхва; *2,10*- Гульрипш; 3 - Колхида; *4* - Новый Афон; 5- Чобанлук; *6,15, 21* - Гуади-иху; *7,16,17,19, 20,* 22 - Сухумская гора; 8, *13* - Сухуми; *9,18,23, 27* - Бомбора; *12* -Мачара; *14, 17,24*- Хипста; *25* - Алексеевское ущелье; *28,29*- Нижняя Эшера.

Рис. 39-А



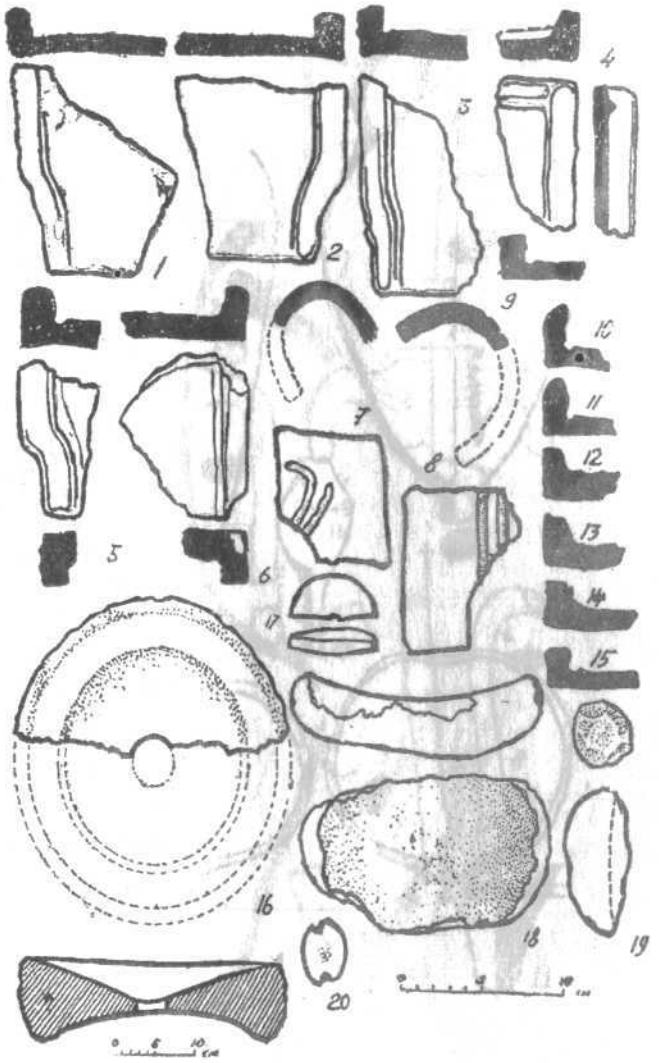
Шлемы:
1-12 - Эшерское городище; *13* - *20* - устье р. КЕласури

Рис. 39-Б



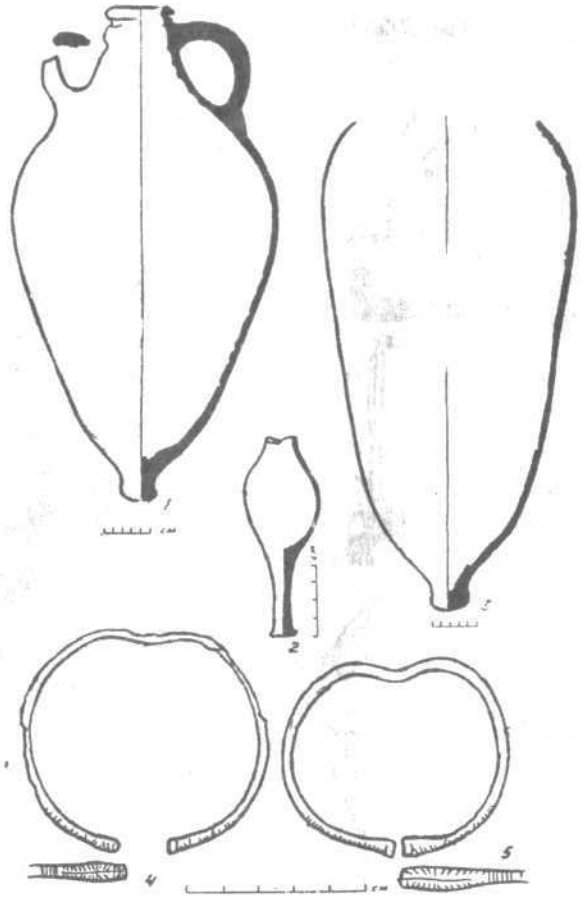
Красномаяцкий могильник. Младшая группа погребений III-II вв. до н. э. 1-11 - погр. 32 (113); 12, 14 - погр. 3 (26): 13 - погр. 27 (98); 1,4 - бронза; 2 -3 - серебро; 4 - 6 - сердолик; 7,8 - паста; 9, 10 - стекло; 11 - бурый лак.

Рис. 40



Башня Одынец, строительные материалы (1-15) и предметы быта (16-20). 1-17 - глина; 18-20 - камень.

Рис. 41



Красномаяцкий **могильник. Младшая** группа погребений III-II вв. до.н.э. Погребение 39 (150). 1- 3 - глина. 4 - 5 бронза.

Рис. 42

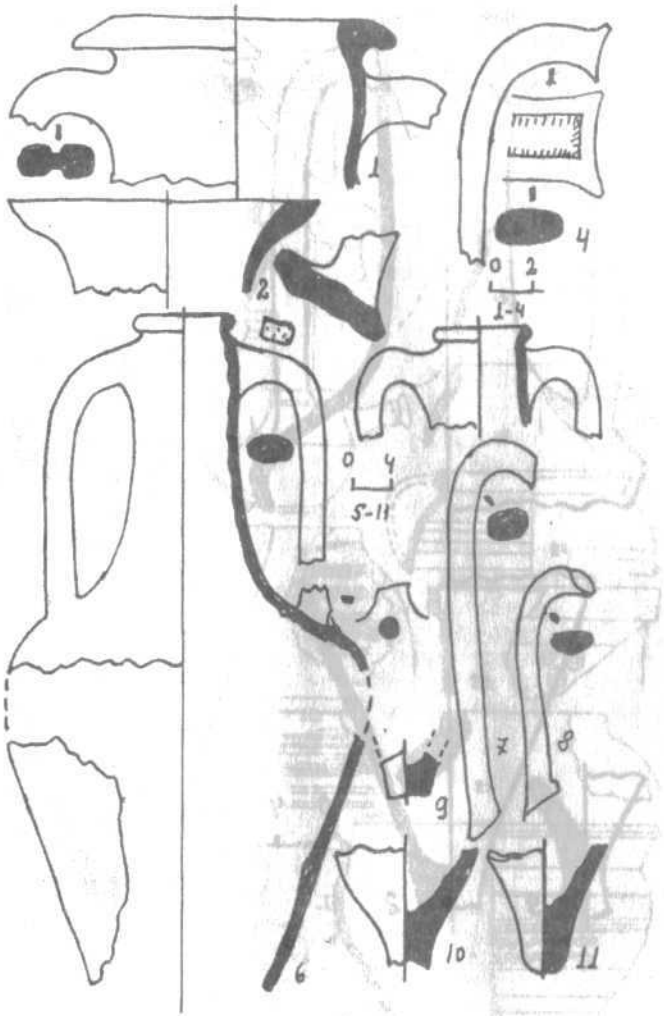


Рис. 43

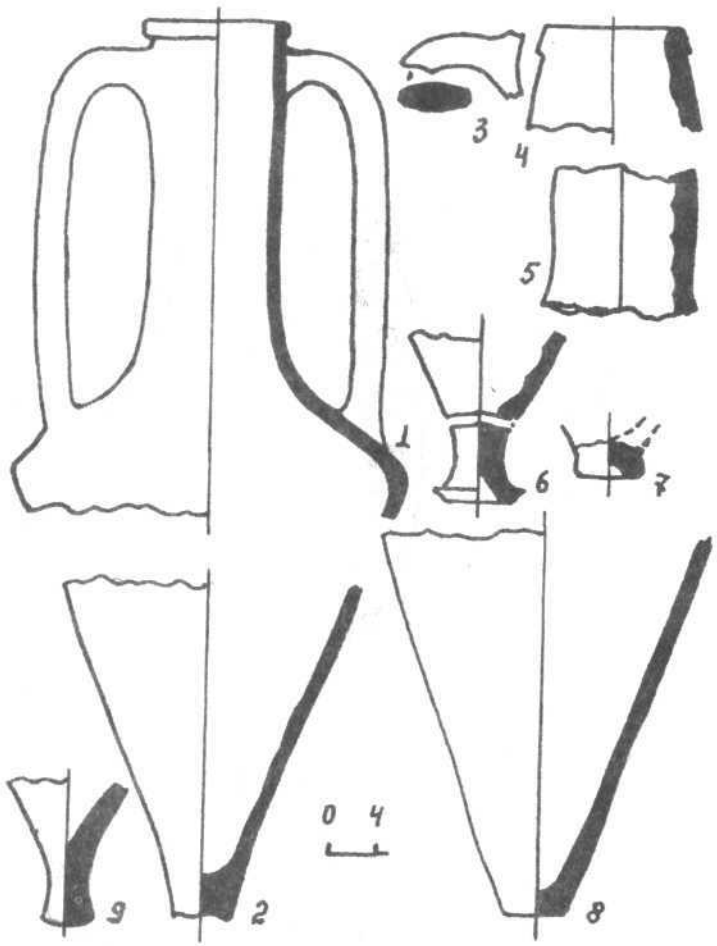


Рис. 44

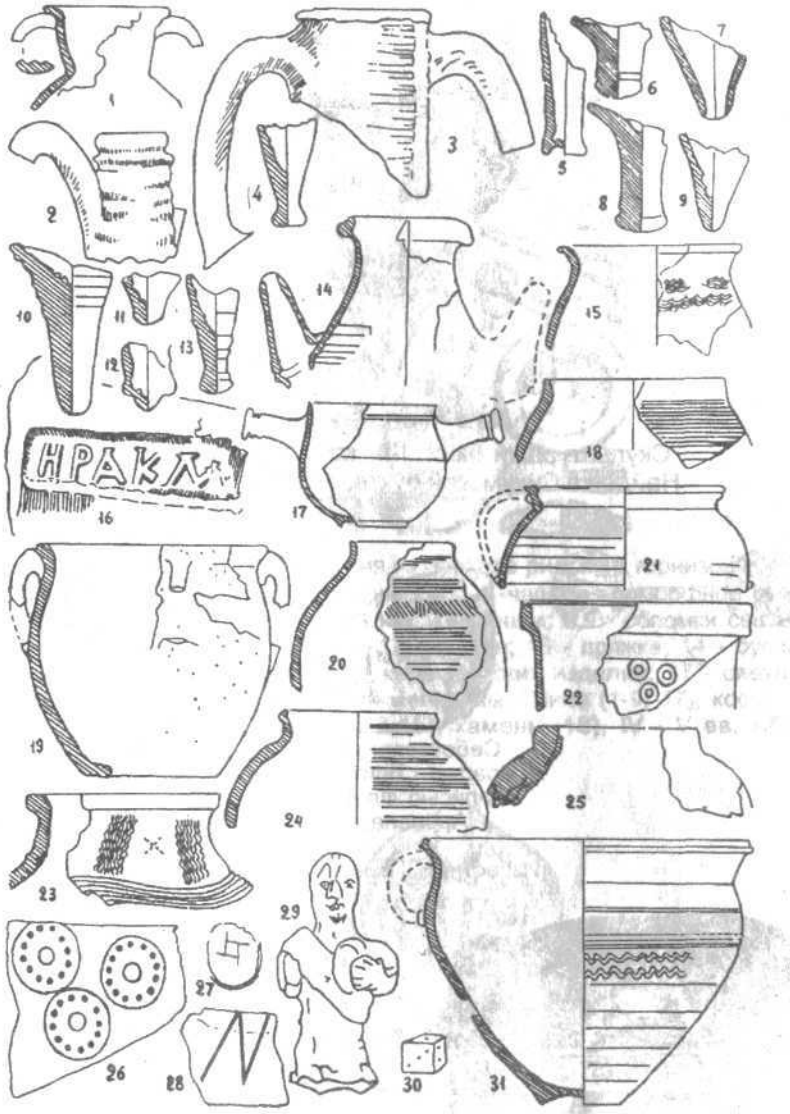


Рис. 45

Скульптурный бюст. I-II **вв.** н.э. **из известняка. Найден в Сухумской** бухте, **в 1953 г.**

1

2

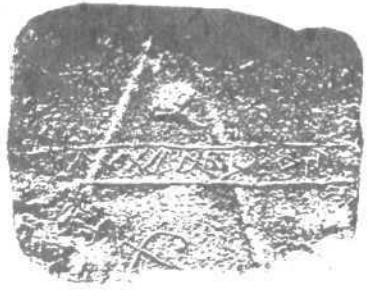
3

Себостополис. Фрагмент плиты с надписью Флавия Арриана.

4

Аристарха Колхидского

Известняк. II в. н.э.



5

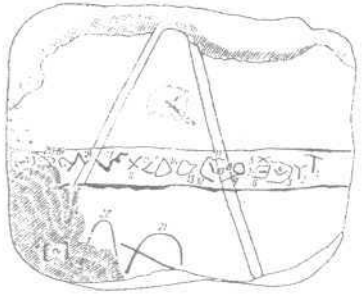
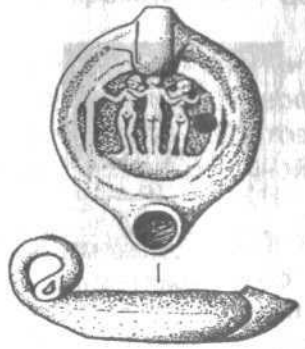


Рис. 46

1

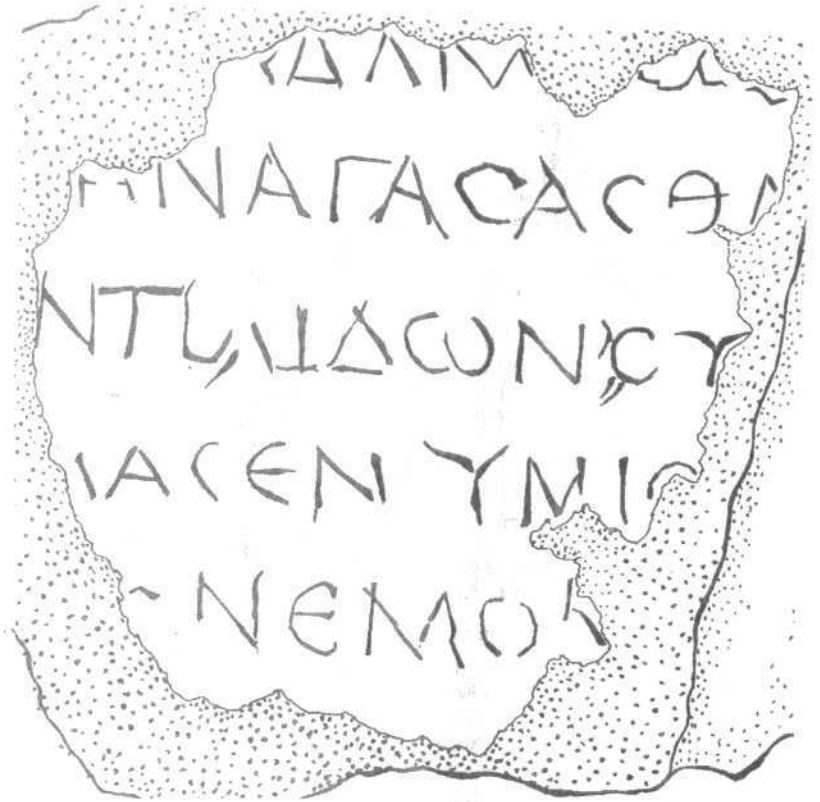
Себостополис. Изделия из обихода римского гарнизона:
1 -амфора; 2 - лутерий; 3 - сковорода; 4 -чаша с зооморфной ручкой; 5 - краснолаковая тарелка; 6 - кувшин; 7 - горшок; 8,9 - обломки сосудов; 10 - игральная кость; 11 - булавка; 12 - стакан; 13 - пряжка; 14 - бусина; 15 - фибула; 16 - печь для обжига керамических изделий; 17 - светильник с надписью; 18 - жернова ручной мельницы. Глина (1-9, 17), кость (10, 11), стекло (12), паста, бронза (13,15), камень (18), IV - V вв. Абхазский **государственный музей.**

2



Себостополис. Светильник с изоброжением трех граций. Глина II в. **н.э. Абхазский государственный музей**

Рис. 47



2

3

Фотография текста

Прорисовка текста

Севостополис - церковь, стела с греческой надписью

Рис. 48

ОПИСАНИЕ РИСУНКОВ.

Рис. 1.1. - Яштухская стоянка. **Фото С.Н.** Замятнина **в** день открытия памятника. 1934 г.

2 - Разрез раскопа нижнепалеолитической стоянки на горе Яштух.

3 - Ручное рубило с горы Яштух.

Рис. 2. Ручное рубило из Келасура (Территория Абхазского государственного университета).

Рис. 2[а] 1 - Мотыжка «сочи-адлерского» типа.

2 - мотыжка «сухумского» типа

3 - мотыгообразное орудие из Ткварчала

4 - а - сегментовидное орудие из железа (Сухумская гора).

5 - тоха с трубчатой ручкой из железа Гумиста.

6 - лемех (1); лемехообразные орудия (2-3). Железо.

Рис. 3. 1 - Реконструкция дольмена №1. Эшера

2 - Погребения в дольмене

3 - Расчистка погребений дольмена

Рис. 4. 1 - Погребения в Михайловской пещере (к северу от Сухума)

2 - Погребения в Каманском и Воронцовском пещерах и кувшинное захоронение на красном маяке.

Рис. 4[а] –1 - Эшерский кромлех №1; центральный круг памятника

2 - Расположение костей после препарации.

Рис. 4[а,1] - Кромлехи близ Николаева в Херсонеской губернии

Рис. 4[б]. - клад медноброизовых предметов. Сухумская гора

Рис. 4[в]. - Реконструкция медоплавильной печи. Сухумская гора-

Рис. 5. 1 - Грунтовые погребения позднебронзовой эпохи. Сухумская гора.

2 - Красномаякский могильник. Участок раскопа V.

3 - Крсномаякский могильник. Погребения после препарации

Рис. 6 - Красномаякский **могильник поздней** бронзы - раннего железа.

Урновая посуда

Рис.7. 1 - План погребенуия №24 V-IV вв. до н.э. Гуадиху.
2-3 План кремационных погребений V-IV вв. до н.э. Гуадиху.
Рис. 8. 1 - Черепичная гробница IV-III вв. до н.э. Гуадиху.
2 - Ситуационные планы раскопов красномаякского могильника VIII- VII вв. до н.э.
Рис. 9. - Погребальный инвентарь могилы №47
Рис. 10 - Погребальный **инвентарь** могилы № 94 Красномаякского могильника
Рис. 11. –Погребальный инвентарь грунтового погребения №62 VIII-VII вв. до н.э.
Рис. 12 - Погребальный инвентарь погребения VIII-VII вв. до н.э.
Рис. 13 - Погребальный инвентарь VIII-VII вв. до н.э.
Рис. 15. 2 - Остатки «текстильной» керамики VIII-VII вв. до н.э. Красный маяк.
Рис. 16. Разновременные **комплексы** оружия и орудия из Сухума, Гуадиху и Бамбора.
Рис. 17. 1 - Эгретка из **Эшера.** Бронза IV в. до н.э.
Рис. 18. - Погребальный комплекс **V-IV вв.** до н.э. Красный маяк.
Рис. 19. - Погребальный комплекс V-IV вв. до н.э. Красный маяк
Рис. 20. - Погребальный комплекс V-IV вв. до н.э. Красный маяк
Рис. 21-24 – Погребальный комплекс V-IV вв. до н.э. Красный маяк
Рис. 25 - Копья, топоры, **цалды, ножи из** Сухумской горы. Ранний эллинизм
Рис. 26 - Фрагмент бронзового якоря из красного маяка. Ранняя античность.
Рис. 27. 1 - Цалды натуральной величины из Эллинистического поселения, Гумистинское плато.
2 - Цалда из слоя Эшерского городища II-I вв. до н.э.
Рис. 28. 1 - ситуационный план могильника Гуадиху (по раскопкам (1952-1953 гг.).
2. - Схематический план расположение раннеантичных поселений Центральной Абхазии.

Рис. 29 - План и разрез раскопа в центре Сухума (V-III вв. до н.э.)
Рис. 30 - Схематический план исследованного района Сухумской крепости 1959.
Рис. **31 -Схематический** план **могильника на Красном маяке.**
Рис. 32 - План башни участка Одинец (I-II вв. до н.э.)
Рис. 33. 1 - План Сухумской крепости 1812
Рис. 33а - **Погребальный инвентарь** с чернофигурной **амфорой** VI в. до **н.э. Эшера.**
2 - Общий вид морской бухты.
Рис. 33б - Чернофигурная амфора VI **в.** до **н.э. Эшера.**
Рис. 33в – Ченофигурная амфора с надписью «Никон».
Рис. 33г - Сухумская надгробная плита (430-420 гг. до н.э.)
Рис. 33д – Статуэтка богини земледелия V-IV вв. до н.э. Центр **Сухума**
Рис. 34 - Погребальный инвентарь V-Iv вв. до н.э. Ачандара
Рис. 35 - Бронзовые дощечки с древнегреческими письменами IV в. до н.э. из слоя (II-I вв. до н.э.). Эшерское **городище.**
Рис. 36. Амфорные горла и ручки с клеймами «Диоску» **Гвандра.**
Рис. 37 - Амфоры горла, ручки, обломки черепиц и дисков из разрушенной печи IV-III вв. до н.э. Гвандра.
Рис. 37а 1 -Ручка амфоры с клеймом «Диоску» и черепица с **«тирсом Геракла».** Эшерское городище.
2 - Керамическая посуда раннего эллинизма из Центра Сухума
Рис. 37б - Импортная керамика V-IV вв. до н.э. Извлечена со дна моря между Эшерой и Новым Афоном.
Рис. 37в - Импортный керамический сосуд (умывальник? **цветочник?). Вместе с** амфорой.
Рис. 38. 1 - Золотая статуэтка одного из Диоскуров (II-III вв. **н.э.) Батумский музей.**
2- Бронзовая статуэтка одного из Диоскуров **(Зугдидский музей)**
3- Фото с герба владетельных князей Абхазии Чачба; в центре - **две шапки** Диоскуров
4 - Диоскурская монета с 3х строчной **надписью** «Диоскуриос»

и тирсом с двумя шапками амфор и среди них ручка с клеймом «Диоску». Эшерское городище.

Рис. 39а – Мечи кинжалы

Рис. 39б - Шлемы

Рис. 40 - Погребальный инвентарь III-II вв. до н.э. Красный маяк.

Рис. 41 - Строительный и бытовой материал из участка Одинец (II-I вв. н.э.)

Рис. 42 - Могильный инвентарь III-I вв. до н.э. Красный маяк.

Рис. 43 - Импортная керамика из Центрального Сухума. V-III вв. до н.э.

Рис. 44 - Импортная керамика из того же участка (см. Рис. 43.).

Рис. 45 - Местная и привозная керамика I-VI вв. н.э. из Сухумской крепости

Рис. 46. 1 - Скульптурный бюст I-II вв. н.э.

2 - Монета Савлака

3 - Фрагмент плиты с именем императора Адриана от Флавия Арриана

4 - Монета Аристарха

Рис. 47. 1 - Находки из слоев Себастополиса

2 - Светильник с тремя грациями I-III вв. н.э. Участок Одинец

Рис. 48. 1 Надпись о судовладении. Сухумская крепость известняк

2 - Греческая надпись на стелле. Сухумская крепость, известняк

3 - Надпись из Эшерского городища. Кладка Iв до н.э.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

В этой книге говорится о пройденном пути Диоскурии - одного из древнейших городов Черноморского бассейна и в то же время далекой предшественницы современного Сухума.

В силу природно - климатических и благодатных почвенных условий это место, особенно северная окраина, именуемая Яштух, было освоено человеком еще с незапамятных времен. Иными словами, трудно найти такое обиталище людей, где так богато и выразительно представлены этапы развития человеческой культуры от начала каменного века.

Как показано выше, с переходом людей от собирательства готовой продукции к производящему хозяйству, имевшему место 8-10 тыс. лет назад, на холмах и долинах Сухума возникают поселения-селища (по - абх. «акыта»), где обрабатывали землю для выращивания зерновых типа проса (по - абх. «абыста», «ахэз», «ашырз»), пасли скот, продолжали ходить на охоту, лепили и обжигали посуду из глины, больше и разнообразнее делали орудия из камня, кости и дерева, и в этих условиях начали изобретать новые орудия из обычной гальки. При этом имеются в виду каменные изделия, получившие в специальной литературе название «мотыжки сухумского типа», предназначенные, скорее всего, для обработки мягкой почвы. Свое наименование эти орудия получили потому, что они не встречаются за пределами прибрежной части Сухумской района, то есть между Шыцкуара (западная окраина села Эшера), и Мачара (восточная окраина Сухума), общей протяженностью 40-50 км.

Еще на заре древнего металла (эпоха меди и бронзы) около 5-6 тыс. лет назад здесь трудились земледельцы, металлурги, гончары, ткачи, пастухи, рыбаки, следы которых четко прослеживают археологи, особенно на таких памятниках бытового значения, как Гуадиху, Гумистинское плато, Мачара. На Сухумской горе была раскопана медоплавильная печь и вместе с ней большой клад бронзовых топоров. С момента этого открытия прошло более полувека, но равного памятника

металлургии, металлообработки на всем Кавказском Причерноморье еще не обнаружено.

К началу I тысячелетия до н;э. в Сухумской долине (между Красным маяком и Агудзерой) и на прилегающих холмах (Сухумская гора, Гуадиху, Нижняя Эшера-холм Верещагина) на месте более ранних стоянок возникают крупномасштабные поселения городского типа, т. н. дюнные и синхронные им могильники - некрополи. В этих местах усердно занимались солеварением, ткачеством и лепили тысячи глиняных сосудов типа «ванночек» для разового употребления и многое другое, в том числе пифосы (по-абх. «аҳапшьа») для хранения и перевозки жидких и сыпучих продуктов. Это есть эпоха расцвета местной бронзовой индустрии, больше известной как век «колхидско-кобанской» культуры (по наименованиям местностей, где, они впервые найдены и наиболее мощно представлены).

К началу и середине VI века до нашей эры поблизости названных поселений эпохи бронзы и раннего железа Сухума начинают возникать небольшие греческие поселения («апойкии»). Беспорно, к ним относится Эшерское городище. Это тот период, когда местная культура находилась на высоте своего совершенства. По призванию многих специалистов, эта культура создана племенами абхазо - адыгского этнического мира (кораксы, колы, гениохи, колхи и т.д.

Не позднее последней четверти VI в. до н.э. основана Диоскурия, о чем писал автор середины IV века до нашей эры Псевдо-Скилак Кариандский, источник которого восходит к VI веку до н.э. (Подлинный Скилак Кариандский, Гекатей Милетский и др.). Есть основание утверждать, что на рубеже VI-V вв. до н.э. город становится значительным торгово-стратегическим центром Кавказского Причерноморья, куда стекались, по словам Страбона, 70 народностей, а если верить наварху (адмиралу) Тимосфену (III в. до н.э) и все 300 разноязычных племен и народов. Но не только в этом состояло значение города. Как показывают археологические раскопки, в период ранней античности VI-IV и эллинизма (IV-I вв. до н.э.) местные племена

были вооружены последним словом военного дела того времени (копья, стрелы, кинжалы, мечи, щиты, шлемы, ножи и т.д.). В обязанность аборигенов входила, скорее всего, защита Диоскурии от внешних нападений. Тогда особенно отличались своей воинственностью племена гениохов, которые, по словам того же Страбона, имели четыре царя, влияние которых ощущается по всему Восточному Причерноморью.

Естественно, в этих условиях Диоскурии приходилось выполнять роль сближения аборигенов и пришлых эллинских общин. Последние (т. е. эллины), имея защиту и поддержку со стороны местных племен, продолжали строить свою жизнь по обычаям и нравам своих заморских соплеменников (надгробная мраморная плита, «Сухумская стела», терракотовая статуэтка греческой богини земледелия Деметры, надпись с именем Гермеса- Меркурия и т. д. и т. п.). В ряду этих письменных памятников трудно переоценить значение эшерской греческой надписи военно-повествовательного характера, где идет речь о каком-то большом военном сражении, имевшем место около IV в. до н.э., в котором была одержана блестящая победа местными жителями («эшерцами»).

О значительных владениях и мощной хозяйственно-экономической базе Диоскурии свидетельствуют выявленные керамические мастерские на всем побережье современного Сухумского района, где найдены разнообразные керамические изделия (амфоры, пифосы, черепицы, водопроводные трубы), некоторые с городским клеймом Диоскурии, предназначенные для импорта. (например, амфоры с клеймом города Диоскурии).

Как выясняется, к тому времени Диоскурия была торговым пунктом и для тех, кто со своим товаром шел на Северный Кавказ. Некоторые привалы - стоянки, раскопаны в урочище Шубары (в 30 км к северу от Сухума) и у реки Ставропольского края, где соответственно выявлены, диоскурские изделия (топоры, кувшины, шлем и т. д.). Экономическая мощь древнего Сухума настолько возросла, что во II в. до н.э. город уже чеканил свою монету. Последняя имела хождение от Малой Азии до Скифии, самой западной окраины Северного Причерноморья (Ольвия).

А в пору тяжелых военных сражений многие находили свое убежище в Диоскурии. Так, по словам Аппиана (II век), Понтийский царь Митридат VI, гонимый войсками римского полководца Помпея, скрывался в Диоскурии зимой 66-65 гг.

По данным Помпония Мелы, Плиния и др. авторов, на рубеже I века Диоскурию знают как город, находящийся на земле гениохов-санигов-апсилов, что объяснятся некоторыми передвижениями родственных племен с юго-востока на северо-запад. Сказанному не противоречит сохранившаяся топо - и гидронимика, толкуемая исключительно с помощью близкородственных абхазо-адыгских языков.

Во времена распространения христианства, особенно при Юстиниане, древний Сухум, как и другие крупно населенные пункты Кавказского Причерноморья, становятся мощными очагами этой мировой религии, где один за другим строят христианские храмы, в том числе редкий тип восьмиугольной (октогональной) формы, выявленный на Сухумской крепости в 1987 году. Но не суждено было этому престижному для своего времени храму стоять долго: в том же,VI веке, во время войны Персии и Византии за овладение Восточного Причерноморья, названный храм и все другие постройки были разрушены самими византийцами, дабы не попали в руки противников - персов.

Говоря о разрушениях древнего Сухума, нельзя не вспомнить также и события 736-37 гг., связанные с походами арабского полководца Мурвана Глухого в Абхазию. По словам грузинского летописца XI века - Джуаншера, тогда до основания были разрушены стены раннесредневекового Цухума и Апсилии.

Город Сухум оставался центром собственно Абхазского воеводства и во времена Абхазского царства (VIII-X вв.). Но в любой ситуации, независимо от взлета и падения, наш город оставался жить, по крайней мере более чем 2000 лет. Сказанное иллюстрирует головной убор, именуемый в специальной литературе как «Шапки Диоскуров». Этот символ дошел до нас благодаря древним монетам и гербам легитимных владетелей Абхазии из рода Чачба-Шервашидзе (рис.38, 3-4).

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Анчабадзе З.В. Древняя история и культура Абхазии. М., 1964.

Анчабадзе З.В. О достоверности имени, выбитого на статере Басилевса, AKI. ВДИ, 1949, 1.

Анфимов Н.В. Погребение IV в. до н.э. с р. Пхии. Известия АИЯЛИ, ХТб.. 1981

Апакидзе А.М., Лордкипанидзе О.Д. Новые материалы к археологии Диоскурии - Себастополис. Труды АбИЯЛИ, 33-34, Сух.. 1963.

Арсланов Х.А., Гай Н.А., Соловьев Б.Л. К палеографии и геохронологии позднего плейстоцена Абхазии. Изв. АН СССР, серия геология, 1976, №6.

Аутлев П.У. Абадзехская нижнепалеолитическая стоянка, Майкоп, 1961

Археология Грузии. Тб., 1959.

Аппиан. Митридатовые войны, 1959.

Барамидзе М.В. Мерхеульский могильник. Тб., 1977.

Башкиров А.С. Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 года, Известия АбНО, IV, Сух. 1926.

Бжания В.В. Мачарское поселение эпохи энеолита и бронзы в Абхазии. СА, 1966,4.

Бжания В.В. Результаты обследования Гумистинского поселения, КСИА, 115, 1969.

Бжания В.В. и др. Грот Юпса. АО. - 1999, М.. 2001.

Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953.

Векилова Е.А, Зубов А.А. Антропологические остатки из мустьерских слоев Ахштырской пещеры, КСИА, 134.

Ветроградова В.В. Новая греческая надпись из раскопок Сухумской крепости. В кн. «Проблемы истории, филологии, культуры» п., 2002.

Воронов Ю.Н. Археологическая карта Абхазии. Сух., 1969.

Воронов Ю.Н. Диоскурия - Себастополис- Цхум. М., 1980.

Воронов Ю.Н. Вооружение древнеабхазских племен в VI-I вв. до н.э. Сб., Скифский мир, Киев, 1975.

Воронов Ю.Н. Об Эшерском городище, СА, 1972, 2.
Воронов Ю.Н. К изучению керамического производства Диоскуриады. СА, 1977, 2.
Габелия А.Н., Амичба Г.А. Новая находка раннего палеолита в Абхазии. Труды АГУ, Сух., 2003.
Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.- Л. 1948.
Гордон Чайлд. Древний Восток в свете новых раскопок. М., 1956.
Гулиа Д.И. История Абхазии, Т. 6, Сух., 1986.
Гунба М.М. Погребение эпохи поздней бронзы из села Ачадара, Известия АИЯЛИ, 1978.
Дзидзария ГА. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия, Сух., 1975.
Дзидзария ГА. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции, Сух., 1979
Долуханов П.М. География каменного века, М., 1979.
Ельницкий Л.А. О малоизученных или утраченных греческих и латинских надписях Закавказья, ВДИ, 1962, СА, 4.
Жебелев СА. Северное Причерноморье, М.- Л. 1953.
Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора, МИА, 83, М., 1960.
Замятнин С.Н. Очерки по палеолиту. М., 1961.
Замятнин С.Н. Палеолит Абхазии. Сух., 1934. (Отдельный оттиск).
Зухба С.Л. Абхазское народное поэтическое творчество, Сух., 1981.
Иващенко М.М. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии, Известия НИИ кавказоведения им. акад. Марра, вып. 3, Тифл., 1935.
Инал-Ипа Ш.Д. Абхазы, Сух., 1960.
Каландадзе А.Н. Археологические памятники Сухумской горы, Сух., 1954.
Капанадзе Д.Г Грузинская нумизматика. М., 1955.
Крутикова И.Т. Сельское хозяйство Боспора, М., 1975.
Крушкол Ю.С. Древняя Синдика, М., 1971.
Куфтин Б.А. Материалы к археологии Колхиды. I. Тб., 1949.
Куфтин Б.А. Материалы к археологии Колхиды, II, Тб., 1950.
Коридзе Д.Л. К истории колхской культуры. Тб., 1965.

Каухчишвили Т.С. Греческая надпись на Сухумском светильнике, ТАИЯЛИ, 27, Сух., 1957.
Квирквелия Г.Д. Погребение раннеантичного времени на горе Яштхва. Сб.: Вопросы археологии Грузии, Тб., 1978.
Квирквелия Г.Т. Обкладка гоплитского щита с изображением орла из Колхиды. Сб.: Международные отношения в бассейне Черного моря в древ. и сред. века, Ростов-на-Дону, 2002.
Коробков И.И. Нуклеусы Яштух. Сб.: Палеолит и неолит, МИА,131.
Коробков И.И. Итоги пятилетних исследований Яштухского палеолитического местонахождения, СА, 1967.
Куфтырева Н.С. и др. Природа Абхазии, Сух., 1961.
Любин В.П. Ашельская эпоха на Кавказе, С - Петербург 1998.
Лукин А.Л. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии, Тр. ОИПКГЭ, I, Л-д, 1945.
Лукин А.Л. Эшерская находка. Тр. АИЯЛИ, 27, Сух.,1956.
Ловпаче Н.Г. Этническая история Западной Черкесии, Майкоп. 1997.
Мартиросян А.А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ерев., 1964.
Мерперт Н.Я. Очерки археологии библейских стран, М., 2000.
Мела Помпоний. О строении земли. ВДИ, 1941, 1
Мунчаев Р.М. Энеолит Кавказа. Энеолит СССР, 1982.
Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века, М., 1975.
Недоля И.К. Орудия земледелия эпохи неолита Адлер, КСИИМК, 67, с. 142-143.
Пачулиа В..П. Сухуми – Akya, Сух., 1989
Пиотровский Б.Б. Ванское царство, М., 1959.
Подосинов А.В. Произведения Овидия как источник Восточной Европы и Закавказья, М., 1985.
Рамишвили А.Т. О назначении стоянок с «текстильной» керамикой Восточного Причерноморья, СА, 1975, 1; 1975, 4.
Сизов В.И. Восточное побережье Черного моря, М, 1889.
Скуднова В.М. Находка колхидских монет и пифосов в Нимфее, ВДИ, 1952,2.
Соловьев Л.Н. Первобытное общество на территории Абхазии, Сух., 1971.

Скаков А.Ю., Джопуа А.И., Шамба Г.К. Новый могильник колхидской культуры в Бзыбской Абхазии. В сб. "Материалы и исследования по археологии Кавказа", вып. 4. Армав., 2004.

Соловьев Л.Н. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита-бронзы - стоянка Воронцовой пещеры. Труды АИЯЛИ, 29, Сух., 1958.

Соловьев Л.Н. Энеолитическое селище у Очамчирского порта в Абхазии, МИА, I, 1939.

Соловьев Л.Н. Мотыгообразные орудия «сочи - адлерского типа», Известия, АИЯЛИ, I, Тб., 1972.

Соловьев Л.Н. Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района, Труды АИЯЛИ, 31, Сух., 1960

Соловьев Л.Н. Диоскурия - Себастополис - Цхум. Тр. АГМ, I , Сух., 1947.

Соловьев Л.Н. Следы древнего соляного промысла близ Сухума - Очамчира, Тр. АГМ, I, Сух., 1947.

Соловьев Л.Н. Новые памятники шелльских орудий. Сб.: МАИА, Сух., 1974.

Турчанинов Г.Ф. Открытие и дешифровка древнейшей письменности Кавказа, М., 1999.

Турчанинов Г.Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы, Л., 1971

Стефан Византийский, Этника, ВДИ, 1948, 3.

Страбон. География, Л., 1964.

Стражев В.И. Бронзовая культура Абхазии. Известия АбНО, IV, 1926.

Трапш М.М. Труды, I, Сух., 1970.

Трапш М.М., Труды, 2, Сух., 1969.

Трапш М.М., Труды, 3, Сух., 1971

Трапш М.М., Труды, 4, Сух., 1975,

Трубникова Н.В. К вопросу о назначении кобанских сечек, КСИИМК, 18, 1947.

Урушадзе А.В. Древняя Колхида в сказаниях об аргонавтах, Тб., 1964

Услар П.К. Чеченский язык, Тифл. 1888.

Хотелашвили М.К. О древнейших земледельческих орудиях Абхазии. Сборник статей, Сух., 1970.

Хотелашвили М.К. Земледельческие орудия Абхазии античного и средневекового времени, МАИА, Сух: 1974.

Хотелашвили М.К. Античная ручная мельница из Скурчи, журнал «Дзеглис Мегобари», Тб., 1968, №15.

Хварцкия М. Х. Мустьерская пещерная стоянка Мачагуа в Абхазии, РА, 1992,4.

Хрушкова Л.Г. Новая октогональная церковь в Себастополисе в Абхазии и ее литургическое устройство. В кн.Труды XVIII международного конгресса византинистов, С. - П -г, 1995.

Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья, М., 2002.

Церетели Л.Д. Мезолитическая культура Кавказского Причерноморья Тб., 1973

Цвинария И.И. Поселение Гуандра. Тб., 1978.

Цвинария И.И. Обзор памятников материальной культуры энеолита в Абхазии, Известия АИЯЛИ, 6, Тб.. 1977.

Цвинария И.И. Новые памятники дольменной культуры Абхазии, Тб., 1990.

Чанба Р.К. Земледелие. Сб.: Земледелие и скотоводство у абхазов. Тб., 1986.

Чернявский В.И. Записка о памятниках Западного Закавказья, исследования которых наиболее настоятельно. В кн. Пятый археологический съезд в Тифлисе, М., 1882.

Шамба Г.К. Ахаччарху – древний могильник нагорной Абхазии. Сух., 1970.

Шамба Г.К. Эшерские кромлехи, Сух., 1974.

Шамба Г.К. О некоторых археологических находках из села Эшера Сухумского района. Известия АИЯЛИ, 2, Тб., 1973.

Шамба Г.К. Об одном раннеэллинистическом захоронении представителя древнеабхазской знати из с. Эшера. Известия АИЯЛИ, I, Тб. 1972.

Шамба Г.К. Новые археологические материалы из Ачандара. Сб.: Актуальные проблемы истории народов Кавказа. Сух., 1986.

Шамба Г.К. Предварительные итоги работ на Эшерском городище, КСИА, 151, 1977.

Шамба Г.К. Раскопки древних памятников Абхазии, Сух., 1984.
Шамба Г.К. Погребение VI в. до н.э. близ Сухуми. КСИА, 1983, 174.
Шамба Г.К. Эшерское городище. Тб., 1980.
Шамба Г.К. Амфорные клейма Диоскурии. Известия АИЯЛИ, 5, Тб., 1975
Шамба Г.К., Воронов Ю.Н. Новые материалы по археологии Диоскурии. Известия АИЯЛИ, 9, Тб., 1980.
Шамба Г.К. и др. Динамика растительности окрестностей Эшерского городища (Абхазия). В сб., «Известия академии наук Груз.ССР, Биологическая серия, №6, Тб.1988, т. 14.
Шамба С М. Гюэнос – I. Тб., 1988.
Шамба С.М. О чем говорят монеты. Сух., 1982.
Шамба Г.К., Шамба С.М. Археологические памятники верховья реки Галидзга. Тб., 1990.
Шамба С.М. Политическое, социально-экономическое и культурное положение древней и средневековой Абхазии по данным археологии и нумизматики. Автореферат на соискание ученой степени доктора исторических наук Ерев., 1998.
Шамба С.М. Монетное обращение на территории Абхазии. Тб., 1987
Шамба И.С. Абхазские народные песни. Тб., 1986.
Шервашидзе Л.А., Соловьев Л.Н. Исследование древнего Себастополиса, СА, 3, 1960.
Шинкуба Б.В. Об абхазской народной песне. Труды АИЯЛИ, 24, Сух., 1953.
Эрлих В.Р. Новое меотское святилище в Закубанье. В кн. «Историко–археологический сборник».
Эрлих В.Р. Меотское святилище в Абхазии. ВДИ, 1, 2004. Альманах, Армав.-Москва, 2002.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АбНО - Абхазское научное общество.
АГУ - Абхазский государственный университет.
АГ – Археология Грузии
АИЯЛИ - Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа Академии наук Груз. ССР. Тб.
АО - археологические открытия. М.,
ВДИ - Вестник древней истории. М.
ВАА – Вопросы археологии Абхазии, Сух., 1989.
МАИА- Материалы по археологии Абхазии.
МАИА- Материалы по археологии и искусству Абхазии. Сух. 1974 - Известия Академии наук ГССР.
МАК – Материалы по археологии Кавказа М.
МИА- Материалы и исследования по археологии в СССР. М.,
МС - Мифологический словарь, М., 1990.
КСИИМК - Краткие сообщения института истории материальной культуры. М.
ИАН - Известия Акад. наук ГССР
Известия НИИ - Известия научно - исследовательского института кавказоведения им. Марра, вып. 3. Тифлис, 1935.
КСИА- Краткие сообщения института археологии. М.,
РА - Российская археология. М.,
СА - Советская археология. М.,
ТОИПГЭ -Труды отдела истории первобытной культуры. Гос. Эрмитажа. I, Л - д.

Г. К. ШАМБА

доктор исторических наук, профессор

ЛРЕВНИЙ СУХУМ

(Поиски, находки, размышления).

Г. К. ШАМБА

АЖӘЫТӘ АҟӘА

атоурых наукаҳәа рдоктор, апрофессор

На 1стр. обложки:
- Богиня земледелия;
- Монета Диоскурии.

На 4 стр. обложки:
- Герб рода Чачба, 1895г.

Редактор - Аргун А. Х.
Корректор - Алексеева Т.

Формат 60/84 1/16 Физ.печ.л. 13. Усл. печ.л. 12,1. Заказ №72.
Тираж 500

Республика Абхазия
ГПП "Дом печати"
ул. Эшба 168

Г. К. Шамба

ДРЕВНИЙ СУХУМ

